

УОБЪАЖАЕМЫЕ ПОРТРЕТЫ.

УОЛЬТЕРЪ ПАТЕРЪ

УОЛЬТЕРЪ ПАТЕРЪ.

Воображаемые портреты
Теленокъ
въ домъ

ПЕРЕВОДЪ И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ
СТАТЬЯ П. МУРАТОВА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО САЛМА
МОСКВА 1908 Г.

Уольтеръ Патеръ.

Уольтеръ Патеръ.

**ВООБРАЖАЕМЫЕ
ПОРТРЕТЫ.**

РЕБЕНОКЪ ВЪ ДОМЪ.

Переводъ съ англійскаго и вступительная
статья П. Муратова.

Изданіе В. М. Саблина.
Москва.—1908.

Типографія В. М. Саблина.
Москва, Петровка, домъ Обидиной.
Телефонъ 131-34.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	1
Воображаемые портреты.	
Король придворныхъ художниковъ	17
Дэнисъ Оксеррскій	60
Себастьянъ Ванъ-Сторкъ	94
Герцогъ Карлъ фонъ-Розенмольдъ	131
Ребенокъ въ домѣ	173

120592

Замѣченныя опечатки.

Страница.	Строка сверху.	Напечатано.	Должно быть.
1	4	книгъ	книги
2	7	глубинѣ	публикѣ
4	17	Кольридуса	Кольриджа
6	6	его	ею
9	2	милостивы	мимолетны

Уольтеръ Патеръ.

1839 — 1894.

Уольтеръ Патеръ писатель совершенно неизвѣстный въ Россіи. Насколько извѣстно, былъ переведенъ до сихъ поръ лишь одинъ небольшой очеркъ изъ его книгъ о Ренессансѣ („Боттичелли“ — въ журналѣ *Новый Путь*). Немногимъ быть можетъ запомнилось еще признаніе Оскара Уайльда, который однажды сказалъ, что Патеръ былъ единственнымъ современнымъ писателемъ, оказавшимъ на него вліяніе. Слова Уайльда заставляютъ вспомнить одну литературную эпоху, теперь уже прошлую и окончательно, такъ сказать, ликвидированную, — англійскій эстетичизмъ 70—80-ыхъ годовъ. Было дѣйствительно время, когда молодой оксфордскій профессоръ Патеръ стоялъ какъ бы въ центрѣ этого движенія. Въ 1873 году вышла книга его о Ренессансѣ, и въ ней восторженные поклонники прера-

фаэлитовъ, Россетти и Суинберна, хотѣли видѣть литературное выраженіе своихъ эстетическихъ стремленій. Книга выдержала много изданій; культъ Боттичелли и Леонардо, распространявшійся тогда еще только въ избранныхъ кружкахъ, былъ созданъ отчасти ею. Въ глубинѣ говорили, что появилась новая „эстетическая школа“ и что „Заключеніе“, написанное Патеромъ, это и есть манифестъ новыхъ эстетовъ. Кто-то написалъ даже пародію, гдѣ оксфордскій профессоръ былъ представленъ какъ смѣшной салонный *arbiter elegantium*. Слѣдъ такихъ литературно-свѣтскихъ бурь остается надолго, репутаціи, данныя съ завязанными глазами, держатся наиболее прочно. Патеръ былъ записанъ въ отцы эстетицизма, его книга о Ренессансѣ и „Воображаемые портреты“, переведенные на французскій и нѣмецкій языки, вошли въ основную каталогъ эстета наравнѣ съ Гюисмансомъ и Уайльдомъ; такіе эпигоны движенія, какъ Артуръ Симонсъ, продолжаютъ упорно считать его „своимъ“ и тѣмъ способствуютъ его забвенію.

Но Патеръ не долженъ быть забытъ. Онъ не можетъ быть забытъ, ибо вовсе не былъ связанъ съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ литературнымъ направленіемъ. То, что произошло въ данномъ случаѣ съ эстетицизмомъ, было лишь минутнымъ совпаденіемъ. Дороги

Патера и Уайльда пересѣклись въ одной точкѣ и сейчасъ же разошлись въ разныя стороны; правда, они встрѣтились еще разъ, но это уже тамъ, куда рано или поздно приходятъ всѣ люди большого сердца, чтобы услышать свое *De profundis*. Едва ли надо было говорить здѣсь о Патерѣ, если бы значеніе его исчерпывалось прикосновенностью къ англійскому эстетизму, къ этому блестящему и внутренне-холодному и страшно чужому для насъ излому древней культуры. Нѣчто неизмѣримо большее видится намъ въ этомъ печальномъ, одинокомъ и сдержанномъ писателѣ, — какой-то цѣльный и благородный душевный типъ, можетъ быть высшее и совершеннѣйшее воплощеніе западной души за много лѣтъ. Патера нельзя отнести къ проходящему моменту литературной жизни уже потому, что онъ почти не жилъ въ настоящемъ. Его мысли всегда обращены въ прошлое, и это прошлое для него не художественная мода, не предметъ научныхъ экскурсій, не красивая обстановка, въ которой такъ пріятно чувствовать себя эстетамъ. Патеръ не изучалъ и не „гутировалъ“, онъ просто жилъ въ прошломъ, и оно было для него дѣйствительностью болѣе реальной, чѣмъ настоящее. Онъ былъ очень одинокъ въ жизни и потому могъ называть Платона своимъ учителемъ-другомъ и могъ слышать Данте,

Паскаля и Томаса Брауна, какъ интимно близкихъ и дорогихъ людей.

Ибо странное чувство общности, синтеза было доступно Патеру; ходъ тысячелѣтій, длительное видѣніе міра было открыто ему въ простыхъ, великихъ линіяхъ. Въ статьѣ о Меримэ онъ говоритъ объ этомъ чувствѣ „большихъ пропорцій во всемъ“, которое позволяетъ видѣть „всеобъемлющее зрѣлище жизни отъ начала до конца во времени и пространствѣ“ и которое доходило до своего крайняго предѣла у тѣхъ, кто смотрѣлъ когда-то на міръ „съ башни средневѣковаго собора“. Съ особеннымъ, своеобразно-равнымъ вниманіемъ всматривался Патеръ въ творчество греческихъ скульпторовъ и Вордсворта, Леонардо и Меримэ, Кольридуса и Луки делла Роббіа. Что же искалъ онъ пылливо въ „душевномъ внутреннемъ строѣ“ этихъ людей, безконечно разныхъ, раздѣленныхъ столѣтіями духовной жизни? Онъ искалъ въ нихъ волненія своей жизни, загадки своего бытія, переживанія отвѣтныя своимъ переживаніямъ. Короче, онъ искалъ въ нихъ себя, потому что, какъ сказано имъ, „стремленіе къ самоизображенію — это и есть истинная причина всякаго вообще творчества, лишь скрытая иногда подъ другими внѣшними побужденіями“.

Патеръ принадлежитъ къ числу тѣхъ пи-

сателей, которыхъ трудно узнать. Нѣтъ одного, центрального произведенія, гдѣ бы высказался онъ цѣликомъ, какъ художникъ и мыслитель. Такихъ писателей надо искать на всѣхъ написанныхъ ими страницахъ, во всѣхъ статьяхъ и замѣткахъ, можетъ быть и въ письмахъ. Важнѣйшія признанія, прекраснѣйшіе образы, священнѣйшія движенія души встрѣчаются у нихъ такъ неожиданно, будто случайно, непримѣтно. Такіе писатели „склада Монтаня“, какъ говорилъ Патеръ, требуютъ долгаго и внимательнаго общенія; они легко забываются близкими, но ихъ слова, разсѣянные и укрытыя отъ бѣглого взгляда, живутъ долго, зрѣютъ и ждутъ будущей жатвы.

То, что писалъ Патеръ, можно назвать по большей части художественной критикой. Но значеніе этихъ словъ не будетъ обычно. Патера никогда не занималъ объективный анализъ творчества, его не привлекали исчерпывающія критическія оцѣнки; онъ не стремился провѣрить прежнія репутаціи или установить новыя; схемы культурной и литературной эволюціи мало интересовали его. Въ одной изъ статей Патеръ самъ указалъ на смыслъ того, что онъ дѣлалъ, называя это „творческой критикой“. Эта критическая работа сама по себѣ уже есть созиданіе и творчество, когда проникаетъ она сквозь данное литературное или художественное произведеніе до

внутренняго душевнаго строя, въ которомъ оно могло сложиться“. Герой его неоконченнаго романа, Гастонъ де Латуръ понималъ поэзію Ронсара, „самъ раскрывая въ полномъ объемѣ первоначальный замыселъ поэта“. Въ этой работѣ *возсозданія души* по даннымъ его всегда неполнымъ и несовершеннымъ проявленіямъ божескаго дара, заключается истинный смыслъ „творческой критики“ Патера.

Но это творчество всегда остается вторичнымъ, отраженнымъ; оно нуждается въ опредѣленномъ мотивѣ. Такимъ остался Патеръ и въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. Такъ удачно нашелъ самъ онъ имъ имя, — „Воображаемые портреты“. Правда, у него есть еще и романы — „Эпикуреецъ Марій“ и „Гастонъ де Латуръ“ — но эти романы въ сущности тѣ же „Воображаемые портреты“ или рядъ портретовъ. Есть неподвижность, безжизненность всегда въ этихъ изображеніяхъ; не люди, но только живопись блѣдная, фресковая, угашенная. „Воображаемые портреты“ написаны всегда по какому-нибудь намеку исторіи или искусства. Такимъ образомъ, по внѣшности, это историческія фантазіи, и эпоха, окруженіе, всегда написано въ нихъ вѣрно, бережно и любовно. Но никогда это не главное, и никогда Патеръ не искалъ предлога, чтобы написать красивую внѣшность жизни, никогда не низводилъ онъ

свое творчество до холодной эстетической игры костюмами, стильными предметами, историческими позами. Его живопись,—это прежде всего живопись идей; въ его портретахъ, какъ въ портретахъ стариннаго честнаго времени, главное въ самомъ лицѣ, которое живетъ въ тишинѣ, безмолвное и неподвижное, сгущенной въ сто кратъ внутренней жизнью. Но чье лицо всегда одно, всегда вопрошающее, усталое и печальное мнится намъ въ каждомъ изъ этихъ блѣдныхъ лицъ, всегда овѣянныхъ дыханіемъ смерти? И въ портретѣ больного Ватто, и въ обреченномъ мыслю молодомъ Ванъ-Сторкѣ, и въ Эмерольдѣ Утвортѣ, надъ которымъ тяготѣетъ темный рокъ, и въ безумномъ монахѣ, встрѣтившемъ золотокудраго Аполлона среди полей Пикардіи, и въ этомъ Эпикурейцѣ Маріѣ, который услышалъ однажды въ Сабинскихъ горахъ голосъ всевышняго Бога, какъ не узнать тебя, писатель, твою любовь къ прекрасному въ этомъ мірѣ, твою боль тайною смерти?

Только одинъ изъ всѣхъ „воображаемыхъ портретовъ“ посвященъ современности; тотъ, гдѣ есть сильныя автобіографическія черты, гдѣ, рассказывая о жизни „Ребенка въ домѣ“, Патеръ рассказываетъ о своемъ дѣтствѣ, о пробужденіи своего сознанія. Въ тихомъ полудеревенскомъ англійскомъ домѣ, за высокими стѣнами сада живетъ ребенокъ, и изъ

широкаго окружающаго міра льются ему въ душу два потока впечатлѣній, — „чувство прекраснаго и чувство страданія“. Въ старомъ домѣ сложился его внутренній міръ изъ неуволвимыхъ мимолетныхъ опытовъ чувства и мысли. И онъ увезъ съ собою изъ стараго дома и навсегда сохранилъ желаніе красоты и страхъ смерти, который былъ еще сильнѣе отъ его любви къ красотѣ. Есть удивительное постоянство, какая-то странная, старинная прямота въ душевныхъ переживаніяхъ Патера. Стоитъ только прислушаться, чтобы услышать во всемъ когда-либо написанномъ имъ одинъ напѣвъ и ритмъ, одну щемяще-грустную мелодію.

„Такъ счастливо былъ онъ одаренъ для принятія радостей чувственнаго міра, — говоритъ Патеръ въ одномъ изъ своихъ „портретовъ“. — Онъ могъ бы сказать это о самомъ себѣ. Сколько примѣровъ утонченной, звенящей воспріимчивости разсѣяно въ его произведеніяхъ! Въ душѣ писателя точно серебряныя струны, и есть прикосновенія вещей и силы искусства, отъ которыхъ такъ нѣжно и печально запѣваютъ онѣ. И въ словахъ тогда запечатлѣны образы чистаго и высокаго художества. „Только въ Италіи, — горитъ онъ, — все кажется сотканнымъ изъ золотыхъ нитей, все, даже кипарисы, скрывающіе золото въ темной своей зелени. И венеціанскіе мастера

золотой пряжей работали, залотой пылью“... Но такъ милостивы эти прикосновенія: „внезапный лучъ свѣта преображаетъ самыя простыя вещи, флюгарку на крышѣ, вѣтряную мельницу, цѣпь вѣятеля, пыль въ открытой двери житницы, — минута, и все исчезло, потому что было это чистымъ видѣніемъ; но еще осталась жалость объ этомъ, и хочется ждать, что это опять случится“. Вотъ почему надо чувствовать тонко и сильно, такъ, какъ Вордсвортъ, котораго впечатлялъ „цвѣтокъ и его тѣнь на камнѣ, крикъ кукушки и его эхо“.

Но, „къ желанію красоты рано примѣшался страхъ смерти“, который „никогда въ послѣдствіи не покидалъ его“. Нѣтъ ничего написаннаго Патеромъ, гдѣ бы не „вѣяло дыханіемъ могилы“, гдѣ бы не рисовался страшный образъ „со стиснутымъ подбородкомъ, со странной улыбкой, съ прямыми сухими ногами“. Герцогъ Карлъ Розенмольдъ, нѣмецкій Аполлонъ, богоподобный юноша, пришедшій „точно съ кубкомъ въ рукахъ на пиръ жизни“, слышитъ доходящій до него отовсюду „скрежетъ заупокойнаго звона“. И онъ бѣжитъ, „точно не просто отъ смерти, но отъ убійства“ и „врагъ преслѣдуетъ его по пятамъ“. Тѣнь смерти, отъ которой „сѣрѣетъ тѣло и цвѣты становятся увядшими“, заставляетъ Патера любить Боттичелли. Вѣдь всѣ великіе флорентійцы „были поглощены мыслью

о смерти. *Outre tombe! Outre tombe!*—въ этомъ бремя ихъ дней, отъ Данте до Савонаролы“... Старинный англійскій писатель, Аръ Томасъ Браунъ, влечетъ къ себѣ Патера, ибо въ его „Письмѣ къ другу“ такъ сильно выражено „глубокое чувство почти физической красоты умирающаго“. „Безконечное будущее,—писалъ Томасъ Браунъ,—вливается въ жизнь примѣтно взору, какъ океанъ, который входитъ далеко внутрь страны, подымаясь по рѣкѣ волной прилива“. И потому такъ дорогъ для Патера этотъ „англійскій Монтанъ“, старинный авторъ „*Religio Medici*“ и „трактата о сожиганіи умершихъ“, что никѣмъ ярче него не выражено „вопрошающее благоговѣніе на порогѣ иной жизни“.

Въ настойчивыхъ вопрошаніяхъ на порогѣ тайны, „въ сомнѣніяхъ о послѣднемъ выводѣ судьбы человѣка, о согласіи между жизнью и смертью“ смыслъ внутренней трагедіи Патера. Такъ мирно, безъ всякихъ внѣшнихъ событій протекала его жизнь. Но лицо его стало блѣднымъ, и въ походкѣ, по словамъ тѣхъ, кто зналъ его въ послѣдніе годы, было замѣтно „полубезсознательное страданіе“. Его усталая вѣжливость, эта скрытая душевная боль, не была ли она результатомъ остроты переживаній, той „*aigreur*“, которая, по мнѣнію Патера, была прирождена Паскалю? И развѣ случайно, что именно Паскалю,

именно этому величайшему искателю и страдальцу, отдалъ Патеръ мысли и труды послѣднихъ своихъ дней?

Въ статьѣ о Паскалѣ, неоконченной, такъ какъ была она прервана смертью писателя, есть особенный трепетъ, особенная напряженность. Проникая въ трагедію Паскаля, Патеръ послѣдній разъ приоткрылъ себя, свою трагедію. Вѣдь и Паскалю нѣкогда, „какъ другому юношѣ, котораго возлюбилъ Иисусъ, не было недостатка ни въ чемъ, что бы могло сдѣлать для него мѣръ любовью и радостью“... Но онъ отвернулся отъ міра, ибо искалъ Бога, который отъ міра сокрытъ, — *Deus absconditus*. „Въ мысляхъ Паскаля есть постоянная напряженность, какъ бы вѣчное бодрствованіе, душевная бессонница“... Что же услышалъ онъ въ часы бодрствованія? — „*Le Silence éternel de ces espaces infinis m'effraie*“.

Бываютъ странныя предчувствія... „Ребенокъ въ домѣ“ узналъ о смерти своего отца въ далекой Индіи, когда раздались „рыданія на лѣстницѣ, такъ горько откликнувшіяся по всему дому и навсегда врѣзавшіяся ему въ душу“. Или вотъ строки изъ „портрета“ Ватто: „Жанъ-Батистъ вернулся внезапно. Я услышала его страшные шаги на лѣстницѣ“... „онъ рассказалъ намъ все. Антуанъ Ватто скончался неожиданно на рукахъ г. Жерсента въ одинъ изъ жаркихъ іюльскихъ дней“.

Въ 1893 году Патеръ вернулся въ Оксфордъ, гдѣ жилъ когда-то двадцать семь лѣтъ подрядъ. Слѣдующимъ лѣтомъ онъ былъ первый разъ въ жизни серьезно боленъ. Однако поправился и снова работалъ надъ „Паскалемъ“. Утромъ 30 іюля онъ вышелъ изъ комнаты и сталъ спускаться по лѣстницѣ. Черезъ нѣсколько минутъ его нашли тамъ лежащимъ безъ признаковъ жизни. Онъ умеръ отъ разрыва сердца.

Послѣднее знаніе, отвѣтъ на „послѣднее любопытство“ его, скрытъ отъ насъ. Но вотъ передъ нами книги Патера, и въ нихъ надежда и возвышающая вѣра. Въ этой монашески-чистой, близкой къ прозрачнымъ источникамъ древней мудрости жизни слышится обѣщаніе Вѣчнаго Возрожденія. „Міръ полонъ душъ“, и всегда могутъ быть зачаты въ немъ греческіе боги. Вѣчную юность хранятъ и остатки средневѣковыхъ монастырей и развалины античныхъ храмовъ. „Все, что нѣкогда волновало людей, не можетъ совсѣмъ умереть, — языкъ, какимъ они говорили, оракулъ, передъ которымъ смолкали ихъ голоса, сны, однажды посѣтившіе ихъ воображеніе, — все, чего они нѣкогда страстно желали, чему от-

давали свои дни и жаръ своихъ душъ“. И каждое произведеніе возсоздающаго художества есть какъ бы „исполненіе Resurgam надъ пустымъ гробомъ“ освобожденнаго отъ тлѣнія человѣчества.

П. Муратовъ.

Воображаемые портреты.

Король придворныхъ художниковъ.

Отрывки изъ стараго французскаго дневника.

Валансьенъ, сентябрь 1701.

Большая мастерская моего отца перестраивалась. Этотъ очаровательный, старинный, уже наполовину разрушившійся уголокъ, разставался, наконецъ, со своими проросшими мхомъ плитами, со знакомыми намъ всю жизнь зелеными слѣдами непогодъ на высокой выбѣленной стѣнѣ, напротивъ которой, въ маленькомъ дворикѣ скульптора, мы сиживали въ лѣтніе дни, ища прохлады. Вмѣстѣ съ рабочими стараго Ватто пришелъ его сынъ, „геній“, крестникъ и тезка моего отца, темноволосый юноша, чьи большіе, безпокойные глаза кажется вѣчно блуждаютъ по находящимся здѣсь рисункамъ. Отецъ настаиваетъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ геній и прирожденный художникъ. Во время нашей сентябрьской ярмарки на Большой площади здѣсь было удивительное смѣшеніе красокъ и звуковъ на обширномъ открытомъ пространствѣ подь на-

Октябрь 1701.

Больше всего благодаря ходатайствамъ моего отца, старикъ Ватто согласился отдать Антуана къ здѣшнему учителю рисованія. Я встрѣчаю его иногда, идущимъ на урокъ, когда возвращаюсь отъ обѣдни; онъ вѣдь все еще работаетъ вмѣстѣ съ каменщиками, но извлекаетъ все возможное изъ каждой свободной минутки, рано утромъ или поздно вечеромъ. И, кромѣ того, для него праздники, которыхъ такъ много въ этомъ старосвѣтскомъ уголкѣ. О! конечно, такое дарованіе, какъ его, когда-нибудь тѣмъ или инымъ способомъ оправдаетъ все это усердіе. Онъ дѣлаетъ удивительные успѣхи. И, однако, далекій отъ самомнѣнія, отъ легкаго довольства тѣмъ, что дается ему, въ сущности, шутя, онъ, какъ думаетъ отецъ, слишкомъ мало увѣренъ въ себѣ, что необходимо для успѣха рѣшительнаго. Правда, онъ склоненъ слишкомъ поспѣшно отворачиваться отъ себя и отъ того, что имъ сдѣлано. Тутъ должна быть „золотая середина“. Да! и я могла бы счесть себя обиженной той особой ироніей, которая прорывается у него иногда сквозь обычную, нѣсколько печальную привѣтливость манеры держать себя; но только я вижу, что и къ самому себѣ онъ относится совершенно такъ же.

Октябрь 1701.

Теперь Антуанъ Ватто приходитъ сюда часто. Инстинктъ врожденнаго изящества заставляетъ

его уходить, когда только возможно, отъ того пустого каменнаго дома, столь мало интереснаго, и отъ тѣхъ простоватыхъ стариковъ. Домашняя скудость превратила его желаніе самыхъ простѣйшихъ жизненныхъ радостей въ какую-то физическую потребность, подобную голоду или жаждѣ, которая можетъ стать жадностью, и мнѣ думается, что онъ излишне высоко цѣнить подобныя вещи. Впрочемъ, такая, какъ она есть, его участь въ этой грубой обстановкѣ должна тронуть всякаго. И вотъ онъ пользуется опытными совѣтами моего отца, который такъ свѣдуецъ въ дѣлахъ искусства и помимо своей скульптуры; Антуанъ желанный гость для него. Особенно же въ послѣдніе дождливые дни, когда нельзя рисовать на воздухѣ, когда вѣтеръ едва успѣваетъ осушить мостовую до новыхъ потоковъ дождя, когда всѣ сидятъ дома, и единственный звукъ, долетающій извнѣ, это визгъ петель безпокойной ставни или топотъ идущихъ черезъ площадь усталыхъ солдатъ, которые безпрестанно приходятъ и уходятъ, неизвѣстно откуда и неизвѣстно куда, противъ англичанъ или противъ австрійцевъ, послѣ побѣды или послѣ пораженія, — да, въ эти дни онъ сдѣлался точно членомъ нашей семьи! „Пойдетъ далеко“, говоритъ отецъ. Онъ ушелъ бы далеко, въ буквальномъ смыслѣ слова, если бы только могъ, — въ Парижъ, въ Римъ. Надо сознаться, нашъ Валансьенъ тихій, нѣтъ, прямо-

таки сонный городъ, еще болѣе сонный съ тѣхъ поръ, какъ сталъ французскимъ и отодвинулся отъ границы. Трава густо растеть на нашихъ старыхъ валахъ, и такъ хорошо бродить тамъ,— бродить и мечтать; хорошо для покорной, непритязательной души, такой, какъ моя.

Декабрь 1702.

Антуанъ Ватто уѣхалъ отъ насъ въ Парижъ сегодня утромъ. Это случилось совсѣмъ неожиданно. Въ Парижѣ теперь много веселятся. Одинъ здѣшній театральный живописецъ, хорошо извѣстный во Фландріи, приглашенъ работать въ какой-то парижскій театръ, и молодой Ватто, немного ему знакомый, отправился вмѣстѣ съ нимъ. Онъ не знаетъ, что это я убѣдила живописца взять его съ собой, убѣдила, что юноша окажется полезнымъ. Мы предложили ему маленькій подарокъ отъ насъ: тонкое кружево нашей собственноручной работы для манжетъ и тому подобнаго; надо имѣть видъ въ Парижѣ, и онъ ловокъ и хорошо сложенъ. А я, я подарила ему шелковый кошелекъ, который когда-то давно вышивала для другого. Ну! будемъ слѣдить за его судьбой (я, со своей стороны, въ ней совершенно увѣрена) издалека. Старикъ Ватто не зналъ объ его отъѣздѣ и былъ здѣсь въ страшномъ гнѣвѣ.

Декабрь 1703.

Сегодня двѣнадцать мѣсяцевъ, какъ Антуанъ уѣхалъ въ Парижъ! Первая борьба должна быть суровой для безызвѣстнаго юноши въ этомъ огромномъ, переполненномъ городѣ, даже если онъ такъ одаренъ, какъ молодой Антуанъ Ватто. Мы можемъ, однако, полагать, что онъ теперь на пути къ избранной цѣли, потому что еще не возвращается домой; впрочемъ, поистинѣ, онъ слишкомъ мало сообщаетъ о себѣ тѣмъ бѣднымъ старикамъ. Ученики г. Метайе, у котораго онъ работаетъ, трудятся цѣлые дни, каждый лишь надъ одной какой-нибудь частью — куаффорой, платьемъ, лицомъ — тѣхъ дешевыхъ религіозныхъ или фантастическихъ картинъ, которыя выставляются на продажу за гроши на панеляхъ моста Нотръ Дамъ. Антуанъ уже теперь самый искусный изъ нихъ и, кажется, недавно повысился до работы въ церквахъ. Мнѣ пріятно думать объ этомъ. За свой трудъ онъ получаетъ три ливра въ недѣлю и обѣдъ ежедневно.

Май 1705.

Антуанъ Ватто ушелъ отъ торговца картинами для „дешевки“ и работаетъ теперь у живописца, расписывающаго обстановку комнатъ (вставки для дверей и тому подобное, что сейчасъ въ модѣ), который въ то же время состоитъ привратникомъ при Люксембургскомъ дворцѣ. Антуанъ и живетъ теперь гдѣ-то въ этомъ

величественномъ зданіи, хранящемъ королевское собраніе итальянскихъ картинъ, которыя онъ такъ хотѣлъ копировать. Дворцовые сады тоже великолѣпны и, какъ мы отъ него узнали, какъ-то по новому разбиты и украшены. Ахъ! какъ наслаждаюсь я, хотя бы только въ мечтахъ, этими прекрасными садами, болѣе естественными и менѣе строгими, чѣмъ другіе дворцовые сады. Мнѣ кажется, что я вижу тамъ его, когда минуетъ долгій трудъ лѣтняго дня, отдыхающаго въ прохладной тѣни стройныхъ широколиственныхъ деревьевъ, изъ которыхъ каждое, настоящій вельможа, хотя по виду будто и выросло на тѣхъ широкихъ вольныхъ поляхъ вдалекѣ, куда опускается солнце.

Впрочемъ, среди всего этого его мысль не вовсе покинула родину, если только можно судить по сюжету картины, которую онъ надѣется продать за цѣлыхъ шестьдесятъ ливровъ, — „Уходъ войскъ“ — одна изъ тѣхъ сценъ военной жизни, какія можно такъ хорошо наблюдать здѣсь, въ Валансьенѣ.

Июнь 1705.

Молодой Ватто вернулся домой, — доказательство у такого независимаго характера, какъ онъ, что все идетъ хорошо; и онъ (это рѣшено!) остановится у насъ, а не въ домѣ каменщика. Старики думаютъ, что онъ пріѣхалъ къ намъ ради наставленій моего отца. Сдѣлались мы теперь французами, но если не

душой, такъ хоть внѣшностью жизни остаемся еще прежними фламандцами. Даже во французской Фландріи, въ Дуэ и Ст. Омерѣ и въ церквахъ, и въ домахъ, и просто на улицахъ, какъ я наблюдаю, еще замѣтенъ духъ аккуратности и тщательности, заботливости и опрятности. Антуанъ Ватто ощущаетъ это, возвратившись въ Валансьенъ, больше, чѣмъ когда-либо и послѣ своей парижской квартиры цѣнитъ высоко нашу фламандскую чистоту, какъ всегда влюбленный въ изящество и порядочность. Тѣ жизненные удовольствія, которыхъ, будучи юношей, онъ, казалось, чуть ли не алкалъ и жаждалъ, точно они были необходимостью для его существованія, онъ принимаетъ теперь такъ, будто всегда ими пользовался. И есть что-то благородное, — можно ли такъ сказать? — въ полупрезрительной манерѣ, съ какой онъ обращается съ тѣмъ, что, какъ мнѣ думается, втайнѣ продолжаетъ еще слишкомъ высоко цѣнить. Есть въ немъ какая-то красивая раздумчивость, тотъ оттѣнокъ „le bel ségieux“, который наводитъ меня на мысль объ одномъ изъ старинныхъ, суровыхъ государственныхъ мужей Голландіи, въ ихъ юные годы, такихъ, на примѣръ, какъ знаменитый Вилгельмъ Молчаливый. Однако дѣйствіе первыхъ успѣховъ (важныхъ гораздо больше, чѣмъ ихъ простое переложеніе на деньги, важныхъ, какъ залогъ будущаго, полного раскрытія природнаго дара) замѣтно на немъ, точно цвѣтеніе на цвѣт-

кѣ; у него бываютъ иногда вспышки веселости, которыя время отъ времени должны освѣжать всякаго истиннаго художника, какъ бы онъ ни былъ поглощенъ и „закабаленъ“ работой.

Июль 1705.

Обаяніе всего этого, — его лица, его манеры держать себя, — затронуло даже моего младшаго братишку, Жана-Батиста. Онъ страшно привязался къ Антуану, пристаётъ къ нему пожалуй даже слишкомъ назойливо и не хочетъ быть никѣмъ инымъ, только живописцемъ, хотя отецъ предполагаетъ воспитать его въ собственной своей профессіи. Это можетъ быть благодѣтельно для ребенка. Необходимы движенія чувства и благородной симпатіи для этой маленькой замкнутой души, думала я, слѣдя иногда, какъ содрогается во снѣ его личико и ручки. Десятилѣтній мальчикъ, который любитъ только беречь и владѣть, любитъ копить свои крошечныя сбереженія! И, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не эгоистъ и ко всѣмъ намъ горячо привязанъ. Теперь, какъ маленькій скряга, онъ считаетъ минуты быть въ обществѣ Антуана. Отлично! быть можетъ это уберезетъ его отъ развитія низкихъ чертъ характера, чего я иногда боялась въ немъ.

Августъ 1705.

Въ этотъ лѣтній вечеръ мы всѣ, то-есть Антуанъ Ватто, отецъ, сестры, маленькій Жанъ-Батистъ и я, поздно возвратились домой изъ

поѣздки въ Ст.-Амандъ, которой мы ознаменовали послѣдній день пребыванія у насъ Антуана. Осмотрѣвъ главную церковь аббатства и рядъ капеллъ съ ихъ несмѣтнымъ множествомъ рѣзныхъ алтарей, золотыхъ ракъ, погребальныхъ гербовъ на цвѣтныхъ стеклахъ, едва видимыхъ сквозь роскошную ограду изъ мрамора и бронзы, мы поужинали въ маленькой лѣсной харчевнѣ. Антуанъ, нарядный въ своемъ новомодномъ длиннополомъ кафтанѣ, дѣлающимъ его выше, заставилъ насъ вынести землянику и сливки наружу и разсадилъ насъ по своему вкусу (для бѣглаго наброска въ большой карманной книжкѣ, которую онъ всегда носить съ собой) на мягкомъ скатѣ тѣнистой лѣсной полянки, гдѣ деревья немного разступились, въ то время какъ Жанъ-Батистъ и младшая сестренка танцовали на травѣ менуэтъ подъ звуки лютни бродячаго музыканта, который случайно тутъ подвернулся. Онъ замѣтно весель при мысли о скоромъ возвращеніи въ Парижъ и сталъ на моментъ живѣе и увѣреннѣе, чѣмъ я когда-либо его видѣла, заговоривъ о картинахъ Петера-Поля Рубенса, находящихся въ здѣшней церкви. Когда онъ говорилъ о нихъ, его слова казались наполненными какъ бы роскошью заката, какъ бы зыблущимся великолѣпіемъ. Но я люблю гораздо больше, чѣмъ всѣ эти картины, то произведеніе стариннаго голландскаго мастера, Петера Порбуса, которое виситъ, хотя, поло-

жимъ, и очень плохо различимое, въ нашей церкви, дома. Наши святые патроны, просто и твердо водруженные по двумъ сторонамъ, вручаютъ двухъ безхитростныхъ стариковъ Нашей Владычицѣ, возсѣдающей посрединѣ со взоромъ и выраженіемъ Той, въ Комъ посреди всѣхъ Ея „Славъ“ (изображенныхъ въ темноватыхъ округлыхъ картинкахъ и окаймленныхъ гирляндой блѣдныхъ цвѣтовъ) нѣтъ иныхъ чувствъ, кромѣ великой жалости. Ея дымно-голубая одежды радуютъ мой взоръ несравненно больше, чѣмъ горячія, мясныя краски медицейскихъ дамъ великаго Петера-Поля со всей ихъ пышностью и царственной плавностью движеній подъ узкими придворными нарядами, которая, какъ говоритъ Антуанъ Ватто, совершенно его уничтожаетъ.

Августъ 1705.

Я только что вернулась отъ ранней обѣдни. Когда окончилась служба, я долго мечтала тамъ, слѣдя взоромъ за маленькой птичкой, залетѣвшей въ церковь и не знающей какъ вылетѣть оттуда, и думала: кто бы на свѣтѣ могъ ей помочь и какимъ образомъ? Боюсь, что она останется тамъ навсегда, будетъ кружить какъ безумная подъ высокой сводчатой кровлей, пока не погибнетъ, выбившись изъ силъ. Мнѣ кажется я слышала о писателѣ, который сравнилъ человѣческую жизнь съ птицей, пролетающей толь-

ко однажды, въ зимнюю ночь отъ окна къ окну черезъ весело освѣщенный залъ. Птичка, ставшая добычей минутной бѣды, птичка, которая бьется въ безысходныхъ кругахъ, пока не задохнется наконецъ въ тѣсныхъ сводахъ каменной церкви, — ей тоже можетъ быть уподоблена жизнь человѣка!

Антуанъ Ватто уѣхалъ въ Парижъ вчера. Да! конечно, высокія вершины творчества возстаютъ передъ нимъ; становятся доступны ему области, куда все труднѣе и труднѣе за нимъ слѣдовать воображеніемъ и представлять себѣ, какъ протекаетъ тамъ его жизнь.

Январь 1709.

Антуанъ Ватто выступилъ соискателемъ такъ называемаго Prix de Rome, желая воспользоваться учрежденіемъ, которое основалъ въ Римѣ король Людовикъ Четырнадцатый для вспомошествованія французскимъ художникамъ. Онъ получилъ только второе мѣсто, но не отказался отъ намѣренія совершить поѣздку въ Италію. Не могла ли бы я сберечь заботливой экономіей сумму, достаточную для этой цѣли? Можно было бы доставить ее ему какимъ-нибудь косвеннымъ путемъ, чтобы это его не обидѣло.

Февраль 1712.

Мы прочли въ сегодняшнихъ Вѣдомостяхъ съ превеликимъ удовольствіемъ для насъ всѣхъ, наряду съ другими событіями въ необъятномъ

мірѣ, что Антуанъ Ватто избранъ въ Академію Живописи подъ новымъ титуломъ художника Любезныхъ Празднествъ и съ назначеніемъ также Художникомъ Короля. Братишка Жанъ-Батистъ побѣждалъ рассказать новость старымъ Жанъ-Филиппу и Мишеллѣ Ватто.

Совсѣмъ новый родъ живописи! Препрежнее убранство комнатъ должно совершенно измѣниться, чтобы согласоваться съ этой живописью или, вернѣе, эта живопись предназначена исключительно для комнатъ особаго рода. Итакъ, манера живописи, высоко цѣнимая, какъ можно судить, тѣми парижскими знатоками, которые всегда имѣли полную возможность знакомиться со всѣмъ наиболѣе чарующимъ въ искусствѣ, — таково творчество нашего молодого Ватто! Онъ, повидимому, получаетъ больше заказовъ, чѣмъ можетъ исполнить. Теперь онъ, конечно, насладится, — онъ, всегда такой изысканный и жаждущій красокъ жизни, — свободнымъ общеніемъ со всѣми вельможными друзьями искусствъ, какъ де-Кроза, де-Жюльенъ, аббатъ де ла Рокъ, графъ Кэлюсь и Жерсентъ, знаменитый торговецъ картинами; всѣ они спѣшатъ предложить ему гостепріимство въ своихъ прекрасныхъ городскихъ дворцахъ или поѣздку къ нимъ въ деревенскіе замки. Какъ слышно, Парижъ никогда еще не былъ богаче и роскошнѣе, чѣмъ теперь, и знатныя дамы оспариваютъ одна у другой возможность имѣть рабо-

ты Ватто даже на вѣерахъ. Однако, какъ кажется, эти огромныя состоянія часто переходятъ изъ рукъ въ руки. Какова же новая живопись Антуана? Я совсѣмъ не могу даже угадать это, ни за что не пойму ея приемы и причину ея успѣха. Только чуть-чуть проникаю тамъ что-то свѣтлое и кокетливое, что, думается мнѣ, противорѣчитъ его собственной задумчивости и даже печали лица и характера, болѣе соотвѣтственныхъ гордому убранству вѣка Генриха IV или Людовика XIII, сохранившемуся еще въ нашихъ темныхъ, старинныхъ испанскихъ домахъ.

Мартъ 1713.

Мы всѣ очень счастливы; Жанъ - Батистъ, точно въ сладкомъ снѣ наяву. Антуанъ Ватто, запрошенный относительно обученія мальчика живописи, великодушно предложилъ принять его въ свои ученики. По какимъ-то непонятнымъ для меня причинамъ отецъ, казалось, сперва колебался; но Жанъ-Батистъ, чей характеръ замѣтно исправился и возвысился, благодаря восторженному отношенію къ Антуану, добился-таки необходимаго разрѣшенія, и вотъ нашъ милый братишка покидаетъ насъ завтра. Горе первой разлуки перевѣсило нашу радость его неожиданному счастью въ самый послѣдній моментъ, когда мы были уже готовы проститься. На минуту вдругъ показалось, что наша веселая болтовня скрываетъ за собой какое-то безпо-

койство, которое каждый изъ насъ сдерживаетъ съ усиленіемъ; и первымъ не выдержалъ, наконецъ, самъ Жанъ-Батистъ. И тогда мы опять сѣли еще всѣ вмѣстѣ и дали волю тому, что было на сердцахъ; почти до утра сестры плакали не удержно. Я лучше владѣю собой. Черезъ нѣсколько дней новая увлекательная жизнь начнется для него; я заставила его обѣщаться писать намъ часто. Какой въ сущности незначительной долей всей моей жизни, буду я жить въ Валансьенѣ!

Январь 1714.

Сегодня Жанъ-Филиппъ Ватто получилъ письмо отъ сына. Старая Мишелла, которая видитъ плохо, хотя все еще вяжетъ (положимъ больше ошупью), была рада послушать, какъ я читала письмо громко, нѣсколько разъ. Тамъ говорится, — какъ скромно и будто о вполнѣ естественной вещи! — о послѣднихъ его успѣхахъ. И однако! Не обезцѣниваетъ ли онъ нарочно свое благоденствіе и кажущееся счастье въ этомъ письмѣ къ старикамъ, чтобы не потрясти ихъ контрастомъ между утонченными радостями жизни, которую онъ ведетъ среди богатыхъ и изысканныхъ, и между ихъ скуднымъ существованіемъ у стараго домашняго очага? Жизнь возбужденная, тревожная, неудовлетворяющая! Вотъ что кроется въ этомъ письмѣ подъ столь привлекательной внѣшностью. Вмѣстѣ съ расцвѣтомъ прекраснаго его дара растетъ и ничѣмъ

не побѣдимое безпокойство, которое раньше казалось только естественнымъ настроеніемъ юности, для кого все еще впереди. И теперь единственная ощутительная для него радость во всемъ этомъ состоитъ, повидимому, только въ чувствѣ независимости, которую онъ завоевалъ и которая позволяетъ ему бросать одно гостепріимство ради другого, лишь только онъ того пожелаетъ. Онъ уже покинулъ, пожалуй слишкомъ быстро, нѣсколько прекрасныхъ дворцовъ, гдѣ пользовался такимъ широкимъ радушіемъ и гдѣ такъ охотно его принимали. Неужели правда, онъ бросалъ плоды своихъ успѣховъ и открытыя передъ нимъ почести? Какъ бы то ни было, онъ, повидимому, не слишкомъ дорожить этимъ блестящимъ свѣтомъ, куда имѣетъ теперь доступъ, и ужъ конечно очень мало цѣнить свои произведенія, — тѣ произведенія, на которыя, хоть на одно изъ нихъ, я такъ жажду взглянуть.

Мартъ 1714.

Мы всѣ — Жанъ-Филиппъ, Мишелла Ватто и сами мы, полуожидали пріѣзда Антуана; и сегодня совсѣмъ внезапно онъ уже съ нами. Утромъ я долго оставалась послѣ ранней обѣдни въ церкви Ст. Ваастъ. Мнѣ всегда такъ хорошо тамъ. Наши близкіе лежатъ тамъ подъ одной изъ большихъ мраморныхъ плитъ передъ амвономъ, гдѣ нѣсколько памятныхъ мѣдныхъ досокъ хранятъ вырѣзанными ихъ имена и дни

кончины. Скамьи изъ рѣзного дуба, которыя идутъ вокругъ всего обширнаго нефа, это работа собственныхъ рукъ моего отца. Безмолвный просторъ церкви самъ по себѣ уже близокъ къ размышленію, къ исповѣди, онъ проясняетъ смятенное сердце. Должно быть въ тяжкомъ гудѣніи перезвона исчезалъ звукъ шаговъ; думаю такъ, потому что, считая себя одной и обернувшись, я увидѣла рядомъ съ собой Антуана Ватто. Постоянно изучая свѣтъ и тѣнь, онъ посѣщаетъ такія мѣста въ часы досуга. Жанъ-Батиста онъ оставилъ за работой, въ Парижѣ, и остановится на это время не у насъ, а у стариковъ; впрочемъ уже сегодня онъ провелъ большую часть дня въ мастерской отца. Онъ еще не измѣнилъ, несмотря на привычку обращаться въ большемъ свѣтѣ, своихъ сдержанныхъ и отдаляющихъ манеръ, — положимъ, въ этомъ отношеніи онъ ровень со всѣми. Конечно, это не гордость своимъ успѣхомъ, какъ можетъ вообразить кто-нибудь, онъ всегда былъ такой. Скорѣе, напротивъ, со всей этой славой жизнь и ея повседневный свѣтскій обиходъ легли на него какимъ-то бременемъ.

Апрѣль 1714.

Наконецъ-то и мы что-нибудь поймемъ въ этомъ новомъ его стилѣ, стилѣ „Ватто“, такъ высоко цѣнимомъ парижскими модниками. Ему пришла въ голову любезная мысль расписать

и убрать по своему нашу парадную гостиную — комнату съ тремя большими окнами, которая занимаетъ первый этажъ дома.

Комната эта, какъ мы привыкли думать, была какъ бы пограничнымъ столбомъ, нетронутымъ путевымъ знакомъ старинной валансьенской моды, — того мрачнаго стиля, построеннаго на контрастахъ чернаго или темнокоричневаго съ бѣлымъ, который оставили здѣсь послѣ себя испанцы. Несомнѣнно, ихъ глазу была пріятна эта тѣнь и прохлада, когда они запирались въ такихъ комнатахъ отъ рѣзкаго солнечнаго блеска своей родины. У насъ же, гдѣ надо беречь не тѣнь, но солнце, эта величественность нѣсколько подавляетъ воображеніе. Итакъ, грубая штукатурка, которую мы обыкновенно прикрывали, какъ умѣли, полосками старинныхъ, разрисованныхъ фигурами обоевъ, замѣнена теперь красивыми деревянными панно съ мнимыми колоннами и совершенно воздушной лѣпной работой вокругъ углубленій, затянутыхъ блѣдно-розовой тканью, и особенныхъ овальныхъ отверстій — два надъ дверями, по обѣимъ сторонамъ большой кушетки, напротивъ оконъ, одно надъ каминомъ и еще одно vis-a-vis ему надъ буфетомъ, всего четыре, — которыя постепенно будутъ заполнены „фантазіями“ на тему Четыре Времени Года, написанными его собственной кистью. Онъ вышлетъ намъ изъ Парижа кресла новаго, имъ самимъ составленнаго рисунка, соотвѣтственно

обитыя, и расписанные клавесины. Наши старинные серебряные канделябры хорошо пришлись на каминѣ. Странные, блѣдно - окрашенные цвѣты кокетливо усѣиваютъ маленькія углубленія тамъ и сямъ, точно призраки букетовъ, давно забытыхъ здѣсь гостями, и поблѣднѣвшіе такъ въ знакъ кончины тѣхъ, кто ими владѣлъ когда-то; ибо, несмотря на новизну моды, все это убранство меньше походить на что-то новое, чѣмъ на послѣдніе, пережившіе время слѣды болѣе свѣтлыхъ украшеній какихъ-то былыхъ годовъ. Однѣ только старыя наши стѣны будто недовольны, что вдохновляютъ насъ къ музыкѣ, къ легкой бесѣдѣ, такой оживленной, какой мы не знали никогда и какой навѣрное здѣсь никогда не бывало. Что касается до него, онъ говоритъ охотно, только очень сдержанно. Онъ увѣряетъ насъ, что „новый стиль“, и въ самомъ дѣлѣ созданіе прежнихъ дней, его прежнихъ дней здѣсь въ Валансьенѣ, когда, работая долгіе часы, какъ подмастерье каменщика, онъ въ мечтахъ покрывалъ стѣны тѣхъ домовъ, гдѣ работалъ, вотъ такимъ волшебнымъ убранствомъ; оно, думается мнѣ, подобно „камерной музыкѣ“ — тона всѣ согласованы другъ съ другомъ, и, въ то же время, ни одна сколько-нибудь рѣзкая нота не нарушаетъ нѣжной гармоніи бѣлаго, блѣдно-алаго и легкихъ пятенъ золота. Притомъ же, надо признаться, все это очень удобно; вмѣсто огромной старинной печи съ почернѣвшими плит-

ками, теперь красивое отверстіе камина. Пренная тяжелая мебель нашихъ прадедовъ поднята съ трудомъ на чердаки, сильно противъ желанія отца. Чтобы утѣшить его въ перемѣнѣ, Антуанъ пишетъ его портретъ въ огромномъ парикѣ, при чемъ располагаетъ части свѣта и тѣни болѣе рѣшительно, чѣмъ дѣлаетъ это обыкновенно для себя.

Іюнь 1714.

Онъ совершенно закончилъ овалы — Четыре Времени Года. О, какая лѣтняя нѣга, какое приволье, какая радость въ его „Лѣтѣ“! — сѣнокосъ, вродѣ того, что мы видѣли сегодня, но только безпредѣльный, съ очертаніями какихъ-то невысокихъ зданій итальянской архитектуры въ горячей, блѣдной и обманчивой дали, съ гирляндами изъ цвѣтовъ, сказочныхъ граблей и тому подобныхъ вещей, переброшенными отъ дерева къ дереву съ той дивной легкостью, въ которой одно изъ очарованій его творчества. Наконецъ-то я могу понять сквозь это, что радуетъ его и что ищетъ онъ во многообразномъ мірѣ, гдѣ течетъ наша жизнь. Я поражена цѣломудренной чистотой комнаты, которую онъ передѣлалъ для насъ, — это какъ бы душевная чистота, воплощенная въ формахъ и краскахъ предметовъ. Развѣ такъ же чиста жизнь въ томъ Парижѣ, куда онъ скоро вернется, отчего все это такъ высоко цѣнится тамъ?

Думается мнѣ только, что жаль отдавать лучшее въ своемъ творествѣ, въ своей душѣ предметамъ житейскаго обихода, которые должны погибнуть со временемъ или исчезнуть при появленіи новой моды, какъ исчезла наша старая мебель.

Июль 1714.

Въ послѣдній день пребыванія здѣсь Антуана мы совершили поѣздку въ Камбрэ. Мы зашли въ соборъ; былъ часъ вечерень, и случилось, что Монсеньеръ Принцъ де Камбрэ, авторъ „Телемака“, присутствовалъ тамъ. На видъ онъ преклоннаго возраста, бываетъ лишь очень рѣдко при церковныхъ службахъ и никогда не появляется въ Парижѣ; Антуанъ очень желалъ увидѣть его. Да, конечно, стоило ѣхать такъ далеко, чтобы видѣть его и слышать благословеніе, произнесенное тихимъ, но безконечно пріятнымъ голосомъ, съ неизъяснимо прекраснымъ движеніемъ рукъ. Истинный Грансеньеръ! Его возвышенная старость, геніальность, слава и самая испытанія его судьбы, соединяясь съ рожденной красотой, дѣлаютъ его слишкомъ избраннымъ (я не могу найти другого слова) для этого міра. *Omnia vanitas!* говоритъ, какъ будто бы, онъ съ глубочайшимъ отреченіемъ, которое дѣлаетъ довольно жалкимъ все то, что еще такъ сильно волнуетъ насъ. *Omnia vanitas!* Не въ этомъ ли истинный смыслъ нашего существова-

нія, указанный въ данномъ случаѣ однимъ изъ тѣхъ, кто могъ владѣть всѣмъ, что только можетъ дарить жизнь? Его никогда не видно при дворѣ, и онъ живетъ здѣсь почти какъ въ изгнаніи. Не завидовалъ ли нашъ „Великій король Людовикъ“ этому истинному Грансеньеру, истинному монарху милостью Божіей и даромъ природнымъ, когда не могъ выносить его присутствія?

Іюль 1714.

Мой портретъ остался неоконченнымъ за внезапнымъ отъѣздомъ Антуана. Я позировала для него въ выходномъ платьѣ, сшитомъ по его указаніямъ — роба изъ особенной шелковой матеріи, падающей множествомъ мелкихъ складокъ — которое придавало мнѣ „нѣчто пикантное“, что всегда нравится ему, но что не очень-таки ко мнѣ подходитъ. Мой старый фламандскій фэй, который я всегда ношу, идетъ мнѣ больше.

Я замѣтила, что нашъ добрый, но иногда мудреный другъ говорилъ очень мало о братѣ Жанъ-Батистѣ, хотя и зналъ, какъ мы о немъ заботимся; онъ говорилъ только объ его неустанномъ прилежаніи, упоминая объ этомъ какъ-то глухо и не совсѣмъ довольно, точно это ему уже надоѣло.

Совершить ли когда-нибудь Антуанъ то долго-желанное путешествіе въ Италію? Я была бы такъ счастлива за него, если бы онъ могъ это сдѣлать. Но, кажется, это безнадежно далеко, за тѣми горами и долами. Вспоминаю, какъ строила планы снабдить его достаточной для этой цѣли суммой. Ну, въ этомъ-то онъ больше уже не нуждается.

Что касается до меня самой, то какъ влачить свои дни? Это становится подчасъ вопросомъ, неизбѣжнымъ, конечно, но все-таки поражающимъ меня, какъ нѣчто неизъяснимо печальное въ жизни столь краткой, какъ наша. Уныніе долгаго дождливаго дня кончается сейчасъ вспышкой влажнаго заката, который съ далекаго горизонта нашей тихой земли изъ-за полей и ивовыхъ рощицъ зажигаетъ острые флюгеры кровель и готическія окна колокольні — откуда раздается теперь *Angelus* — минутнымъ обѣтованіемъ прекраснаго вечера. Я хожу къ Хвалѣ Вечерней въ Ст. Ваастъ. Путь туда длиннѣе, и я всегда воображаю, что тамъ я могу опять повстрѣчаться когда-нибудь съ Антуаномъ; совсѣмъ такъ же, какъ ребенкомъ, найдя одинъ разъ крошечную коробочку подъ видомъ серебряной монеты, я долго послѣ этого пробовала открыть всѣ деньги, попадавшія мнѣ въ руки.

Сентябрь 1714.

Мы всё расположились въ комнатѣ „Ватто“, ища свѣжести въ этотъ душный вечеръ. Внезапный порывъ вѣтра заколебалъ пламя свѣчей въ стѣнныхъ подсвѣчникахъ: отдаленная гроза, рокотавшая съ самого полудня, наконецъ, разразилась. Сквозь проливной дождь мы услышали дребезжаніе повозки на площади, которая затѣмъ остановилась у нашихъ дверей: черезъ мгновеніе Жанъ-Батистъ былъ опять съ нами, но весь въ слезахъ — его прогнали!

Октябрь 1714.

Жанъ-Батистъ! И онъ тоже отвергнуть Антуаномъ! Это сдѣлаетъ еще тѣснѣе нашу дружбу и братскую привязанность. И когда онъ работаетъ попрежнему усердный и попрежнему вѣрный завѣтамъ своего учителя въ этой комнатѣ „Ватто“, мнѣ кажется, я вижу самого Антуана, о которомъ Жанъ-Батистъ не рѣшается еще говорить, приближаюсь къ его творчеству и узнаю его огромный талантъ. Такъ творчество Жанъ-Батиста въ своемъ прикасаніи къ его творчеству можетъ сдѣлаться въ будущемъ главнымъ интересомъ моей жизни. Я схороню себя въ этомъ.

Февраль 1715.

Если я хоть что-нибудь понимаю въ такихъ вещахъ, Антуанъ Ватто изображаетъ эту утон-

ченную парижскую жизнь такъ превосходно и съ такимъ проникновеніемъ отчасти потому, что, въ концѣ концовъ, смотреть на нее сверху внизъ и съ презрѣніемъ. Убѣждаться въ этомъ, значить, находить для себя женское удовлетвореніе въ его склонности — склонности только кажущейся — къ столь далекой отъ меня жизни. Всю эту кокетливость, эту пустую, суетную красоту можетъ передать съ такимъ совершенствомъ лишь тотъ, кто ее глубоко понимаетъ. Но для него понимать, это значить презирать, и въ то же время онъ (мнѣ думается я знаю почему) невольно испытываетъ ея очарованіе. Отсюда, недовольство самимъ собой, которое растетъ наравнѣ съ извѣстностью. Было бы гораздо лучше для него, онъ наслаждался бы болѣе чистымъ и истиннымъ счастьемъ, если бы остался жить здѣсь, никѣмъ не знаемый; это могло быть лучше и для меня!

Совсѣмъ иначе съ Жанъ-Батистомъ. Онъ наблюдаетъ ту жизнь и всѣ ея красивыя бездѣлицы съ того же уровня, на которомъ стоитъ самъ и, начиная какъ разъ тамъ, гдѣ Антуанъ Ватто отвертывается съ пренебреженіемъ, создаетъ лишь вѣрное и основательное воспроизведеніе свѣта и его нравовъ.

Мартъ 1715.

Есть частности въ его живописи (я догадываюсь объ этомъ изъ его собственныхъ постоян-

но скромныхъ замѣчаній), гдѣ онъ достигаетъ цѣли болѣе успѣшно, чѣмъ Ватто; онъ рѣшился, наконецъ, заговорить о немъ, указывая по поводу каждой изъ своихъ картинъ, такихъ въ общемъ вѣрныхъ и удачныхъ, съ удивительнымъ забвеніемъ себя, какъ Антуанъ сдѣлалъ бы вотъ это или вотъ то, какъ, шутя, сдѣлалъ бы все это лучше — сдѣлалъ бы даже невозможное.

Февраль 1716.

Есть много хорошаго и привлекательнаго въ жизни, что назначено однимъ и не дано другимъ — не дано, быть можетъ, мнѣ, — какъ есть красивые наряды, которые идутъ далеко не каждому. Я знаю въ себѣ какую-то неподвижность характера, которую не могу нарушить и потревожить, не испытывая физическаго страданія. А онъ — такой сверкающій, стремительный, непостоянный! И мнѣ гораздо лучше около Жанъ-Батиста, около его тихаго, ровнаго труда и существованія. Сперва онъ работаетъ надъ тѣмъ, что задумалъ, мрачно, но понемногу механической ходъ работы проясняетъ его умъ и сердце, подобно тому какъ пасмурный денекъ становится свѣтлымъ и хорошимъ незамѣтной для глазъ переменной. На самой зарѣ онъ входитъ въ свою мастерскую, въ комнату „Ватто,“ гдѣ и работаетъ весь день. Темные вечера онъ проводитъ, прилежно подготовляя карандашные эскизы для

картинъ, которыя будетъ кончать потомъ, при дневномъ свѣтѣ. Его трудъ—это и развлеченіе для него: лишь очень рѣдко посѣщаетъ онъ общество, нравы котораго воспроизводитъ. Звѣрки на его картинахъ, крошечные комнатные звѣрки, не болѣе чѣмъ простыя игрушки; онъ и самъ знаетъ это. И онъ успѣваетъ кончать значительное число вещей: панно для дверей, для клавесинъ и тому подобное. Самыя счастливыя, самыя вдохновенныя минуты свои онъ бережетъ, точно чистое золото, для одной особенной картины (настоящее *opus magnum* въ его надеждахъ), „Качели“. Онъ знаетъ тайну изумительной прелести жемчужно-сѣраго шелка, къ которому питаетъ особенное расположеніе; и надо признать, что онъ пишетъ руки, — живописецъ долженъ, конечно, вдвое лучше понимать ихъ, чѣмъ всякій обыкновенный человѣкъ, — съ поразительной экспрессіей.

Мартъ 1716.

Не тяжелыя ли это послѣдствія труда, слишкомъ упорнаго труда? Не знаю. Но иногда (въ этомъ вся его тоска!) онъ высказываетъ странныя опасенія бѣдности, нужды и нищенской жизни въ старости, заставляя меня вспоминать ту дѣтскую склонность къ накопленію, которую я когда-то замѣтила въ немъ. Но бываетъ, — о, несправедливый Ватто! — бываетъ и такъ, что это упорство, которое рѣзко отличаетъ его отъ

Антуана, какъ бы накопляясь, превращается вдругъ въ лучъ геніальности, въ красоту, въ неизъяснимое дыханіе истины, и на моментъ исчезаетъ вся тяжеловѣсность, и тогда онъ идетъ прямо за своимъ учителемъ, какъ и самъ скромно соглашается съ этимъ. Однако, какъ разъ въ эти-то мгновенія, онъ больше всего чувствуетъ различіе между собой и Антуаномъ Ватто. „Тамъ, — говоритъ онъ добродушно, — тамъ всякій камушекъ—золотой самородокъ“.

Іюнь 1716.

Вотъ поистинѣ великолѣпное жилище, гдѣ поселился теперь Ватто — дворецъ или городская резиденція г. де-Кроза это не только роскошный жилой домъ, но и драгоценный музей, чтобы видѣть который счастливыцы пріѣзжаютъ издалека. Жанъ-Батистъ тоже видѣлъ его и описалъ намъ. Античныя вещи, прекрасныя рѣдкости всякаго рода и, главное, подлинныя работы старинныхъ мастеровъ, которыми такъ восхищается Антуанъ, окружаютъ васъ тамъ, чтобы вдохновеніе и геній могли незамѣтно дѣйствовать на васъ, въ васъ вливаться и вновь творить вашими руками. Домъ расположенъ близъ улицы Ришелье, но вокругъ него большой садъ. Г. де-Кроза устраиваетъ тамъ иногда концерты, и Антуанъ Ватто написалъ на стѣнахъ одной изъ залъ Четыре Времени Года, вродѣ нашихъ, но несомнѣнно еще лучше во

вторичномъ замыслѣ. Этотъ прекрасный дворецъ сталъ теперь на время мѣстопробываніемъ Антуана. Домъ только въ одинъ этажъ съ мезонинами, „мансардами“, въ крышѣ, какъ бываетъ у деревенскихъ фермъ. Мнѣ представляется, что Антуанъ спасается туда въ инныя минуты отъ докучливыхъ ему гостей; тамъ онъ вдыхаетъ свѣжесть росистаго сада въ самомъ центрѣ Парижа. А я задыхаюсь сейчасъ въ этотъ лѣтній вечеръ въ нашей красивой комнатѣ „Ватто“, гдѣ Жанъ-Батистъ такъ терпѣливо работаетъ.

Май 1717.

Несмотря на все, что случилось, Жанъ-Батистъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ того прїѣзда въ Валансьенъ Антуана Ватто, который былъ имъ предположенъ. Все еще надѣяться—терпѣливо надѣется, — что прежнее обученіе его Антуаномъ можетъ возобновиться. И вотъ, онъ теперь съ нами и работаетъ сейчасъ здѣсь—разстроенный, безпокойный, похудѣвшій, какъ женщина, больная нервами. И такъ, жалость, только жалость надо чувствовать теперь къ этому блестящему человѣку? Онъ разсматривалъ работы Жанъ-Батиста, который принялъ его замѣчанія признательно и благородно. Можетъ ли это быть, что онъ въ сущности презираетъ и не любитъ свое искусство и что восторгъ передъ нимъ, замѣтный въ другомъ, какъ напримѣръ въ Жанъ-Батистѣ, только наполняетъ его ледянымъ холо-

домъ? Какъ будто бы Жанъ-Батистъ цѣнить его выше, чѣмъ должно, или какъ будто что-то ложное и пошрое, какой-то признакъ, свидѣтельствующій, что онъ на самомъ дѣлѣ не достигъ цѣли, бросается ему въ глаза въ своихъ произведеніяхъ при звукѣ похвалъ — точно похвалы эти не могутъ быть искренни.

Іюнь 1717.

Наконецъ-то можно узнать его творчество въ истинномъ видѣ, — въ чемъ его сущность. Онъ привезъ съ собой нѣсколько давно лелѣемыхъ имъ начинаній, чтобы закончить здѣсь на покоѣ, такъ, какъ, по его словамъ, ему никогда раньше не удавалось кончать. Эта очаровательная аристократія, — можетъ ли она въ дѣйствительности быть такъ изысканна до мельчайшихъ подробностей, такъ непринужденно благородна? Немного костюмированные, разыгрывающіе комедію жизни въ салонахъ или въ паркахъ, эти персонажи, также какъ и пейзажи имъ созданные, во всѣхъ происшествіяхъ, для которыхъ они такъ удачно группируются, освѣщены особеннымъ свѣтомъ, какого мы тщетно стали бы искать гдѣ-либо въ дѣйствительности. Они окружены, какъ рамой, настоящей архитектурой, — древесной архитектурой, — для которой всѣ эти поросшія мхомъ баллюстрады, бассейны, статуи и фонтаны являются только необходимыми принадлежностями. Но, когда я вглядываюсь въ эти

безвѣтренные вечера, я ловлю себя на невольной мысли: „Ночью будетъ гроза“. Гроза чувствуется нависшей надъ густыми великолѣпными купами деревьевъ, надъ этими залитыми солнцемъ полянками и лужками, куда можно отпустить легко одѣтыми даже слабыхъ дѣтей; и самыя эти вѣковыя деревья едва ли переживутъ слѣдующее поколѣніе.

Іюль 1717.

Была выставка его картинъ въ залахъ академіи Св. Луки, и рѣшительно всѣ ходили ее смотрѣть.

О, да! Кромѣ того несуществующаго, фантастическаго освѣщенія пейзажей и дѣйствующихъ лицъ, которое является чистымъ его созданиемъ, есть свѣтлое и поэтическое въ самихъ этихъ людяхъ и вещахъ, тутъ, совсѣмъ близко отъ насъ, хотя мы этого и не видѣли до сихъ поръ. Онъ далъ намъ возможность увидѣть это, — оттого намъ становится лучше, по крайней мѣрѣ мнѣ. Жизнь, которую онъ представляетъ намъ въ столь привлекательномъ видѣ не лишена стремленій къ чистотѣ и очевидныхъ достоинствъ, по крайней мѣрѣ въ томъ, что доступно в о р у — во внѣшности вещей — и здѣсь есть уже кое-что, какое-то указаніе, пусть даже намекъ на что-то, что дѣлаетъ жизнь драгоцѣнной, хотя бы однимъ этимъ. Вотъ мое скромное мнѣніе, быть можетъ, чисто женское, но котораго я держусь, думая о предназначеніи искусства.

И еще! (выражу свою мысль и свои наблюденія нѣсколько иначе) мнѣ думается, что Антуанъ Ватто изображаетъ этотъ нарядный міръ прекрасныхъ кавалеровъ и дамъ съ ихъ мушками и пудрой такъ лестно для нихъ самихъ отчасти потому, что онъ презираетъ всѣхъ ихъ, если только это можетъ быть допустимымъ условіемъ совершеннаго художественнаго возсозданія. Теперь много говорятъ о новой эрѣ, занимающейся зарей надъ міромъ, о братствѣ людей, объ освобожденіи и человѣчности, о новомъ видѣ общественной свободы, въ которой природныя добродѣтели человѣческаго сердца процвѣтутъ будто бы во множествѣ проявленій, доселѣ закрытыхъ, объ исчезновеніи войнъ съ лица земли и замѣнѣ ихъ безконечнымъ благодатнымъ миромъ — да! можетъ быть еще и о безконечности грядущаго ничтожества! И вотъ, Антуанъ Ватто схватываетъ внѣшнее выраженіе всего этого, отчасти благодаря предчувствію или благодаря чистому умозрѣнію, прибавляя сюда нѣчто прикрашивающее, уже отъ себя. Будучи самъ настоящимъ дѣтищемъ старинныхъ временъ, — тѣхъ суровыхъ старинныхъ временъ, которыя миновали безвозвратно и печать которыхъ лежитъ на его лицѣ, — онъ облагораживаетъ своимъ глубокимъ раздумьемъ внутреннюю незначительность всего того, къ чему и з б р а л ъ прикоснуться и превращаетъ простое ничтоже-

ство въ нѣчто прекрасное. Конечно, все это кажется очень красивымъ, свѣжимъ, живымъ, „пикантнымъ“, какъ любятъ теперь говорить,— я согласна, и даже, повторяю опять, цѣломудренно чистымъ; они могутъ, если желаютъ, поздравить себя съ этой вымышленной красотой, вовсе не своей, но заимствованной у другого. Ибо въ дѣйствительности Антуанъ Ватто все еще сынъ каменщика и, обращаясь въ этомъ свѣтѣ, онъ какъ бы находится подъ властью очарованія, характеръ котораго самъ, мнѣ думается, едва сознаетъ, увлеченный „страннымъ фокусомъ, какимъ онъ владѣетъ“, употребляя его собственныя слова. Видно, какъ онъ постепенно теряетъ силы, совершая свой жизненный путь подъ шумъ свѣтскихъ похвалъ. И онъ продолжаетъ добиваться удивительнаго проникновенія въ тайну красочной прелести туалета, куаф-фюры и проч., умѣя придать какой-то непостижимый оттѣнокъ истиннаго совершенства такимъ вещамъ. Онъ никогда не преодолѣетъ воспоминаній о дѣтствѣ своемъ; эти изящные предметы сохранятъ для него навсегда извѣстную цѣнность обѣщанія и залога, характеризующаго тотъ запретный, недостижимый міръ, который сынишка каменщика видитъ сквозь запертую рѣшетку заколдованнаго сада. Тѣ красивыя бездѣлицы и мелочи являются для него insignia изъ иного возвышеннаго міра вдохновенія и идей, даже теперь, когда онъ узналъ, какъ я увѣрена,

ихъ истинное ничтожество; властью напоминанія онѣ вызываютъ все прежнее волшебное очарованіе его грезъ о мірѣ лучшемъ, чѣмъ существующій. Вотъ, думается мнѣ, формула его успѣховъ и его необыкновенной приверженности къ вещамъ, столь чуждымъ отъ его истиннаго я. И, мнѣ кажется, больше простой веселости въ „Сельскихъ развлеченіяхъ“ моего брата,— больше вѣрности жизни и оттого меньше изысканности. Да! Свѣтъ сумѣлъ воспользоваться такимъ отраженіемъ своей жалкой и скудной внутренней сущности въ душѣ того, кто передаетъ всѣ его прихоти съ высотъ Корнеля. Путемъ такихъ разсужденій я утѣшаю себя той мыслью, что и его дни были бы тоже болѣе счастливы, если бы онъ оставался въ Валансьенѣ никому неизвѣстнымъ.

Сентябрь 1717.

Мой бѣдный портретъ, начатый такъ давно, все еще остается неоконченнымъ на мольбертѣ послѣ того, какъ онъ уѣхалъ изъ Валансьена— можетъ быть навсегда, потому что его старики покинули этотъ міръ въ суровую зиму прошлаго года, одинъ за другимъ. Для него пріятнѣе набрасывать и намѣчать, чѣмъ писать и оканчивать, и онъ часто бываетъ недоволенъ собой за то, что не можетъ вложить въ картину жизнь и дыханіе первоначальнаго наброска карандашомъ. Онъ всегда хочетъ начать съ того, пе-

редь чѣмъ останавливался, напримѣръ, знаменитый мастеръ Жераръ Доу; онъ хочетъ сразу добиться тѣхъ результатовъ, которые были у Доу слѣдствіемъ безконечнаго терпѣнія. Въ работахъ другихъ онъ только и цѣнитъ признаки такой стремительности. На мой взглядъ въ этомъ есть какая-то жадность, какой-то захватъ; точно ничто не будетъ длиться слишкомъ долго и поэтому надо ловить случайность. И часто ему все удается. Старинный голландскій художникъ благоговѣнно обожалъ свои кисти и краски. Напротивъ того, Антуанъ Ватто почти не дѣлаетъ никакихъ приготовленій къ работѣ, не чиститъ даже палитры изъ-за своей страсти къ импровизации. Вотъ въ чемъ настоящая грань между степеннымъ голландскимъ духомъ и между прихотливымъ бурлящимъ французскимъ характеромъ этихъ новыхъ временъ, которымъ онъ всецѣло предался. Увы! Уже замѣтно, что и самымъ произведеніямъ нехватаетъ прочности, долговѣчности, — краски блекнутъ и мѣняются какъ-то слишкомъ быстро, по словамъ Жанъ-Батиста. Положимъ, только какой-нибудь пустякъ даетъ или мѣняетъ оттѣнокъ. Но, съ другой стороны, въ картинахъ, гдѣ вся прелесть заключена въ особой гармоніи, измѣна одного единственнаго цвѣта неизбѣжно влечетъ за собой неудачу всей попытки закрѣпить бѣглую красоту этихъ людскихъ общеній, которыхъ желаютъ увѣковѣчить. То же случилось, отчасти, и

съ этимъ портретомъ на мольбертѣ. Пока что, онъ предложилъ его закончить Жану-Батисту; пусть будетъ такъ.

Октябрь 1717.

Антуанъ Ватто превосходный цѣнителъ литературы, и я недавно прочла (съ безконечнымъ изумленіемъ), гуляя по обычаю на закатѣ солнца въ здѣшной рощицѣ, новую книгу, которую онъ забылъ у насъ, — большую его любимицу и любимицу очень многихъ въ Парнжѣ *). Трагическіе удары судьбы, внезапные переходы отъ наслажденія къ раскаянію, которые должны всегда вытекать уже изъ самой обстановки незаконной и грѣшной любви, какъ преступной и азартной игры, вотъ о чемъ говорятъ теперь въ Парижѣ, вотъ какимъ развлекаются зрѣлищемъ, показаннымъ здѣсь въ исторіи бѣдной Манонъ Леско, — для которой невысказанно постоянно, которая такъ неизменно пристрастна къ деньгамъ всякаго, кто можетъ покупать подобныя наслажденія, — съ искусствомъ, похожимъ по легкости своей и граціи на искусство Ватто. Неспособность къ честности, но такая нѣжность, такой даръ рыданій на одной сторонѣ — на другой нерушимая вѣрность, дающая даже запретной любви чуть ли не правильность брака! Такъ

*) Написанную, возможно, около этого времени, но напечатанную, почти навѣрное, лишь много лѣтъ спустя. *Примѣчаніе ко 2-му англ. изданію.*

вотъ она книга, которую прекрасныя дамы изъ „бесѣдъ“ Ватто, на видѣ такія цѣломудренно-чистыя, откладываютъ на подушку, чтобы поправить ленту подбѣжавшему ребенку. И какъ дѣлается жалко! Какія рѣки слезъ! Въ этомъ есть нота, задѣвающая сейчасъ мою душу своимъ согласованіемъ съ красотой этихъ облетѣвшихъ березъ на фонѣ неба, съ блѣднымъ серебромъ ихъ коры и съ особеннымъ сладкимъ запахомъ увяданія, исходящимъ отъ земли. Тутъ все полутона, и героиня, да и самый герой, прекрасный кавалеръ де-Гріе, со всей своей пылкостью, живутъ, мнѣ думается, съ самага начала только полужизнью. Я почти могу поставить себя на ихъ мѣсто, сидя здѣсь, одна въ этотъ вечеръ, когда преждевременное дыханіе зимы дѣлаетъ весь міръ похожимъ на слишкомъ непривѣтливое мѣсто для души, ищущей радостей. Когда такъ мало живоноснаго тепла согрѣваетъ ее, то чувствуешь, что всякая случайность можетъ вовсе унести отсюда эту мимолетную гостью. Такъ, все кажется мнѣ насквозь пронизаннымъ холодомъ, когда я вглядываюсь въ дышащій льдомъ уголь неподвижнаго неба, похожій на мертвое пятно, откуда смерть начнетъ скоро ползти на все живое.

Но вдругъ, посреди этого, простой силой контраста передо мной возникаетъ страшно живо настоящій тонъ, багрянецъ плодовъ и цвѣту-щихъ деревьевъ прошедшаго лѣта на улицахъ

и въ садахъ нѣкоторыхъ нашихъ старинныхъ городковъ, куда мы ѣздили; мысль о холодѣ казалась тогда роскошью, и земля была такъ суха, что на ней можно было спать. Лѣто было дѣйствительно прекрасное, вся наша страна походила на волшебное царство. Особое захватывающее чувство наплыло тогда на насъ, точно аромать цвѣтовъ и подобной цвѣтамъ архитектуры — для меня по крайней мѣрѣ она подобна цвѣтамъ, и никогда до тѣхъ поръ я такъ не чувствовала ея красоту.

Думая объ этомъ, я, конечно, должна признаться, что въ той исторіи двухъ влюбленныхъ много удивительной правдивости; связь между ними и окружающими ихъ обстоятельствами такъ глубока, что заставляетъ думать, будто теченіе ихъ жизни едва ли могло быть инымъ, чѣмъ было. Это впечатлѣніе происходитъ, быть можетъ, отъ искусства автора; но во всякомъ случаѣ не надо больше читать эту книгу.

Іюнь 1718.

И онъ позволилъ этой мадемуазель Розальба, этой „bel esprit“, которая судитъ объ искусствѣ какъ настоящій мастеръ, написать свой портретъ — и ея портретъ написалъ за это въ обмѣнъ! У нея полны руки бѣлыхъ розъ. Rosa Alba, — онъ самъ подписалъ его такъ! Это будетъ выгравировано, чтобы распространяться и увѣковѣчаться какъ можно лучше.

Дневникъ здѣсь, въ одиночествѣ, служить по крайней мѣрѣ ту службу, что даетъ исходъ тщетнымъ сожалѣніямъ, вспышкамъ досады и нетерпѣнія. Запишешь сюда тотъ или другой приступъ раздраженія и тѣмъ самымъ отъ него избавишься.

Кромѣ того, это вѣдь сдѣлано по желанію г. де - Кроза. Приходится повиноваться своему покровителю. Дама эта, мнѣ говорили, страдаетъ груднымъ недугомъ, какъ и самъ Антуанъ; похоже, что она скоро умретъ. А онъ, кому всегда нехватало то денегъ, то характера, чтобы совершить столько жданное и столько желанное путешествіе въ Италію, онъ находитъ теперь въ ней настоящей вкусъ и колоритъ тѣхъ старинныхъ венеціанскихъ мастеровъ, которыхъ съ такой любовью долженъ былъ бы изучить подъ солнцемъ ихъ родины. Увы! Какъ мало мира душевнаго дали ему всѣ эти громкіе успѣхи. Какъ мало того спокойствія мысли, безъ котораго по-моему нѣтъ истиннаго величія души.

Ноябрь 1718.

Жажда перемѣщенія забросила его сейчасъ въ Англию, въ этотъ настоящий очагъ чахотки. Какое горе! Я чувствую, что это будетъ рѣшительнымъ ударомъ. Умчатся туда, въ истинное отечество чахотки! Странная прихоть желанія странствовать, которое онъ на дѣлѣ такъ рѣдко осу-

щественно въ своей жизни — или безпокойства, которое, какая я слышала, само по себѣ уже есть симптомъ страшнаго недуга.

Январь 1720.

Какъ и когда-то раньше послѣ долгаго молчанія до насъ дошелъ слабый намекъ, что онъ еще помнитъ: офортъ, одинъ изъ немногихъ исполненныхъ имъ, на старую тему — „Солдаты на походъ“. И самъ онъ, утомленный долгимъ путемъ солдатъ, возвратится еще разъ въ Валансьенъ, проѣздомъ изъ Англии въ Парижъ.

Февраль 1720.

Эти остро-изогнутыя брови, эти безпокойные глаза, которые кажутся больше чѣмъ всегда, — что-то приковывающее къ себѣ и почти страшное въ выраженіи лица, — все это говоритъ ясно, непреодолимо наводитъ на мысль объ итогахъ его жизни. Я вспоминаю день, когда уже съ этимъ оттѣнкомъ красивой раздумчивости „le bel sérieux“, онъ набрасывалъ съ такой проникновенной въ глубину сущности вѣрностью тѣ живописные ярмарочные подмостки на Большой площади; и я вижу, какъ проходитъ сквозь всю его жизнь какая-то внутренняя печаль актера. Онъ, такой сдержанный и холодный, онъ, кто никогда не „пускался въ изображеніе страстей“, только и дѣлалъ, въ сущности, что развлекалъ веселящійся свѣтъ; и онъ понималъ это, хотя

самъ, конечно, не былъ веселъ ни на минуту. Впрочемъ, какъ разъ теперь онъ оканчиваетъ картину совсѣмъ иного рода, гдѣ, кромѣ того, много юмора, — англійская семейная группа: маленькая дѣвочка верхомъ на деревянной лошадекѣ, въ центрѣ отецъ и мать съ табачной трубкой своего мужа въ рукахъ.

Мартъ 1720.

Завтра онъ уѣдетъ совсѣмъ. А теперь, вечеромъ, синдики академіи Св. Луки пришли со значками и знаменами, чтобы сопровождать знаменитаго согражданина факельнымъ шествіемъ на банкетъ въ Залъ Корпорацій, гдѣ будетъ сервировано все старинное гильдейское серебро. Нашъ салонъ „Ватто“ былъ освѣщенъ, чтобы принять ихъ. Въ отданіи великихъ почестей живущему есть что-то сжимающее сердце предчувствіемъ, особенно, когда тотъ, кто ихъ принимаетъ, такъ похожъ на умирающаго. Боже, смилуйся надъ нимъ!

Апрѣль 1721.

Мы совсѣмъ собрались ложиться спать вчера вечеромъ, когда прибылъ посланный эстафетой отъ Антуана Ватто съ письмомъ, вызывающимъ Жанъ-Батиста въ Парижъ. Мы не ложились въ эту ночь, и братъ былъ въ пути еще до разсвѣта; въ сердцѣ его радость боролась съ предчувствіемъ.

Наконецъ-то письмо! Пишетъ Жанъ-Батистъ,

поглощенный всякаго рода заботами у постели больного. Такъ какъ Антуану представилось, что деревенскій воздухъ можетъ помочь ему, то аббатъ Аранже, одинъ изъ канониковъ церкви Ст. Жерменъ Л'Оксерруа, въ которой онъ обыкновенно бывалъ у обѣдни, предложилъ ему свой домъ въ Ножанѣ на Марнѣ. Тамъ онъ принимаетъ тѣхъ немногихъ, кто его навѣщаетъ. Но въ дѣйствительности все, — и мѣста, которыя онъ прежде больше всего любилъ — и люди, даже лучшіе друзья, — становится для него почти невыносимымъ. Онъ до сихъ поръ еще мечтаетъ о перемѣнахъ, онъ хотѣлъ бы еще разъ вдохнуть воздухъ своей родины и въ то же время постоянно занять своимъ искусствомъ; впрочемъ, теперь уже единственно какъ наставникъ, обучающій (точно въ какомъ-то усердіи раскаянія) Жанъ-Батиста, который наслѣдуетъ его неоконченное творчество и продолжитъ многія его картины съ того момента, гдѣ онъ прервалъ работу. Теперь, какъ кажется, онъ заботится только объ одномъ, — передать своему прежнему „отставленному“ ученику то, что остается отъ него самого, послѣднія тайны своего генія. Его состояніе, — только 90'00 ливровъ — перейдетъ къ родственникамъ. Жанъ-Батистъ находитъ эти послѣднія недѣли неизмѣримо полезными для себя.

Физическая слабость, быть можетъ, или это новое участіе къ старому другу дали ему нако-

нецъ спокойствіе, то спокойствіе, которое позволяетъ ему обратиться къ мыслямъ о религіи. Ахъ! со мной всегда было такъ. И жить съ этимъ было бы тоже гораздо разумнѣе. Для женщины, по крайней мѣрѣ, это такъ, навѣрное такъ. Впрочемъ, невыразимая жалость глубоко поражаетъ меня при мысли о человѣкѣ, который за минуту до этого полный силъ, отворачиваетъ теперь свое лицо къ стѣнѣ отъ всего, изъ чего главнымъ образомъ состоитъ жизнь человѣческая. И вотъ честный, но совсѣмъ простоватый священникъ изъ Ножана, обычный предметъ его карикатуръ, ходитъ за нимъ.

Іюль 1721.

Нѣтъ больше на свѣтѣ нашего несравненнаго Ватто! Жанъ-Батистъ вернулся внезапно. Я слышала его зловѣщіе шаги на лѣстницѣ. Мы бросились всѣ туда, и тамъ онъ разсказалъ намъ все. Антуанъ Ватто скончался внезапно на рукахъ г. Жерента, въ одинъ изъ послѣднихъ іюльскихъ дней. До послѣдней минуты онъ работалъ надъ распятіемъ для добраго ножанскаго священника, такъ непохожимъ на то простое распятіе, которое было у него прежде. Онъ умеръ въ полномъ религіозномъ сознаніи.

Всю жизнь свою онъ былъ больнымъ человѣкомъ. Онъ былъ искателемъ въ мірѣ чего-то, чего нѣтъ въ немъ въ достаточной мѣрѣ или же нѣтъ вовсе.

Дэнісь Оксеррскій.

Какъ извѣстно, у каждаго народа была своя легенда о „Золотомъ вѣкѣ“ и его возвращеніи, легенда, которая едва ли когда-нибудь будетъ забыта, какъ бы прозаиченъ не сдѣлался міръ, пока самъ человѣкъ не перестанетъ быть волнуемымъ мечтами и никогда вполнѣ не удовлетворяющимся существомъ. И однако, съ тѣхъ поръ какъ мы уже больше не дѣти, намъ, въ сущности говоря, надлежало бы хорошенько взвѣсить всѣ преимущества возврата назадъ такихъ условій жизни, въ которыхъ силою обстоятельствъ цѣнность всѣхъ вещей была бы, такъ сказать, вся наружѣ, тогда какъ мы сами уже не могли бы снова вернуться къ дѣтскому сознанію или, вѣрнѣе, безсознательности, необходимой, чтобы освоиться со всѣмъ этимъ умѣло и съ надлежащей легкостью на

сердцѣ. Впрочемъ, по большей части, эти мечта- нія оставались смутными какъ сновидѣнія,—въ часы бодрствованія люди бывали слишкомъ заня- ты дѣлами, чтобы украсить ихъ подробностями. То, что здѣсь послѣдуетъ, это странная и до- вольно подробная легенда объ одномъ такомъ возвращеніи золотого или только поэтически- позлащеннаго вѣка (обитатель самой древней Греціи, дѣйствительно являющійся среди живу- щихъ), что случилось въ старинномъ городкѣ средневѣковой Франціи.

Какъ настоящій французскій городъ, въ ко- торомъ слѣды различныхъ эпохъ и живыя черты современности гармонически сливаются въ одно цѣлое, поражающее „специфической“ своей красотой, — красотой предальпійской и сѣвер- ной, но однако совсѣмъ непохожей на монументальную нѣмецкую живописность Ульма, Фрей- бурга или Аугсбурга, той красотой, идеаль которой нашель Тернеръ въ нѣсколькихъ сво- ихъ этюдахъ французскихъ рѣкъ, ибо чрез- вычайно счастливое сочетаніе города и рѣки со- ставляетъ особенность ея характера, — городъ Оксерръ представляется, пожалуй, наиболѣе со- вершеннымъ примѣромъ, какой только можетъ найти современнѣйшій путешественникъ. И, конечно, по силѣ живописнаго впечатлѣнія онъ самый за- мѣчательный даже въ избранной группѣ трехъ городовъ той области, — Оксерра, Санса и Труа, — изъ которыхъ каждый, точно ради об-

думаннаго эффе́кта расположилъся вокругъ центральнаго ядра, огромнаго сѣраго собора.

Въ окрестностяхъ Труа природную живописность можно найти только въ яркихъ, почти грубыхъ краскахъ пейзажа Шампани, жаромъ которыхъ насыщены даже черепичныя кровли и кирпичныя или выбѣленные стѣны маленькихъ деревушекъ и большихъ, раскинувшихся точно поселки, фермъ. Соборъ, который видно далеко надъ полями, покрытыми, какъ кажется, буйно разросшимися, полевыми цвѣтами, это тоже яркое въ своемъ родѣ смѣшеніе всѣхъ оттѣнковъ готическаго стиля, вплоть до позднѣйшаго „Пламенѣющаго“; его можно поставить на ряду съ величайшими французскими храмами по протяженности внутреннихъ размѣровъ, и онъ знаменитъ, не имѣя себѣ въ этомъ соперниковъ, богатствомъ цвѣтныхъ стеколъ, главнымъ образомъ позднѣйшаго, цвѣтущаго и разработаннаго стиля, высоко художественныхъ и по рисунку и по краскамъ. Въ одномъ изъ самыхъ роскошныхъ оконъ, напри- мѣръ, пробѣгаютъ кое-гдѣ жемчужно-бѣлыя линіи, что на рубиновомъ или темносинемъ фонѣ производитъ на разстояніи удивительное впечатлѣніе. Когда вы подходите ближе, оказывается, что это окно странствующихъ и что тѣ странныя бѣлыя линіи, это посохи въ рукахъ Авраама, Рафаила, волхвовъ и другихъ святыхъ покровителей странствія. Особенный провинціаль- ный характеръ „буржуазіи“ Шампани, какъ ка-

жется, все еще виденъ въ обитателяхъ Труа. На улицахъ преобладаютъ деревянные и оштукатуренные дома, иногда встрѣчается и хорошо сохранившійся образецъ стариннаго „дворца“, то есть городского господскаго дома съ переднимъ дворомъ и садомъ позади; и здѣсь, повидимому, самые набожные граждане даже въ своемъ церковномъ строительствѣ старались больше всего развлечь взоры тѣхъ, кто всегда заняты мѣрскими дѣлами, кто постоянно на улицѣ, ибо отдѣлывали они съ большими затратами обширные и ненужные порталы своихъ приходскихъ церквей, такихъ поразительно высокихъ и легкихъ, въ какомъ-то безумно-пышномъ, „ходульномъ“ готическомъ стилѣ, который придаетъ улицамъ Труа странный характеръ гротеска или причудливаго, кошмарнаго, средневѣковаго видѣнія.

Въ Сансѣ, расположенномъ въ тридцати миляхъ отсюда къ западу, городъ гораздо болѣе строгомъ по внѣшности, имя Жана Кузена ручается за сдержанность характера даже въ самой роскоши украшеній. Здѣсь все холодно и выдержано съ почти англійской суровостью. Первые ростки готики въ Англии — строгій „раннеанглійскій“ стиль Кентербери — вѣдь это созданіе Вильгельма, мастера, воспитавшагося въ архитектурной школѣ Санса; строгость его вкуса быть можетъ дѣйствовала, какъ сдерживающее начало во всѣхъ дальнѣйшихъ измѣненіяхъ

здѣшняго стиля, — измѣненіяхъ, которыя вели его по большей части къ изобилію украшеній. Въ гармоніи съ духомъ главнаго храма находится и самъ чистый и мирный городокъ, освѣжаемый канавками прозрачной воды, бѣгущей по улицамъ, отводками быстрой Ванны, которая сейчасъ же тутъ и впадаетъ въ Іонну. Іонна красиво плететь петлю за петлей подъ неумолчный шелестъ тополей у подножья низенькихъ, покрытыхъ виноградниками холмовъ, сохранившихъ еще кое-гдѣ остатки былыхъ, прекрасныхъ лѣсовъ; то приближаясь къ нимъ вплотную, то убѣгая за широкую полосу луга и развертывая вдоль своего хода одну за другой милыя картинки французскаго рѣчнаго пейзажа, только въ уменьшенномъ противъ обыкновеннаго размѣрѣ; она можетъ казаться дѣтской мечтой о рѣкѣ, похожей на рѣки старинныхъ миниатюръ, голубыя и полныя до волшебныхъ зеленыхъ краевъ. Вдоль по ея теченію замѣтно большее, чѣмъ гдѣ-либо, число еще сохранившихся большихъ и малыхъ старинныхъ помѣстій. На обоихъ берегахъ рядъ древнихъ сгорбившихся городковъ, — Жуаньи, Вильневъ, Ст.-Жюльень-дю-Со, — протянувшихъ вдоль рѣки свои веселыя набережныя и очень похожихъ другъ на друга, манить побывать тамъ и поискать древностей, цвѣтныхъ стеколъ и тому подобнаго, оставшихся отъ Возрожденія или Среднихъ вѣковъ, чтобы пріобрѣсти новыя свѣдѣнія, хотя бы только дополни-

тельные, о тѣхъ разнообразныхъ искусствахъ, которыя оставили по себѣ общій памятникъ въ Оксеррѣ.

Оксерръ! Легкій подъемъ по извивамъ дороги, и передъ вами самый красивый городъ во Франціи. — Широкая рамка виноградниковъ полого подымается къ горизонту, и бѣлые домики вдали какъ будто зовутъ къ себѣ; внизу—плавный изгибъ рѣки и всѣ подробности берега, огромныя увѣнчанныя красной черепицей массы Ст.-Жермена, Ст.-Пьера и собора Ст.-Этьенна возстаютъ среди домовъ, столпившихся здѣсь въ такомъ безпорядкѣ и смѣшеніи, какого нѣтъ въ другихъ французскихъ городахъ. Здѣсь тѣ рѣдкіе художники, которые чувствуютъ архитектуру, которые равно постигаютъ прелесть линіи и массы, нѣжныхъ линій и тяжелыхъ массъ, здѣсь они могутъ найти „сюжетъ для нихъ созданный“.

Эта истинная земля виноградной лозы имѣетъ, однако, скорѣе мирный, чѣмъ лучезарный характеръ. Это лучший образецъ того счастливаго перехода отъ озабоченнаго сѣвера къ привольному югу, которымъ такъ восхищаетъ насъ центральная Франція, и нѣтъ въ немъ полной радости, и привлекаетъ онъ даже своей грустью. Лучше всего характеръ этой страны виденъ, когда быстро проносятся надъ ней тѣни облаковъ, смѣняющіяся свѣтомъ, когда уже близокъ дождь и когда каждый слѣдъ, оставленный искусствомъ или временемъ на старинныхъ зда-

ніяхъ выступаетъ отчетливымъ, свѣтлосѣрымъ пятномъ. Жаркое лѣто обращаетъ ея лозы въ драгоцѣнное вино, но, несмотря на это, она, кажется, вѣчно мечтается о большей и длительной долѣ столь любимаго ею солнца. Можно подумать, что слышишь какую-то жалобу или тоску въ дрожащемъ колебаніи виноградныхъ листьевъ, когда синеблужные „Жаки Бономы“ кончаютъ среди нихъ свои дневные труды.

Чтобы провести время въ одинъ изъ такихъ дней, когда дождь начался рано и сдѣлалъ всякую отдаленную прогулку невозможной, я направился въ лавку одного стараго торговца „bric-à-brac“. Это не была обычная выставка, какъ у парижскихъ торговцевъ, ходового товара, похожаго на видѣнный уже множество разъ, то было достойное собраніе настоящихъ рѣдкостей. Тамъ можно было познакомиться съ особенностями мѣстнаго стиля по различнымъ остаткамъ домашнихъ вещей прошлаго столѣтія, а также и со многими настоящими перлами болѣе раннихъ эпохъ, поступившими сюда изъ старинныхъ церквей и благочестивыхъ окрестныхъ домовъ. Между ними былъ и большой блестящій осколокъ цвѣтного стекла, который быть можетъ попалъ сюда изъ самаго собора. Чрезвычайно високаго качества по рисунку и краскамъ, онъ изображалъ фигуру не соотвѣтствующую никакому извѣстному церковному образу; было притомъ очевидно, что это часть цѣлаго

цикла. На мои горячіе разспросы объ остальномъ старикъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ объ этомъ ничего, но прибавилъ, что священникъ сосѣднаго селенія обладаетъ цѣлымъ рядомъ ковровъ, предназначенныхъ, повидимому, висѣть въ церкви и изображающихъ все то, частью чего была фигура на цвѣтномъ стеклѣ.

Согласно этому, на другой день я пошелъ къ дому священника; то было небольшое готическое зданіе, часть, быть можетъ, стариннаго замка, рядомъ съ деревенской церковью.. Въ палисадникѣ передъ домомъ, служившемъ одновременно цвѣтникомъ и огородомъ, пчелы кружились надъ осенними всходами — многоцвѣтными астрами, бегоніями, душистымъ горошкомъ и другими старомодными цвѣтами приходскаго дома. Любезный хозяинъ охотно показалъ мнѣ свои ковры, изъ которыхъ нѣкоторые висѣли въ гостиной и на лѣстницѣ, служа фономъ для другихъ собранныхъ имъ рѣдкостей. Несомнѣнно, эти ковры и то цвѣтное стекло касались одной и той же общей темы. И тамъ и здѣсь были одни и тѣ же музыкальные инструменты — свирѣли, цимбалы, длинныя, похожія на тростникъ дудки. Повидимому, дѣло шло о сооруженіи органа, какъ разъ такого, только большаго размѣромъ, какой стоялъ въ кабинетѣ стараго священника, положимъ, почти совсѣмъ беззвучный, тогда какъ на нѣсколькихъ вытканыхъ картинахъ слушатели казались восхищенными, нѣкоторые

же изъ нихъ изступленно ликующими при звукахъ органной музыки. Въ самомъ дѣлѣ, какое-то безумное изступленіе проступало сквозь нѣжную пестроту всего цикла, — сквозь головокружительныя пляски, скаканіе дикихъ звѣрей, сквозь гирлянды виноградныхъ листьевъ, связывавшія, какъ затѣйливый арабскъ, различныя изображенія одной часто повторяемой фігуры, перенесенной сюда изъ прозрачныхъ красокъ стекла въ болѣе печальные, мутные и землистые оттѣнки шелковой пряжи. То было изображеніе самого строителя органа, бѣлокураго и цвѣтущаго молодостью существа, иногда почти нагого среди виноградныхъ листьевъ, иногда закутавшагося отъ холода въ мѣха, иногда въ одеждѣ монаха, но всегда съ сильнымъ отпечаткомъ реальности, дѣйствительнаго происшествія, случившагося на улицахъ Оксерра. Кто же это? Со всей своей классической красотой языческаго божества, онъ испыталъ страданія, которыхъ, надо полагать, не знали языческіе боги. Было похоже на то, какъ если бы одно изъ этихъ лучезарныхъ и ликующихъ существъ раздѣлило жребій вмѣстѣ съ созданіями другой, позднѣйшей эпохи, съ людьми, которымъ дано больше душевныхъ силъ и, разумѣется, больше наклоностей къ печальному. Послѣ подобныхъ мечтаній, съ помощью нѣкоторыхъ свѣдѣній, добытыхъ въ любопытной библіотекѣ священника, относительно исторіи работъ по постройкѣ собора

въ эпоху его окончанія, послѣ неоднократнаго изслѣдованія изображеній на старинныхъ коврахъ, возникла, наконецъ, эта повѣсть.

Около середины тринадцатаго вѣка соборъ Ст.-Этьеннъ былъ законченъ въ общихъ чертахъ; оставалось еще сооруженіе главной башни и вся та разнообразная работа по окончательной отдѣлкѣ храма, которая должна была бы завершиться въ трудѣ нѣсколькихъ поколѣній. Но нѣкоторыя обстоятельства, впрочемъ еще не вполне выясненныя, повели къ нѣсколько ускоренному, даже почти внезапному окончанію, проведенному, однако, удивительно полно и красиво. Изъ результатовъ многое погибло, многое перенесено въ другія мѣста; но часть ихъ все еще видно въ остаткахъ роскошныхъ цвѣтныхъ стеколъ и особенно въ рельефахъ, украшающихъ западный входъ, которые очень тонко изсѣчены въ прекрасномъ твердомъ Тонеррскомъ камнѣ и отъ времени только потемнѣли на поверхности и которые могутъ быть приравнены къ современнымъ имъ итальянскимъ работамъ, какъ примѣръ мастерства въ эту отдаленную эпоху искусства. Они приближаются больше чѣмъ всякое иное искусство того времени къ изображенію жизни, въ нихъ есть чувство реальности, нашедшее себѣ благородную форму, почерпнутое, повидимому, прямо изъ бурнаго, бьющаго ключомъ существованія, кипѣвшаго тогда на этихъ улицахъ и въ этихъ домахъ. Какъ разъ

тогда Оксерръ участвовалъ въ политическомъ движеніи, которое единодушно охватило французскіе города одинъ за другимъ и смѣнило ихъ тѣсный феодальный строй на свободную жизнь общины, — въ томъ движеніи, которому служатъ во многихъ случаяхъ памятниками великія средоточія народнаго благочестія, французскіе соборы. Всегда тѣсно связанное съ утвержденіемъ личной свободы въ умахъ и въ образѣ жизни, это политическое броженіе соединилось въ Оксеррѣ, какъ причина или слѣдствіе, съ фигурой и характеромъ одного особеннаго дѣйствующаго лица, которое надолго осталось въ памяти. Онъ и былъ истиннымъ гениемъ, какъ кажется, этой новой, естественной и благородной манеры въ искусствѣ, а въ жизни могучимъ и дѣятельнымъ существомъ.

Въ то время, какъ искуснѣйшій изъ артели рѣзчиковъ работалъ тамъ однажды, напрасно стараясь исполнить то, что подсказывало ему внутреннее видѣніе, каменщики случайно отрыли прекрасно изваянный греческій каменный саркофагъ, который вѣроятно послужилъ въ свое время для погребенія какого-то римлянина. Здѣсь, казалось, было достигнуто все и все завершено въ искусствѣ, въ созданіи законченной красоты и гармоніи, чего не могли какъ разъ добиться средневѣковые мастера, обладавшіе зато, въ свою очередь, такой глубиной художественнаго замысла, которой не знала древ-

ня Греція. Внутри саркофага среди смертнаго пепла лежалъ свѣжій и блестяще-прозрачный предметъ — фляга изъ яснаго зеленаго стекла, похожая на большой изумрудъ. Это могло бы быть „чудеснымъ сосудомъ Грааля“. Однако этотъ предметъ принесъ съ собой не завѣтъ неисповѣдимый благочестія, но скорѣе мятежный земной жаръ стараго язычества. Запечатанный и оттого, какъ думали нѣкоторые, еще сохранившій благовонный темноватый осадокъ такъ долго наполнявшаго его римскаго вина, онъ былъ спрятанъ пока, до ужина, которымъ предполагалось вскорѣ ознаменовать окончаніе каменныхъ работъ. Послѣ этого ужина, среди общихъ толковъ о великомъ Золотомъ вѣкѣ и высказанныхъ нѣкоторыми безразсудныхъ надеждъ, что онъ можетъ еще вернуться, прекрасное старое оксеррское вино было разлито изъ найденной драгоцѣнной фляги по маленькимъ стаканчикамъ. И съ тѣхъ поръ, имѣло или нѣтъ къ этому какое-либо отношеніе открытіе погребеннаго сосуда, но только своего рода Золотой вѣкъ какъ бы въ самомъ дѣлѣ воцарился тамъ, и торжественное освященіе соборнаго храма совпало съ цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ урожаевъ винограда. Сборъ тѣхъ годовъ остался надолго въ памяти. Изобильные запасы прекраснаго вина можно было найти даже въ хижинахъ самыхъ бѣдныхъ людей; и въ то же время открылась тогда новая красота и новая ра-

дость жизни, и всѣ соединенныя искусства пышно развѣтвились въ этомъ царствѣ покоя и сладостнаго труда, поощряемая, какъ казалось, особеннымъ существомъ, которое появилось въ Оксеррѣ внезапно и странно, чтобы стать средоточіемъ этого счастливаго времени, хотя правда, конецъ его былъ чрезвычайно печаленъ.

Странный обычай издавна велся въ Оксеррѣ. Въ день Пасхи на самой срединѣ собора каноники торжественно играли въ мячъ. Послѣ вечера, вмѣсто того чтобы провожать епископа въ его резиденцію, они стройными рядами слѣдовали въ средній нефъ, гдѣ народъ, въ ожиданіи зрѣлища, уже стоялъ двумя длинными шеренгами. Немного подобравъ полы своихъ одеждъ, они въ полномъ составѣ, молча, ждали своей очереди; между тѣмъ регентъ хора пѣвчихъ подбрасывалъ мячъ такъ высоко, какъ только могъ, подъ сводчатую кровлю главнаго корабля церкви, чтобы кто-нибудь, кто успѣвалъ изъ мальчиковъ, подхватилъ его на лету и въ свою очередь поддалъ его рукой или ногой, и мячъ переходилъ въ руки взрослыхъ осанистыхъ пѣвчихъ, затѣмъ къ капелланамъ, отъ нихъ къ самимъ каноникамъ, которые, въ концѣ концовъ, и разыгрывали игру со всѣмъ декорумомъ религіозной церемоніи. И вотъ, какъ разъ, когда каноники такъ серьезно перебрасывались мячомъ, Дэнисъ — Дэнисъ Оксеррскій, какъ называли его впослѣдствіи, выступилъ впервые. Вор-

вавшись въ ряды робкихъ дѣтей, онъ превратилъ церемонію въ настоящую игру. Мальчики стали играть какъ подобаеть мальчикамъ, взрослые же точно потеряли разсудокъ, всѣхъ охватилъ припадокъ веселости, которая, какъ зараза, распространилась сперва среди духовныхъ, а затѣмъ и среди зрителей. Престарѣлый настоятель храма, Прото-нотарій его Святѣйшества, подоткнувъ повыше пурпурныя полы своихъ одеждъ и выдѣлившись изъ рядовъ, съ удивительной легкостью, будто внезапно освобожденный отъ бремени своихъ восьми десятковъ лѣтъ, поддалъ мячъ ногой прямо въ достопочтеннаго соборнаго проповѣдника, который тоже не сплеховаль. И тогда, будучи не въ состояніи больше стоять неподвижно, міряне затѣяли игру между собой, подстрекая другъ дружку криками; забава продолжалась до тѣхъ поръ, пока стало невозможно слѣдить за полетомъ мяча сквозь сумрачный нефъ.

Хотя очень убогимъ былъ домъ дѣтства его, — одна изъ тѣхъ маленькихъ землянокъ, вырытыхъ въ пологомъ мѣловомъ склонѣ холма, какія и до сихъ поръ служатъ жильемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, — нѣкоторые связывали появленіе его на свѣтъ съ исторіей красивой деревенской дѣвушки, которую лѣтъ восемнадцать передъ тѣмъ отняли отъ семьи, безъ сопротивленія, впрочемъ, съ ея стороны, для развлеченій графа Оксерра. Ей, безъ сомнѣнія, хотѣлось видѣть великаго господина, тайно помѣ-

стившаго ее среди сокровищъ своего замка; но испуганная необыкновенной роскошью новаго жилища и образа жизни, утрашаясь гнѣва законной жены, она внезапно убѣжала оттуда во время смятенія причиненнаго неистойвой бурей, и въ этомъ бѣгствѣ дала преждевременно жизнь своему ребенку. Необычайно прекрасное дитя нашли живымъ подлѣ мертвой матери, пораженной, какъ казалось, ударомъ молніи, неподалеку отъ входа въ апартаменты ея господина, подѣ защитой полуразрушенной и увитой плющомъ башни. Ребенкомъ Дэнисъ жилъ весело и привольно. Въ своей хижинѣ на склонѣ холма, спрятанной среди виноградниковъ, онъ сдѣлался несравненнымъ садовникомъ, а когда выросъ, то сталъ приносить продукты на рынокъ, держалъ ларь на площади около собора и продавалъ тамъ дыни и гранаты, всѣ сорта сѣмянъ и цвѣтовъ (*omnia speciosa camporum*) также медь, восковыя свѣчи, горячія сласти прямо съ шипящихъ сковородъ, грубые доводѣльные горшки и миски, сдѣланные въ маленькой лѣсной гончарнѣ, ковриги хлѣба, выпеченнаго той старушкой, въ чьей хижинѣ онъ жилъ. Въ ту Пасху онъ вошелъ въ церковь въ первый разъ въ своей жизни, чтобы посмотрѣть на игру въ мячъ.

И съ самаго начала женщины, которые видѣли его на рынкѣ или за поливкой растеній въ вечерней прохладѣ, мечтали о немъ. Мужчины, которые замѣчали толпу женщинъ вокругъ

его ларя, гдѣ вѣчно толклись даже юныя, чистыя деревенскія дѣвушки, увидѣвшія его въ первый разъ, подозрѣвали, — кто знаетъ какую тайную силу? — скрытую въ этомъ юношѣ, и, остановившись, чтобы размыслить въ чемъ дѣло, они также попадали подъ власть его чаръ. При взглядѣ на него къ старикамъ возвращалась молодость. И даже мудрый монахъ Эрмій, преданный наукѣ и наблюденію, не могъ изгнать изъ своихъ мыслей торгующаго плодами и тщетно стремился раскрыть тайну обольщенія, хотя бы для того, чтобы дружески объяснить самому юношѣ его, повидимому, сверхъестественный даръ и научить его имъ пользоваться.

То было время, какъ замѣчали старшіе, молодежи и ея господства. Въ его присутствіи, никто не понималъ почему, молодые люди точно вспыхивали и высказывали удивительно дерзкія желанія и требованія, поддержанныя, впрочемъ, и старшими, которые тоже иногда теряли равновѣсіе, притомъ нѣсколько комично. Переворотъ въ нравахъ и въ характерахъ совпалъ съ движеніемъ, бывшемъ тогда въ полномъ ходу въ Оксеррѣ и другихъ французскихъ городахъ, освобождавшимъ „коммуна“ отъ прежнихъ феодальныхъ властей. Дэниса называли тогда „Вольный“, кромѣ множества всякихъ иныхъ прозваній. Молодые сеньоры почитали долгомъ своимъ соглашаться, что трудящіеся имѣютъ право на отдыхъ, и были почти готовы обручиться со сво-

бодой, съ плебейской свободой, — конечно должнымъ образомъ приукрашенной, хотя бы только одними полевыми цвѣтами. Ибо, поистинѣ, Дэ-нисъ изъ-за своего ларя превратилъ серьезныя и медленныя дѣйствія мудрыхъ политиковъ въ безумную общественную вольность, которая сдѣлала жизнь на это время похожей на театральное зрѣлище. Онъ первый завелъ эти длинныя шествія, посредствомъ которыхъ всѣ недовольные, всѣ отчаявшіеся, вся „голь“ стала выражать свои требованія. На рынкѣ одинъ убѣждалъ друго-го, новая сила возникала при соприкосновеніи людей, присоединялись еще и еще, со всѣхъ сторонъ; новый духъ распространился, наконецъ, повсюду. Въ жаркія ночи бывало шумно, вездѣ роились толпы растрепанныхъ женщинъ и юношей съ красными пятнами на лицахъ и рукахъ, они влекли горящіе факелы по холмамъ, покрытымъ виноградниками или наводняли, къ ужасу робкой стражи, городскія улицы, спускаясь къ прохладнымъ мѣстамъ у рѣки. Повсюду пронзительная музыка, взрывы веселаго смѣха по всякому поводу. Новый духъ побудилъ даже церковь принять участіе въ новомъ служеніи Празднеству Безумныхъ. Этотъ экстазъ кружившій головы, — утренній сонъ среди виноградныхъ лозъ, когда минуютъ усталости ночи, — одежды омо-ченныя росой, — рабъ отдыхающій, наконецъ, вдоволь, — запечатлѣли тогда столь многочисленныя въ городѣ художники; они сохранили

хоть нѣчто, по крайней мѣрѣ, изъ роскоши и приволья открывшагося имъ зрѣлища жизни. Съ ними эта жизнь, по виду праздная, въ которую Дѣнисъ вовлекъ юношество Оксерра, сдѣлалась лишь покореніемъ для надобностей человека прекрасныхъ даровъ и радостныхъ силъ природы. И природа тому помогала сама. Казалось не будетъ больше зимы. Планета Марсъ подошла къ землѣ ближе, чѣмъ обыкновенно и висѣла въ низкомъ небѣ, точно огненная, красная лампа. Гигантская, но почти безжизненная лоза на монастырской стѣнѣ, которую оставили только какъ рѣдкость за ея безмѣрный возрастъ, покрылась ягодами въ тотъ „великій сборъ“, какъ долго спустя его называли. Воздѣлываніе винограда сильно расширилось. Солнечный свѣтъ впервые упалъ на вновь расчищенные подъ виноградники поляны въ лѣсной глуши, хотя Дѣнисъ, вообще, любилъ деревья и заботливо сохранилъ то здѣсь, то тамъ, стройные образцы лѣсныхъ произрастаній.

Когда пришло къ нему впослѣдствіи горе, одна особенность, которая столь многихъ привлекла къ нему во дни счастья, была поставлена ему въ вину, — это любовь къ уродливымъ и даже безобразнымъ, но все же рожденнымъ для радости дѣтямъ; также и къ разнымъ животнымъ: онъ дружилъ съ ними со всѣми, искусно лѣчилъ ихъ болѣзни, спасалъ зайца отъ охотника и продавалъ свой плащъ, чтобы выручить яг-

ненка отъ мясника. Онъ училъ не пугаться тѣхъ невиданныхъ и ужасныхъ существъ, которыя выходили изъ своихъ логовищъ на свѣтъ двигающихся факеловъ, и не считать ихъ появленіе дурной примѣтой. Настоящаго волка онъ приручилъ къ себѣ, точно собаку. То было первымъ въ ряду другихъ двусмысленныхъ обстоятельствъ, изъ-за которыхъ ненависть и глубокое подозрѣніе стали внѣдряться въ умы все большаго и большаго числа людей. Богатый „бестіарій“, составленный тогда для соборной бібліотеки, сталъ, благодаря ему, почти что садомъ Эдема, — Эдема одичалаго. Однѣхъ только совъ онъ ненавидѣлъ. И позже, какъ бы мстя, однѣ совы изъ всѣхъ звѣрей и птицъ вцѣплялись въ него, преслѣдовали его настойчиво въ сумрачныхъ каменныхъ башняхъ, а онъ, ставшій тогда смиреннымъ, не смѣлъ ихъ убивать. Онъ входилъ невредимымъ въ знаменитый звѣринецъ замка, котораго такъ боялись простые люди, и извелъ оттуда львовъ, положимъ, довольно-таки робкихъ плѣнниковъ на улицы во время ярмарки. Это происшествіе навело на мысль нѣсколько ограниченныхъ грамотеевъ тѣхъ временъ о „моралитѣ“, сюжетъ котораго былъ взятъ изъ древнихъ языческихъ сочиненій, о театральномъ представленіи, гдѣ богъ вина возвращался бы въ ликованіи съ Востока. Зрѣлище было поставлено на соборной площади подъ несмолкаемое пѣніе свирѣлей, съ Дэнисомъ въ

главной роли, который стоялъ въ тонкихъ шелковыхъ одеждахъ на ярко расписанной колесницѣ и вѣнчалъ свое чело страннымъ уборомъ въ видѣ слоноваго черепа съ вызолоченными клыками.

Но эта безподобная красота его и юная свѣжесть... Какъ могъ онъ одинъ сохранить ее нетронутой вѣтромъ и зноемъ? Въ дѣйствительности вовсе не колдовствомъ, какъ утверждали нѣкоторые, но естественной простотой образа жизни. Когда наступили черные дни горя, тогда лишь услышали, какъ, стучась зимней ночью въ убогую дверь своей старой хижины на склонѣ холма, онъ жалобно просилъ: „дайте мнѣ мяса и вина, темнаго вина и черной дичины!“ До тѣхъ же поръ великій хозяинъ винограда, самъ, пилъ только воду; ключевой водой жилъ онъ и плодами. Влюбленный въ плодородіе во всѣхъ его проявленіяхъ и даже въ то, что лишь предвѣщало его, онъ проникалъ всѣ ходы дождей и владѣлъ тайной божественнаго жезла. Задолго, прежде чѣмъ собирался дождь, онъ издалека чувствовалъ его запахъ и весело взбирался на высокія подмости строящейся башни, чтобы видѣть пришествіе его въ жаждущую землю винограда, пока наконецъ не начинали стучать первыя капли по церковной крышѣ внизу; и тогда, отбросивъ свой плащъ, онъ открывалъ дождю плечи и руки, крѣпко держась противъ порыва вѣтра за изображенія, изсѣченныя въ темномъ камнѣ.

То было по внезапномъ возвращеніи изъ долгаго путешествія (одного изъ многихъ необъяснимыхъ исчезновеній), когда, въ чемъ-то перемѣнившись, онъ сталъ въ первый разъ ѣсть мясо, разрывая горячіе красные куски своими нѣжными пальцами съ какой-то дикой жадностью. Онъ бѣжалъ тогда на югъ съ первыми непогодами зимы, которая наконецъ наступила. Въ большомъ портѣ Марселя онъ толкался среди моряковъ изъ всѣхъ странъ свѣта, изъ Аравіи и Индіи, и накупилъ у нихъ товаровъ, которые и выставилъ теперь къ общему изумленію для продажи на пасхальной ярмаркѣ, — вина и куренія, такія роскошныя, какихъ не видывали въ Оксеррѣ, сѣмена новыхъ чудесныхъ цвѣтовъ, дикихъ и ручныхъ животныхъ, новую посуду, окрашенную въ рѣзкія, пестрыя краски, звѣриныя шкуры и кушанья, изготовленныя съ неслыханными приправами. Его ларь внезапно открылся, какъ странное и необыкновенное красочное пятно, въ одно жаркое утро.

Художники наслаждались всѣмъ этимъ такъ, какъ еще никогда, и часто посѣщали его въ маленькомъ прежде господскомъ жилищѣ, давно покинутомъ своими владѣльцами и обитаемомъ привидѣніями, на которое многіе поэтому смотрѣли косо, гдѣ поселился онъ, привлеченный съ перваго же взгляда роскошнымъ запущеннымъ садомъ, чащей всевозможныхъ ползучихъ, похожихъ на лозы растений. Здѣсь, окруженный

изобиліемъ яркихъ предметовъ своего промысла, виноградарь превратился въ наставника и какъ бы основаль школу для всѣхъ разнообразныхъ художниковъ, которые учились у него искусству, дополнявшему ихъ творчество, — а именно, веселому волшебству (искусству или фокусу) его жизни, пока не сдѣлались своего рода аристократіей, подобно настоящимъ „gens fleur-de-lisés“, работая замкнутымъ кружкомъ надъ украшеніемъ собора и сотни другихъ зданій. Тѣмъ временемъ тѣма уже собиралась надъ нимъ. Отъ этого добраго существа уходила его былая мягкость. Стали случаться странныя, безпричинныя злодѣянія, и, теряясь въ догадкахъ, не одни только завистники обвинили Дэниса. Онъ могъ свести съ ума все юношество. Ужъ не замыслилъ ли онъ сдѣлаться графомъ Оксерра? Графиня Аріана, покинутая своимъ прежнимъ возлюбленнымъ, глядѣла на него такъ ласково, она была готова доставить зятя старому графу, ея отцу, которому осталось немного жить на свѣтѣ. Мудрый монахъ Эрмій вспомнилъ о нѣкоторыхъ древнихъ сочиненіяхъ, гдѣ говорилось, что богъ вина, чью роль Дэнисъ недавно такъ хорошо исполнилъ, имѣлъ свои противорѣчія, свои темныя и отталкивающія стороны; онъ былъ подобенъ двойственному существу, надѣленному двумя естествами, которыхъ трудно или же вовсе невозможно привести въ согласіе. Дѣйствительно, такъ много хвалено оксеррское вино

производить тоже лишь бѣглое очарованіе, оно часто киснетъ и портится, прежде чѣмъ опустѣетъ бутылка, какъ бы хорошо ни была она запечатана; это видно лучше всего по тѣмъ браннымъ кличкамъ „Chânette“ и „Migraine“, какими окрестили его винодѣлы.

Какая-то извращенность, какая-то грубость,— происшедшая изъ пресыщенности и безобразныхъ, раздувшихся аппетитовъ, — распространилась въ народѣ вмѣстѣ съ озвѣрѣлымъ вкусомъ къ плотояденію. Вышли наружу слухи о нѣсколькихъ женщинахъ, утопившихъ ради простого распутства своихъ новорожденныхъ младенцевъ. Нашли беременную дѣвушку, которая повѣсилась въ темномъ погребѣ. О! Развѣ самъ Дэнисъ не чувствовалъ себя тоже во власти безумія! И когда одно преступленіе, одно убійство, совершенное большимъ топоромъ, которымъ рубятъ лозы, далеко среди виноградниковъ, начали смутно приписывать ему, онъ могъ только переспросить, такъ ли это, и тогда тѣнь воображаемаго злодѣйства стала съ нимъ неразлучной. Всѣ обратились теперь противъ него, и прежнее его обаяніе сочли колдовскимъ навожденіемъ. И было такъ, какъ если бы вино, излившееся для нихъ, окисло въ чашѣ. Золотой Вѣкъ въ самомъ дѣлѣ вернулся на время, но былъ ли онъ послѣ всего этого дѣйствительно золотой или лишь позолоченный? И были они слишкомъ слабы или, по крайней мѣрѣ,

слишкомъ глубокомысленны, чтобы провести въ немъ до конца свою роль. Монахъ Эрмій хитро додумался до „скрытаго смысла“ языческой поэзіи, вспомнилъ того бога вина, который пребывалъ въ аду. Безспорно былъ мученикомъ тогда Дэнисъ во всей своей свѣтлокудрой красотѣ. Сначала онъ думалъ тайно бѣжать куда-нибудь. Увы! Силы настолько покинули его, что не было увѣренности въ удачѣ такой попытки. Онъ боялся, что его вернуть въ оковахъ. Прошли, прошли тучные годы. Настало время скудости. Работники не находили пищи и питья тамъ, гдѣ они когда-то помогали запасать. Со слезами на глазахъ нищія дѣти или старики и больные подобные дѣтямъ просыпались день за днемъ въ печальныя, безсолнечныя, скованныя морозомъ и губительныя утра; маленькія голодныя существа брели собирать орѣшки подъ плетнемъ или сухіе побѣги лозъ. Таинственные, темные дожди не переставали лить все лѣто. Торжественный молебенъ св. Іоанну былъ прерванъ внезапной тьмой неожиданной по времени года бури, которая сильно повредила рѣзныя украшенія на храмѣ, и епископъ читалъ тогда за обѣдней при свѣтѣ маленькой, прилѣпленной къ книгѣ свѣчи. И вотъ, въ одну ночь, въ ту ночь, которая, казалось, проглотила самый короткій день въ году, нѣсколько чело-вѣкъ сговорились схватить Дэниса, когда онъ пойдетъ, и убить его какъ колдуна. Онъ едва

могъ понять, какъ спасся тогда и какъ очутил ся живъ и здоровъ въ своемъ прежнемъ жилищѣ, въ той хижинѣ на склонѣ холма, передъ столь любимымъ имъ жаркимъ огнемъ на очагѣ. Тамъ устроили, какъ умѣли, маленькое пиршество для прекраснаго гонимаго существа при свѣтѣ множества восковыхъ свѣчей.

Наконецъ само духовенство задумалось надъ тѣмъ, какъ избавиться отъ этой злой поры. Гдѣ-то подъ плитами алтаря въ небреженіи лежало тѣло одного изъ святыхъ покровителей Оксерра. Надлежало бы извлечь его благочестиво и заключить въ достойную его раку. Позолотчики, ювелиры и гранильщики прилежно сѣли за работу, и немного спустя рака въ видѣ маленькаго собора съ порталами и законченной башней, съ гранеными вставками горнаго хрусталя, обрамленными золотомъ, была готова и воздвигнута на главномъ престолѣ. Чтобы присутствовать при поискахъ и поднятіи мощей, прибыло множество епископовъ, прибылъ самъ король Людовикъ Святой въ сопровожееніи своей матери. Въ ихъ присутствіи епископъ оксеррскій, облаченный въ честь мощей въ темнокрасныя одежды, благословилъ новую раку, согласно служенію „*De benedictione capsarum pro reliquiis*“ . Когда же среди колеблющагося моря печальныхъ пѣснопѣній, исполненныхъ всѣми пребывавшими въ постѣ, была приподнята настилка пола, открылось точно поле сраженія, усѣянное

человѣческимъ прахомъ. И запахъ его распространился сквозь густыя облака ладана, такого ладана, которымъ курили только въ домашней капеллѣ короля. Поиски самого святого продолжались весь день и даже далеко за полночь. Наконецъ, изъ небольшого очень узкаго гроба, гдѣ останки почти сплющились въ одно, руки епископа въ красныхъ перчаткахъ извлекли ссохнувшееся, непостижимо сократившееся тѣло, но всѣ черты лица были еще ясно различимы во внезапномъ косомъ лучѣ призрачной зари.

Это потрясающее зрѣлище какъ будто въ самомъ дѣлѣ исцѣлило Дэниса послѣ остраго припадка, въ которомъ точно демонъ изошелъ изъ него, когда онъ убѣжалъ изъ душевной церкви, гдѣ толпа молящихся еще ждала процессію перенесенія мощей и службу „*De reliquiis que continentur in Ecclesiis*“, и упалъ на траву монастырскаго дворика, но оно не вернуло ему, конечно, былой радости. Онъ остался подавленнымъ, молчаливымъ, печальнымъ созданиемъ; обратившись теперь въ странномъ извращеніи чувства ко всему погребальному, онъ выбралъ изъ разбросанныхъ на полу храма человѣческихъ костей страшный осколокъ и сталъ носить его на шеѣ, а немного позже пришелъ къ Ст.-Жерменскимъ монахамъ, которые приняли его въ свои мастерскія охотно, но тайно, изъ страха его враговъ.

Какъ разъ тогда шумная семья разнообраз-

но одаренныхъ художниковъ, занятыхъ спѣшной работой надъ окончательной отдѣлкой собора Ст.-Этьенна, вносила въ монастырскія мастерскія такое оживленіе, которое могло развѣять всякое горе, даже горе нашего друга Дэниса. Онъ присоединился къ нимъ, какъ монастырскій послушникъ и какъ новичекъ вообще во всякомъ настоящемъ ремеслѣ. Онъ умѣлъ, развѣ только, составлять благовонныя куренія для алтаря. Но опять простымъ своимъ присутствіемъ онъ оказалъ сильнѣйшее вліяніе на всѣ разнообразныя проявленія окружавшихъ его искусствъ и прежде всего искусствъ изобразительныхъ. Онъ безсознательно указывалъ особые оттѣнки какъ чувства, такъ и художественной передачи для тѣхъ, чьи искусныя руки, вооруженныя рѣзцомъ, кистью или иглой, работали день за днемъ, закрѣпляя ихъ въ образахъ чистой фантазіи. На трехъ послѣдовательныхъ стиляхъ или манерахъ можно прослѣдить, особенно въ скульптурѣ, исходившія отъ него настроенія. Сперва это буйное веселье, бьющее ключомъ въ гирляндахъ полныхъ жизни изображеній, откуда не изъято ничто дѣйствительно существующее въ природѣ. Затѣмъ, когда начинается темнѣть душа Дэниса, тогда и это все погружается въ темныя области гротескаго, похотливаго и грубоплотскаго. Но послѣ того наступаетъ, безъ всякой потери въ силѣ, спокойное углубленіе, немного осторожное и разборчивое, не въ выборѣ

сюжета, а скорѣе въ самомъ характерѣ его трактовки. Похоже на то, какъ будто старый веселый языческій міръ кѣмъ-то „благословленъ“; это видно лучше всего въ роскошныхъ миниатюрахъ манускриптовъ соборной библіотеки, — особенно въ чудесномъ Овидіи, на страницахъ котораго всѣ былыя любви и горести точно вновь оживаютъ въ средневѣковомъ нарядѣ, точно самъ Дэнисъ, теперь уже въ капюшонѣ и съ тонзурой на головѣ, склонялся надъ живописцемъ и направлялъ его кисть скорѣе особымъ, часто неизъяснимымъ въ словахъ сочувствіемъ, чѣмъ какимъ-либо настоящимъ совѣтомъ.

Надо всѣмъ этимъ господствовало тогда общее желаніе создать инструменты, которые ввели бы въ священную музыку больше свободы и разнообразія, чѣмъ было въ ней до той поры, которые позволяли бы выражать въ ней полный объемъ человѣческой души, достигшей, наконецъ, зрѣлости. Оксерръ, въ дѣйствительности, тогда и позже славился своей богослужебной музыкой. И первымъ, кому пришла въ голову мысль сочетать въ одной могучей волнѣ звуковъ всѣ дотолѣ извѣстные музыкальные инструменты, былъ Дэнисъ. Подобно древнему богу вина онъ всегда особенно любилъ и поощрялъ музыку свирѣлей во всѣхъ ея разновидностяхъ. Здѣсь также ясно различались три періода или три „лада“; сперва скромное пастушеское и наив-

ное пѣніе свирѣли, похожее на жалобу вѣтра въ отдаленныхъ поляхъ; затѣмъ дикій, неистовый вопль, такъ потрясавшій робкихъ, а возбужденныхъ приводившій въ безуміе. И теперь, наконецъ, онъ захотѣлъ привести все это къ сладостному созвучію, и сооруженіе перваго органа сдѣлалось какъ бы книгой его жизни, — оно поглотило весь объемъ его души, всѣ горести ея и всѣ радости. Въ долгіе дни, веселые солнцемъ своимъ и вѣтромъ, полубезумный, какъ думали, „братъ“ искалъ у рѣки и находилъ всѣ необходимыя породы тростника. Плотники воздвигали по его указаніямъ большіе переходы для громовъ, тогда какъ маленькія картонныя трубочки раздражали звукамъ человѣческихъ голосовъ, отвѣчающихъ на побѣдныя ноты длинныхъ металлическихъ трубъ. Когда по ночамъ слышались нестройные звуки, и это все, тоже, походило на работу сумасшедшаго, но иногда спящіе пробуждались восхищенные отрывкомъ новой, неоспоримо новой музыки. То было торжество всѣхъ свирѣльныхъ силъ, объединенныхъ, покоренныхъ и управляемыхъ однимъ человѣкомъ. И Аполлонъ, властитель струнъ, съ обычной своей лирой въ рукѣ, написанный на дверцахъ органа, какъ будто ревниво прислушивался къ пѣнію тростниковъ и былъ полонъ той же завистью, изъ-за которой онъ когда-то такъ жестоко умертвилъ Марсіа.

Казалось, между тѣмъ, что люди и даже вра-

ги позабыли его. Но враги, конечно, у него еще были и готовились похитить у него жизнь, какъ только представится къ этому случай; онъ убѣдился въ томъ, когда выступилъ однажды на публичной церемоніи. Епископъ долженъ былъ благословить постройку новаго моста, предназначавшагося, чтобы замѣнить старинный римскій мостъ, который, исправленный во многихъ мѣстахъ, служилъ до тѣхъ поръ главной переправой черезъ Іонну. Но нарушеніе покоя истертыхъ временъ камней какъ будто освободило темные призраки минувшихъ временъ. Глубоко, въ сердцевинѣ средняго устоя открылся ужасный предметъ,—скелеть ребенка, нѣкогда помещеннаго сюда живымъ, ради суевѣрнаго убѣжденія, какъ основательно предположили нѣкоторые, что доброхотная жертва обезпечитъ жизнь всѣмъ тѣмъ, кто проходитъ надъ ней. И тогда въ толпѣ нашлись люди, которые невольно для самихъ себя оглянулись вокругъ, точно ища подобный же залогъ прочности своему новому предпріятію. Какъ разъ въ эту минуту на одномъ изъ большихъ камней, предназначенныхъ для закладки новаго сооруженія, отчетливо предсталъ Дэнисъ, почти такой же, какимъ онъ былъ прежде. Одно мгновеніе онъ чувствовалъ на себѣ взоры всей толпы полные ужаснымъ желаніемъ, и затѣмъ, кинувъ бѣглый взглядъ на сѣрый городъ въ зеленой рамкѣ виноградниковъ, такой красивый отсюда, съ замѣчатель-

ной быстротой бросился въ воду и исчезъ изъ глазъ тамъ, гдѣ рѣка ускоряла свой бѣгъ подъ колесами водяныхъ мельницъ. Положимъ, нѣкоторымъ изъ толпы показалось, что они увидѣли его снова невредимымъ на палубѣ одной изъ барокъ, нагруженныхъ виноградомъ и празднично увитыхъ цвѣтами, точно пловучій садъ, которыя сплавляли тогда осенній сборъ изъ окрестныхъ деревень; но, вообще говоря, большинство думало, что ихъ странный врагъ исчезъ навѣки. Въ дѣйствительности же Дэнисъ работалъ опять среди монастырскаго покоя надъ своимъ домомъ изъ тростника и трубъ. По временамъ къ нему возвращались прежніе припадки, и, чтобы избавиться отъ нихъ, онъ съ жадностью рылъ землю, превращаясь въ могильщика, вызываясь копать могилы для мертвыхъ на всѣхъ кладбищахъ города. Нѣкоторые видѣли его за этимъ трудомъ (въ немъ было еще нѣчто прежнее, солнечно-золотое), видѣли, какъ онъ вопрошалъ взоромъ мракъ, и какъ слезы его капали на ужасный прахъ, который ворошила кирка.

Въ самомъ дѣлѣ, со дня поднятія святыхъ мощей въ соборѣ онъ испытывалъ непреодолимое любопытство къ подобнымъ вещамъ и въ одинъ зимній день задумалъ взять тѣло своей матери изъ неосвященной земли, гдѣ оно лежало, чтобы предать погребенію въ монастырѣ, рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ обыкновенно работалъ. Въ сумерки онъ пошелъ по замерзшему снѣгу.

Когда онъ перелѣзалъ черезъ каменную ограду, весь міръ вокругъ него, казалось, закованъ до самого сердца, — все, кромѣ него самого, пролагавшаго путь свой, держась бокомъ къ пронзительному вѣтру, который такъ грубо трепалъ его пурпурный плащъ и свѣтлыя кудри. Кости, торопливо собранныя имъ, онъ помѣстилъ безъ всякаго обряда, но благоговѣйно, въ ямъ, которую потихоньку приготовилъ заранѣе въ чужой могилѣ.

Между тѣмъ, мѣхи его органа были уже готовы къ дѣйствию; но лишъ съ трудомъ получилъ онъ отъ прихода милостивое разрѣшенія испытать его ради слѣдующаго примѣчательнаго случая. Рѣдкій гость ожидался въ Оксеррѣ. Въ благодарность за какую-то услугу, оказанную въ давнія времена приходу, владѣтели Шастелу получили наслѣдственное званіе канониковъ этого храма. Въ день пріема, носители званія изстари представлялись при входѣ въ алтарь, облаченные въ стихарь и омофоръ поверхъ военныхъ доспѣховъ. Недавно, старый графъ Шастелу умеръ, и наслѣдникъ его извѣстилъ по обычаю, что вскорѣ прибудетъ искать своихъ священническихъ правъ. Была долгая распря между домами Шастелу и Оксерра, но по этому счастливому случаю пришло предложеніе мира, подъ видомъ просьбы руки графини Аріаны.

Въ назначенный день прибылъ прекрасный юноша, облаченный въ подобающія одежды, и

былъ проведенъ въ свою ложу, во время вечерень, въ соприсутствіи епископа. И вотъ именно тогда, молящіеся съ многообразнымъ наслажденіемъ услышали въ первый разъ разлившуюся въ храмѣ музыку органа. Но за своимъ созданиемъ былъ забытъ самъ творецъ инструмента и исполнитель, и прежнее поклоненіе ему не возвратилось вновь. Религіозный обрядъ сопровождался народнымъ праздникомъ, которымъ Оксерръ чествовалъ своего будущаго господина. Празднество должно было закончиться съ наступленіемъ темноты нѣсколько грубой народной потѣхой, въ которой должны были гнать по всѣмъ улицамъ фигуру „Зимы“ съ завязанными глазами. Таково было продолженіе того прежняго представленія „Возвращенія съ Востока“, гдѣ Дэнисъ когда-то игралъ главную роль. И прежній, нынѣ позабытый, герой, вспомнилъ свою прежнюю роль и какъ бы машинально снова попалъ на главное мѣсто, какъ былъ, въ платьѣ монаха. Кто знаетъ, можетъ быть это возстановило бы прежнюю любовь къ нему народа? Онъ поспѣшно одѣлъ пепельно-сѣрый плащъ съ грубымъ воротомъ изъ власяницы и кончилъ всѣ другія приготовленія. Но случилось, что власяница глубоко уколола ему губу, и длинная струйка крови поползла по подбородку. И тогда видъ крови, казалось, привелъ зрителей въ сумасшедшую ярость и точно раскрылъ передъ нимъ внезапно истину. Мнимая погоня

за проклятымъ созданіемъ сдѣлалась настоящей, и въ ней быстро выросли и обнажились ужасныя страсти толпы. Душа Дэниса обрѣла уже вѣчный покой, а тѣло его все еще влачили по рядамъ преслѣдователей, бросали изъ стороны въ сторону и, наконецъ, растерзали на части. Мужчины прикалывали маленькіе кусочки его тѣла или клочья разодранныхъ одеждъ къ своимъ шляпамъ, и женщины охотно уступали для этого длинныя шпильки. На другой день монахъ Эрмій тщетно искалъ какихъ-либо останковъ отъ тѣла своего друга. Лишь когда наступила ночь, какой-то неизвѣстный принесъ ему сердце Дэниса, все еще цѣлое. Оно, вѣроятно, теперь уже давно превратилось въ прахъ подъ отмѣченной крестомъ плитою въ темномъ углу собора, гдѣ его похоронилъ монахъ.

Такъ объяснилась фигура на цвѣтномъ стеклѣ. Мнѣ казалось, что Дэнисъ дѣйствительно жилъ когда-то въ Оксеррѣ. Въ особенные дни, когда слѣды средневѣковья выступаютъ явственнѣе, какъ старые знаки на камняхъ подъ дождемъ, мнѣ представлялось, что я въ самомъ дѣлѣ видѣлъ тамъ этотъ мученическій образъ,— что я встрѣчалъ на улицахъ городка Дэниса Оксеррскаго.

Себастьянъ Ванъ-Сторкъ.

То была зимняя сцена изъ Адриана ванъ - де Вельдэ или Исаака ванъ - Остадэ. Нѣжная поэзія и милая уютность зимы сочетались здѣсь въ облетѣвшихъ и осеребренныхъ вѣтвяхъ деревьевъ, въ мѣхахъ конькобѣжцевъ, въ теплѣ красныхъ, кирпичныхъ домовъ, укутанныхъ бѣлою дымкой, въ отблескѣ блѣднаго солнца на кирасахъ конныхъ солдатъ, которые медленно исчезали вдали.

Себастьянъ ванъ-Сторкъ, безспорно самый граціозный искусникъ изъ множества конькобѣжцевъ чертившихъ безконечные узоры на просторѣ замерзшаго мокраго луга, любилъ больше всего это время года, выражающее совершенную безстрастность или, по крайней мѣрѣ, совершенное успокоеніе. Земля отдыхала или казалось отдыхала въ этомъ безжизненномъ снѣ, который подходилъ къ странному характеру юноши. Душное лѣто осушавшее эти луга, теперь погребенные подо льдомъ, освобождало шумный

и хлопотливый живой міръ, который для художника Альберта Куипа пріятно отливалъ рыжеватыми и желтыми тонами, но Себастьянъ ванъ-Сторкъ тогда почти задыхался. Хотя онъ и любилъ такъ родную зиму, онъ былъ голландцемъ лишь наполовину. Мать Себастьяна, по происхожденію испанка и католичка, принесла богатство красокъ и формъ его здоровому и свѣжему голландскому типу, сохраняющему молодость далеко за ея обычные предѣлы. Это смѣшанное выраженіе восхитило взоръ Исаака ванъ-Остадэ, который написалъ его портретъ съ наброска сдѣланнаго на каткѣ, — съ мѣховой муфтой въ рукахъ и съ султаномъ изъ бѣличьяго хвоста, во всей скромной прелести отрочества. Когда онъ недавно вернулся домой изъ обученія наукамъ гдѣ-то внутри страны, что сдѣлалъ по предложенію своего наставника съ цѣлью, какъ тотъ говорилъ, немножко поправиться, нѣчто большее, чѣмъ веселая беззаботность ранней юности, ушло отъ него. Ученый, самъ, какъ было извѣстно, защищавшій доктрины новой, необыкновенной философіи, не желая слишкомъ рано смущать пытливый умъ довѣреннаго ему ученика, почелъ, вѣроятно, своимъ долгомъ отправить домой того, кто слишкомъ охотно бросался на всякіе проблески отвлеченной истины, взятые у другихъ; и въ написанномъ имъ письмѣ онъ долго останавливался на умственномъ безстрашіи юноши. „Сейчасъ—говорилось тамъ,

—онъ руководится больше любопытствомъ, чѣмъ любовью къ истинѣ, что, впрочемъ, и подобаешь молодому характеру. Безъ сомнѣнія онъ поразительно отличается отъ другихъ сверстниковъ своей страстью къ могучимъ умственнымъ упражненіямъ, отъ которыхъ въ безопасности своей отвращается большинство юношей, и въ которыхъ онъ выказываетъ такое безстрашіе, что по временамъ мнѣ кажется, будто истинное его призваніе, это война; ибо непреклонныя логическія наклонности ума приводятъ его къ дѣятельности. Не поймите меня ложно! Теперь, онъ отваженъ только умственно и на жизненное призваніе свое не далъ еще никакихъ опредѣленныхъ намековъ. Но онъ кажется мнѣ дѣятельнымъ въ томъ смыслѣ, что его теоремы строятъ для него жизнь, что онъ всегда будетъ искать, какъ нѣчто сопутственное и равнозначное ходу своего мышленія и неотдѣлимое отъ него, — ходъ своего существованія. Эта умственная прямота, эта искренность, которая по моему заключаетъ въ себѣ особенную красоту, дѣйствовала на меня, признаюсь, какъ испытующее средство“. И въ самомъ дѣлѣ, это „испытующее средство“ пришлось испробовать и многимъ другимъ, далекимъ отъ умственныхъ тревогъ, — узнать въ его обществѣ волненіе мысли, которое странно противорѣчило сдержанной внѣшности и манерѣ держаться этого ревниво замкнутаго въ себя юноши.

На каткѣ въ толпѣ зрителей, любовавшихся движеніями Себастьяна ванъ-Сторка были и матери дочекъ-невѣстъ, которыя сейчасъ же сдѣлались поклонницами богатаго и достойнаго молодого человѣка, представленнаго имъ теперь, какъ взрослога, счастливыми родителями. Голландская аристократія, казалось, хотѣла сравняться съ прелестью зимняго утра, и характерно для того времени, что тутъ же была и семья художниковъ въ полномъ блескѣ, — ожидая излюбленной ими игры свѣта и тѣни. Художники были тогда дѣйствительно важной корпораціей, естественнымъ послѣдствіемъ дорого добытаго національнаго благосостоянія. Они укрѣпляли полноту ощущеній той теплой и нѣжной уютности, которую такъ любила нація и за которую такъ храбро сражалась противъ людей или противъ моря. Томасъ де Кейзеръ, цѣнившій больше, чѣмъ кто-либо другой, этотъ странный новый аттицизмъ, возникшій среди пустынныхъ соленыхъ болотъ, думалъ, возможно ли дѣйствительно увидѣть здѣсь его прекраснѣйшее воплощеніе, такое, какое представлялось воображенію, и вотъ онъ узналъ его живымъ и одушевленнымъ въ лицѣ Себастьяна ванъ-Сторка и выразилъ желаніе написать съ него портретъ. Но нѣсколько неожиданно юноша отклонилъ предложеніе; не совсѣмъ вѣжливо, какъ показалось!

Какъ разъ тогда Голландія почивала на лав-

нѣнно нѣчто изъ его страсти къ пространству. Крайняя простота образа жизни была вообще свойственна многимъ достойнѣйшимъ людямъ Голландіи, — Вильгельму Молчаливому, Баруху де Спиноза, братьямъ де Виттъ. Но простота Себастьяна ванъ-Сторка была нѣсколько иного характера и, конечно, не демократическая. Его мать думала, что онъ похожъ на того, кто понемногу заботливо освобождается отъ всякихъ связывающихъ привычекъ и постепенно пріучается довольствоваться сколь можно малымъ, собираясь предпринять какое-то долгое путешествіе.

Однажды, лѣтнимъ вечеромъ, бургомистръ ванъ - Сторкъ принималъ у себя общество друзей, состоявшее главнымъ образомъ изъ его любимыхъ художниковъ. Видно было, какъ гости, пользуясь прекрасной погодой, подходили пѣшкомъ, нѣкоторые съ женами и дочерьми, навстрѣчу лучамъ низкаго солнца, ложившагося краснымъ отблескомъ на ихъ лица и на старья деревья аллеи, по которой они шли. Тамъ былъ Виллемъ ванъ-Эльстъ, ожидавшій найти мотивъ для группы цвѣтовъ среди тропическихъ растений, украшающихъ банкетный залъ. И Герардъ Доу, жаждавшій утолить свои взоры блескомъ роскоши въ часъ борьбы между свѣтомъ свѣчей и прощальными лучами заходящаго солнца, и Томасъ де-Кейзеръ, чтобы украдкой схватить сходство ванъ-Сторка младшаго. Былъ еще

Альбертъ Куипъ, который открылъ потаенное золото въ Рембрандтѣ и свой родной Дордрехтъ надѣлилъ пышнымъ великолѣпіемъ солнечнаго блеска, такимъ же необыкновеннымъ, какъ цвѣты или восточные ковры на столахъ бургомистра. А вмѣстѣ съ ними, де-Хоогъ, Куипъ интерьера, и Виллемъ ванъ-де-Вельде, писавшій берега и веселые военные корабли для кабинета хозяина дома. Томасъ де-Кейзеръ пришелъ съ братомъ своимъ Питеромъ и племянницей, въ сопровожденіи молодого Никласа Стона изъ Англии, ученика Питера, женившагося позднѣе на его дочери. Ибо примѣрна была жизнь голландскихъ художниковъ въ дѣлахъ семейныхъ, и ея лѣтописи полны славными рассказами о взаимной поддержкѣ въ бѣдѣ. Не менѣе примѣрно было и содружество ихъ между собой, заставлявшее иногда жертвовать безвѣстно и всѣмъ своимъ талантомъ ради простыхъ аксессуаровъ въ картинѣ товарища; такъ что въ тотъ вечеръ они собрались вмѣстѣ безъ страха повздорить и тѣмъ разстроить музыкальныя интермедіи мадамъ ванъ-Сторкъ во второй гостиной. Немного позади другихъ гостей шли Хондекетеры, — Гильсъ, Гибрехтъ и Мельхіоръ. Прежде чѣмъ войти въ домъ, они повели общество посмотреть въ угасающемъ свѣтѣ вечера на замѣчательный птичникъ бургомистра, гдѣ птицы уже усѣлись на насѣсть; и почти уже совсѣмъ стемнѣло, когда добрались, наконецъ, до банкетнаго зала.

Этотъ вечеръ былъ важенъ для Себастьяна, а черезъ него и для другихъ. Ибо (музыка ли дуета тому причиной? — спрашивалъ онъ самъ себя на слѣдующее утро, съ отвращеніемъ вспоминая все; или же крѣпкое испанское вино, такъ изобильно лившееся въ узкіе, но глубокіе венеціанскіе бокалы?) тогда онъ впервые подошелъ ближе, чѣмъ когда-нибудь, къ мадемуазель ванъ-Вестерхеене, сидѣвшей за клавирами и казавшейся свѣжей и розовой въ бѣломъ атласѣ, отдѣланномъ кармазиновымъ пухомъ.

Такъ весело и тепло жилось въ этой странѣ, о которой Плиній нѣкогда говорилъ не вполне такъ, какъ о сушѣ И правда, море, которое такъ любилъ Себастьянъ и съ такимъ удовлетвореніемъ и чувствомъ радости ощущалъ его близость, никогда не далеко въ Голландіи. Оно все наводняетъ, всюду прокрадывается подъ ноги, всюду напоминаетъ о себѣ сътыю каналовъ (никоимъ образомъ не тѣ настоящіе каналы, которые мы подразумѣваемъ подъ этимъ именемъ, но живописныя рѣчки, поросшія осокой, населенныя безчисленными птицами); его рукавъ неожиданно вдругъ протягивается въ паркѣ или къ лѣсной дорогѣ, и корабль съ полной оснасткой вырастаетъ внезапно среди большихъ деревьевъ или надъ садовой стѣной, гдѣ никакъ не подозрѣваешь присутствія воды. Въ самихъ условіяхъ жизни въ такой странѣ есть постоянный элементъ трагизма. Сама зем-

ля раздѣляетъ здѣсь невѣрность отдѣльной
человѣческой жизни; есть трагизмъ и въ без-
престанно возобновляемомъ тяжеломъ трудѣ,
необходимомъ, чтобы сохранить родную землю,
завоеванную такъ самоотверженно въ вѣчной
борьбѣ, которая должна продолжаться и тогда,
когда окончилась война съ испанцами. Но хотя
Себастьянъ любилъ близкое дыханіе и вѣяніе
моря, такія соображенія едва ли занимали его.
Въ своей страсти къ „Shwindsucht“, — у насъ
нѣтъ такого слова, — онъ находилъ пріятной
мысль о непреоборимой стихіи, которая едва
оставляетъ одинъ шагъ человѣку среди осѣдаю-
щихъ песковъ, о древнихъ ложахъ исчезнувшихъ
рѣкъ, сохранившихся только въ видѣ фарвате-
ровъ моря, объ остаткахъ одного стариннаго
города, потерявшаго на человѣческой памяти
послѣднихъ немногихъ обитателей и теперь вмѣ-
стѣ съ пустыми могилами растворившагося и
исчезнувшаго въ волнахъ.

Случилось какъ-то, что исключительно низкій
отливъ обнажилъ замѣчательную находку на бе-
регу острова Флиланда. Деревенскій фургонъ
застигнутый приливомъ, когда онъ возвращался
нагруженный товаромъ съ материка? Такъ
можно было подумать, не будь какой-то красо-
ты въ этомъ сооруженіи, — легкая брусчатая
постройка, скрѣпленная и украшенная множе-
ствомъ мѣдныхъ скобъ, похожая по своей на-
ивности на дѣтскую работу, но возвышавшееся

надъ ней грубое и жесткое сидѣніе или тронъ указывало, повидимому, что это была военная колесница. Для археологовъ этимъ была рассказана исторія о томъ, какъ океанъ поглотилъ во время бури одного изъ вождей первобытныхъ голландскихъ племень во всемъ его торжественномъ уборѣ. Но существовало и другое предположеніе, которому Себастьянъ предпочиталъ вѣрить, что находка была погребальнымъ предметомъ, — единственнымъ уцѣлѣвшимъ остаткомъ отъ великихъ похоронъ по древнему обычаю какого-то короля или героя, чья могила уже давно исчезла. *Sunt metis metae!* И вмѣстѣ съ этимъ явилась странная мысль, что онъ самъ хотѣлъ бы быть мертвымъ и ушедшимъ такъ давно изъ міра, точно какая-то зависть къ тѣмъ, чья кончина уже давно миновала.

Въ болѣе спокойные дни онъ думалъ надъ рассказами Плинія о первобытныхъ предкахъ, но безъ того презрѣнія къ нимъ, какое было у Плинія. Пресыщенный римлянинъ долженъ былъ смотрѣть съ пренебреженіемъ на ихъ убогое существованіе, отмѣченное нуждой изъ вѣка въ вѣкъ, на жизнь безъ желанія переменъ, когда „океанъ вливается потопомъ дважды въ день, заставляя усомниться, есть ли эта страна часть суши или часть моря“. Но самъ Себастьянъ находилъ поэзію во всемъ этомъ, представляя себѣ каковы были мысли древнихъ голландцевъ, ловившихъ рыбу съ помощью сѣтей, спле-

тенныхъ ими изъ водорослей, ожидавшихъ дождей, чтобы утолить жажду, и спасавшихся отъ наводненій на песчаныхъ дюнахъ въ маленькой воздушной хижинѣ, поднятой на сваяхъ выше самыхъ большихъ приливовъ; похожихъ на мореплавателей, когда море вздымалось и на потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, когда оно уходило, по словамъ ученаго писателя. Какъ грезилось Себастьяну, они жили окруженные со всѣхъ сторонъ великими просторами тихаго свѣта, ими вдохновляемые и въ извѣстномъ смыслѣ даже питаемые, и конечно были въ правѣ сѣтовать на свою участь, когда сдѣлались римскими гражданами, хотя это и удивило такъ Плинія.

И, разумѣется, Себастьянъ ванъ - Сторкъ не могъ поздравить свой народъ съ новымъ счастьемъ, которое по словамъ другого древняго писателя „вручило имъ столь плодотворный геній“. Ихъ безпокойная изобрѣтательность въ способахъ осушать и защищать землю тамъ, гдѣ природа повелѣла быть морю, гораздо больше походила на трудолюбіе муравьевъ, чѣмъ жизнь тѣхъ отдаленныхъ предковъ. Дальше отъ этой возбужденной, лихорадочной и ничтожной суеты! Отъ всѣхъ этихъ докучливыхъ побужденій расчета! Когда его отецъ, говорилъ, „сынъ мой, всегда стремись къ дѣятельности“ онъ тоже понималъ подъ этимъ героическое прилежаніе, которое одерживало верхъ надъ природой какъ разъ тамъ, гдѣ это было наиболѣе трудно.

Впрочемъ и Себастьяна захватывала чистота великой любви, такая, какая сказалась въ одномъ происшествіи дѣйствительной жизни, о которомъ именно тогда ему пришлось услышать. Извѣстный Гроцій былъ осужденъ на вѣчное заключеніе, и его жена рѣшилась раздѣлить съ нимъ участь, облегченную лишь чтеніемъ книгъ, посылавшихся его друзьями. Прочитанныя книги отсылались назадъ въ большомъ ящикѣ. И въ этотъ ящикъ жена отважилась укрыть своего мужа и нашла силы отвѣтить на брань солдатъ, которые несли его и жаловались на тяжесть, сохраняя самообладаніе до тѣхъ поръ, пока узникъ не былъ въ безопасности, сама же она осталась лицомъ къ лицу со всѣми послѣдствіями; тутъ было какое-то совершенство любви, и оно заставило Себастьяна на время задуматься надъ живыми силами, творящими человѣческую жизнь. Если бы онъ въ самомъ дѣлѣ избралъ какой-либо родъ дѣятельности, то не такъ войну или политику, какъ еще одинъ видъ предприимчивости, обычный для его соотечественниковъ. Въ тотъ пылкій и храбрый вѣкъ, если сабля влагалась на время въ ножны, они пускались въ опасныя путешествія, въ области стужи и снѣговъ, на поиски „сѣверо-западнаго прохода“, за открытіе котораго Генеральныя Штаты обѣщали большія награды. Себастьянъ дѣйствительно находилъ прелесть въ мысляхъ объ этомъ спящемъ и заколдованномъ мірѣ вѣч-

ныхъ льдовъ; какъ въ искусствѣ, такъ и въ жизни онъ всегда мирился съ моремъ. И уже генераль-адмираломъ Голландіи, написаннымъ ванъ-деръ-Гельстомъ на фонѣ Марины Бакхузена, рисовался онъ иногда въ мечтахъ его отца.

Быль и еще совсѣмъ иной родъ душевнаго склада, около котораго охотно кружились мысли Себастьяна. Его мать, столь похожая на него по внѣшности, была католичка изъ Брабанта, насчитывавшая въ своемъ роду нѣсколькихъ святыхъ подвижниковъ, и иногда Себастьянъ задумывался надъ монашеской жизнью, надъ ея спокойствіемъ и отреченіемъ. Портретъ одного извѣстнаго картезіанскаго пріора, который, если бы и могъ говорить, то сказалъ бы только, „молчаніе!“ какъ знаменитая статуя Св. Бруно, перваго картезіанца въ римской церкви Санта-Марія дельи Анджели, этотъ портретъ былъ страннымъ гостемъ среди изображеній общественныхъ дѣятелей. Великія богословскія распри бушевали тогда въ Голландіи. Суровые пастыри вѣры собирались иногда, какъ на картинѣ Рембрандта, въ домѣ бургомистра, а однажды—впрочемъ, одновременно съ ними—пришелъ знаменитый юный еврейскій богословъ, Барухъ де-Спиноза, къ которому Себастьянъ совсѣмъ неожиданно почувствовалъ симпатію, угадавъ на полпути устремленныя вдаль идеи молодого еврея, отчасти подтверждавшія его

собственныя размышленія; онъ не замѣтилъ, что во время бесѣды весьма искусный въ обращеніи съ карандашомъ гость зарисовалъ его въ своей записной книжкѣ. Онъ внимательно прислушивался къ этой богословской борьбѣ, волновавшей всѣхъ вокругъ него, но самъ не принималъ въ ней участія, считая ее ссорой изъ-за пустяковъ и угадывая сожалѣнія, которыя должны были теперь пробудиться у многихъ, а именно, сожалѣнія о старинномъ, задумчивомъ и привычномъ католичествѣ, сопровождавшемъ всю прежнюю борьбу націи за существованіе и утѣшавшемъ ее, а теперь отнятомъ навсегда. Что касается до него самого, то въ этомъ быломъ католичествѣ его наиболѣе впечатляла какая-то баюкающая зыбкая сила, подобная монотонной музыкѣ органа, которую голландцы, и католики, и протестанты, все еще такъ сильно любятъ. Но съ чѣмъ онъ никакъ не могъ примириться въ католичествѣ, это съ его непобѣдимымъ тяготѣніемъ къ конкретному, къ реальнымъ образамъ вѣры, изобильно уснащенной множествомъ персонажей и историческихъ происшествій.

Непреклонно логичный въ методахъ своихъ умозаключеній, онъ былъ поэтомъ по той отвагѣ, съ какой охватывалъ все величественное простираніе своихъ посылокъ. Страненъ былъ контрастъ между заботливымъ и почти мелочнымъ изяществомъ окружавшей его обстановки,

—всею этою нарядною условностью жизни въ возвышающейся голандской семьѣ, — и между смертною холодною душевнаго склада и наклонностей мышленія, изъ которыхъ, казалось, вытекало бѣгство безъ оглядки отъ всего матеріальнаго. Онъ былъ точно влюбленъ въ смерть, зиму предпочиталъ лѣту, успокаивался мыслями о землѣ, понемногу остывающей отъ своего древняго космическаго жара, наблюдалъ съ удовольствіемъ, какъ блекнуть краски вещей и какъ море смываетъ длинныя песчанья косы, бывшія нѣкогда городскими валами. Одинъ изъ его знакомыхъ, бѣдный юноша-поэтъ, у котораго не было ничего въ карманѣ, кромѣ воображаемой или даже вовсе проблематической цѣнности тетрадокъ со стихами, и который такъ страстно принялъ бы изящную внѣшность жизни, если бы она была ему доступна, находилъ счастливаго Себастьяна, владѣвшаго всѣми возможностями этого рода, но старавшагося только отъ нихъ избавиться, конечно самымъ несчастнымъ и безутѣшнымъ изъ людей. Лишь нѣкоторые, полуугадывая, что было у него на умѣ, хотѣли бы раздѣлить его духовную прозрачность и понимали особенную красоту въ этомъ юношескомъ энтузіазмѣ передъ отвлеченными построениями. Крайности схожи, и его холодная безстрастная оторванность отъ всего, что наиболѣе привлекало обычные умы, пріобрѣла характеръ великой страсти. И по большей части люди любили его, ин-

стинктивно чувствуя, что въ чемъ-то должно быть оправданіе его отличія отъ другихъ. Онъ былъ подобенъ влюбленному или же то была болѣзнь ума, которую снисходительно прощаютъ, какъ физическій недостатокъ и которая придавала трогательную и нездѣшную прелесть всему, что онъ дѣлалъ и говорилъ. Лишь однажды, въ моментъ неразумнаго народнаго волненія, какія не трудно было вызвать тогда въ Голландіи, нашлась группа лицъ, намѣревавшихся посадить его въ тюрьму, какъ зложелателя и быть можетъ заговорщика противъ общаго блага. Вѣдь единственный измѣнникъ въ теченіе одного часа могъ бы прорвать плотину въ интересахъ французовъ или англичанъ. Или можетъ быть онъ уже совершилъ какое-нибудь предательство; почему онъ скрывалъ свои писанія и даже не подписывалъ письма, такъ что нужны были маленькія военныя хитрости, чтобы достать образцы его прекраснаго почерка? Ибо, несмотря на весь размахъ своихъ таинственныхъ предначертаній, онъ неуклонно поддерживалъ, пока безшумно скользили часы, порядокъ и равновѣсіе въ жизненномъ обиходѣ. И, казалось, всѣ странности его характера выразились сразу въ отказѣ отъ участія въ семейномъ портретѣ (весьма изысканномъ и тонко задуманномъ, какъ говоритъ о немъ одинъ новѣйшій писатель), написанномъ въ натуральную величину какъ разъ около этого времени.

Мать упрекала его по этому поводу, — она должна была чувствовать, какъ нѣчто ледяное, тщетность своихъ надеждъ и холодность, страшную для женщины ея лѣтъ, въ присутствіи этого сына, который желалъ только исчезнуть изъ міра, какъ вздохъ, — она указывала ему на сыновній долгъ. „Милая мать, — отвѣчалъ онъ, — есть еще долгъ передъ разумомъ, который рѣдко когда сознаютъ женщины“.

Еще разъ художники съ семействами собрались за ужиномъ у бургомистра ванъ-Сторка. Пришла и мадемуазель ванъ-Вестерхеене съ матерью и сестрой. Дѣвушка теперь была влюблена въ Себастьяна; одна изъ немногихъ она дѣйствительно полюбила его, несмотря на эту страшную холодность, ради него самого. Но, хотя и хорошаго происхожденія, она была бѣдна. Себастьянъ же не могъ не знать, что было много поклонницъ его богатства. И, правда, мадамъ ванъ-Вестерхеене, ея мать, желала бы выдать свою дочь замужъ въ большомъ свѣтѣ и прилагала для этой цѣли много хитростей, такихъ, какія въ обычаѣ у „многосемейныхъ“ дамъ. Здоровая свѣжесть ея наружности и ума, ея румяная красота, яркіе подарки, какіе тутъ случились, все это слилось въ одно съ красноватымъ цвѣтомъ ея дома, и на моментъ веселая теплота, которую можно узнать въ жизни, приблизилась къ нему и даже охватила его. Между тѣмъ, дѣвушка, замѣтившая въ свою очередь, что въ

прежнюю ихъ встрѣчу онъ, повидимому, готовъ былъ отвѣтить на ея чувство, и полагавшая, что его отецъ могъ бы согласиться на такой бракъ, удивила его внезапнымъ кокетствомъ и шаловливостью, нѣжными любовными продѣлками, которыя часто нравятся мужчинамъ. Но для Себастьяна всѣмъ этимъ только нарушался тотъ совершенный образъ, котораго мы всегда ищемъ въ любви. И въ то время, какъ въ глазахъ всѣхъ окружающихъ его въ тотъ вечеръ, эта любовная игра, казалось, сулила ему на зарѣ жизни будущее спокойное счастье, онъ взвѣшивалъ положеніе, сурово испрашивая свой идеалъ спокойствія и душевнаго безразличія, чѣмъ клятвеннымъ рыцаремъ онъ оставался. И, поставленная въ холодномъ, бѣломъ свѣтѣ этого идеала, та дѣвушка съ прозрачными видами своей матери, съ кокетствомъ своимъ, хотя оно и было внушено глубокимъ чувствомъ, та дѣвушка, которая давала ему ощущеніе теплой жизни, куда, какъ думали другіе, онъ готовъ уже погрузиться, показалась ему пошлой! Однако онъ считалъ себя связаннымъ честью или полагалъ, что она и другіе считали его связаннымъ. Онъ не сталъ разсуждать о несостоятельности этого понятія о чести (касающагося только жизненныхъ и ничтожныхъ мелочей въ общественныхъ отношеніяхъ) для того, кто по принципу придаетъ столь малую цѣнность всему, что вообще относительно.

Веселые, поздно засидѣвшіеся гости уже какъ будто бы славили помолвку роскошнымъ виномъ. Только мать Себастьяна что-то поняла одна и въ этотъ поздній часъ, когда общество было такъ оживленно занято бесѣдой, она отвела въ сторону бургомистра и довѣряла ему свою тревогу, достигшую теперь наибольшей остроты. Молодой человѣкъ ускользнулъ отъ гостей, но, конечно, не вмѣстѣ съ мадемуазель ванъ-Вестерхеене, которую тоже внезапно увели. И никогда больше она не появлялась въ свѣтѣ. Уже на слѣдующій день, вмѣстѣ съ толками, что Себастьянъ покинулъ свой домъ, стало извѣстно, что предполагавшійся бракъ не состоится. Правда, дѣвушка настаивала на какихъ-то причинахъ со своей стороны, но она стала съ тѣхъ поръ замѣтно увядать и на взглядъ всѣхъ, кто видѣлъ ее, походила на умирающую отъ раненой гордости. Чтобы очистить совѣсть отъ бѣдной своей дѣвической суетности, прежде чѣмъ сдѣлаться „бегинкой“, она призналась матери въ полученіи письма, — ужаснаго письма, которое ее убило. Дѣйствительно, черновикъ этого письма, написаннаго съ намѣренной ясностью и отвергавшаго ее, — обвинявшаго ее, такую искреннюю и безхитростно-честную, въ грубости и пошлости душевной! — нашли какъ-то странно присоединеннымъ, точно послѣднее слово къ тѣмъ упорнымъ трудамъ абстрактной мысли, которые были для Себастьяна истиннымъ дѣломъ жизни,

въ комнатѣ, куда мать пришла за нимъ на другой день и гдѣ все было усѣяно клочками его единственнаго существовавшего портрета.

Этотъ четко написанный и объемистый томъ, послѣдней страницей котораго и служило упомянутое письмо (странный скачекъ: ходъ отвлеченныхъ мыслей заключился въ области дѣйствованія) доставилъ наконецъ для немногихъ, заинтересованныхъ этимъ, возможность бросить давно желанный взглядъ въ тайну его существованія. И я остановлюсь здѣсь, чтобы показать въ общихъ чертахъ ходъ размышлений, съ помощью которыхъ Себастьянъ, избравшій безконечность началомъ своимъ и концомъ, пришелъ къ мысли, что всѣ опредѣленныя формы бытія, теплое дыханіе жизни, голосъ самой природы,—это все не болѣе чѣмъ досадное возмущеніе на поверхности единаго, совершеннаго духа, мимолетная безпокойная мысль или развѣ дурной сонъ, когда дерзость и назойливость проявляются сильнѣе всего въ ненасытныхъ созданіяхъ, въ людяхъ.

То было въ самомъ дѣлѣ нѣчто въ родѣ подготовлявшагося трактата, — суровой, ясно послѣдовательной и планомѣрной системы мыслей, хотя и вплетенной въ случайныя записи дневника. Будучи же освобожденными отъ всѣхъ подробностей времени и мѣста, присущихъ этой особенной литературной формѣ, теоретическія построенія оказывались математически непрерыв-

ными. Уже столь утомленному Себастьяну никогда бы вѣроятно не пришлось ни взяться за такое выдѣленіе своихъ мыслей, ни довести его до конца; каждая изъ нихъ зародилась въ немъ, какъ особенное и интимное переживаніе одного дня или часа, и, казалось, противилась такому разъединенію, точно не желая оторваться отъ создавшихъ ее случайныхъ обстоятельствъ его личной жизни и стать чистой абстракціей.

Цикль начинался юношескимъ восторгомъ Себастьяна передъ страннымъ и прекраснымъ изреченіемъ доктора Баруха де-Спиноза о Божественной любви. „Тотъ кто возлюбилъ Бога, истинно, не долженъ ожидать, что будетъ любимъ имъ въ обмѣнъ“. Вслѣдствіе простого противорѣчія окружавшей дѣйствительности, гдѣ все стремилось сдѣлать изъ него окончательнаго себялюбца, это смѣлое утвержденіе опредѣлило для него идеаль умственнаго безкорыстія, власти безстрастнаго духа, и возбудило въ немъ желаніе отбросить все личное и прислушаться къ голосу чистаго разума.

И то, что чистый разумъ ставилъ на первомъ мѣстѣ, какъ „начало мудрости“, это, что міръ есть только идея или рядъ идей, что онъ поэтому существуетъ единственно въ нашемъ представленіи. Чистый разумъ открывалъ его все болѣе и болѣе самоотрѣшеннымъ умственнымъ взорамъ, устремленнымъ на явленія духовнаго бытія, картину или видѣніе вселенной, которая въ

предѣлахъ познанія оказывалась лишь простымъ результатомъ его собственной и уединенной силы мышленія, — то-есть его самого; безъ него обращаясь въ ничто и въ немъ, поэтому, обрѣтая совершенное единство. „Предметы, не имѣющіе ничего общаго между собой, — гласила аксіома, — не могутъ быть поняты или объяснены одинъ другимъ“. Но чистому разуму предметы раскрываются въ существѣ идей, и посему всѣ вещи, даже наиболѣе противоположныя, суть только проявленія единой силы, силы мышленія. Познающій разумъ—это все. Поэтому, еще болѣе исключительно надлежитъ покориться ему, отдаться во власть интеллекта и за нимъ слѣдовать, куда бы онъ ни повелъ. Всѣ вещи на свѣтѣ должно сообразоваться съ этимъ и, такъ сказать, мѣняться въ зависимости отъ этого, когда приходится установить внутреннюю ихъ цѣнность. „Счастье, — говорилъ онъ, упреждая Спинозу, — то счастье, изъ-за котораго люди готовы отдать все на свѣтѣ, это только имя страсти, въ которой умъ находитъ величайшее совершенство, величайшій подъемъ силъ мышленія; тогда какъ горемъ именуютъ ту страсть, за которой слѣдуетъ ихъ упадокъ и уменьшеніе“.

Обращаясь къ источникамъ жившей въ немъ творческой силы мышленія, ища первую причину тайны своего духовнаго бытія, онъ отражалъ и только и могъ отражать свой увеличенный образъ въ смутныхъ областяхъ гипотетическаго. Такъ

можно было бы объяснить ходъ его размышлений. Для него же этотъ ходъ размышлений былъ только постиженіемъ и раскрытіемъ одной величайшей и несомнѣннѣйшей идеи, — истинной субстанции всего существующаго. И онъ, въ своей ярко расцвѣченной жизни, со всѣмъ окружающимъ его живописнымъ и чувственнымъ міромъ голландскаго искусства и голландской дѣйствительности, который хотѣлъ плѣнить его своими красками и уютнымъ тепломъ и борьбой за существованіе или же близорукой и лукавой любовью, — все это тоже было лишь мимолетнымъ возмущеніемъ единаго абсолютнаго духа; все конечное, и самое время, и самыя длительныя созданія природы и человѣка, и даже то, что кажется наиболѣе похожимъ на самостоятельную силу, все это только лишь ничтожныя свойства его или проявленія. Теорема и слѣдствіе! Вотъ какъ стояли они:

„Можетъ быть только единая субстанція. (Слѣдствіе). Величайшее заблужденіе думать, что несуществующій міръ видимаго и осязаемаго есть въ дѣйствительности. (Теорема.) Ибо все, что существуетъ, существуетъ лишь въ ней. (Практическое слѣдствіе). Поэтому общая для всѣхъ мудрость состоитъ въ споспѣшествованіи тѣмъ силамъ, которыя возстановляютъ покой на поверхности абсолютнаго, неподвижнаго духа, въ стремленіи къ *tabula rasa*, путемъ погашенія въ себѣ всего,

что есть лишь конечная иллюзія, путемъ подавленія самого себя“.

Въ одиночествѣ, которое образовалось вокругъ него, онъ спрашивалъ себя, нѣтъ ли сейчасъ или не было ли когда другихъ, которыми овладѣвали подобныя мысли, готовый привѣтствовать ихъ, какъ настоящихъ своихъ соотечественниковъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ узналъ какъ разъ тогда изъ сочиненій, правда нѣсколько трудныхъ, но которыя поглощали его своимъ интересомъ, точно какое-то изнурительное наслажденіе, чувство родства съ нѣкоторыми старинными писателями. Изученіе многихъ такихъ древнихъ смѣльчаковъ - философовъ удовлетворяло его любознательность, какъ успѣхъ отважнаго физическаго предпріятія удовлетворяетъ здоровое тѣло. Итакъ, то былъ завѣтъ, вѣчный завѣтъ, эта пытливая мысль въ немъ,—эхо или блуждающій призракъ самой души человѣчества, — и, какъ таковой, отмѣченный знакомъ непремѣнной правды, отъ которой не могли отвернуться нѣкоторые умы, видѣвшіе, если они были искренны, и ея жизненные послѣдствія. Существоемъ мы одни, все же остальное—это только преходящія проявленія, которыя не имѣютъ необходимаго и неотъемлемаго права на существованіе.

Положимъ, даже въ этихъ „проявленіяхъ“ и „свойствахъ“, заключенныхъ въ кругу единой и безконечной творческой мысли, можно было

бы найти мѣсто для радости и для любви къ созданному. Бывали характеры, которыхъ эти же самыя отвлеченныя разсужденія лишь побуждали выше цѣнить конечныя цѣли въ насъ и вокругъ насъ. Имъ казалось, что разъ есть общій источникъ тепла и свѣта, то поистинѣ ничто не выходитъ изъ области распространяемаго имъ вѣчнаго лѣта. Это соединялось иногда съ поэтическимъ или художественнымъ чувствомъ, которое стремилось узнать и постигнуть всѣ формы конечныхъ вещей, стремилось глубже проникнуть въ нихъ именно ради этого сознанія, что единый оживляющій духъ пробѣгаетъ во всемъ, что мельчайшая частица нашей души присутствуетъ въ лучѣ солнца, въ древесномъ листѣ. Напротивъ того, какая-то, быть можетъ наследственная, усталость и пресыщенность Себастьяна ванъ-Сторкъ направила его къ противоположному практическому выводу. Для него та единая абстрактная сущность представлялась блѣднымъ арктическимъ солнцемъ, поднимающимся надъ мертвымъ уровнемъ ледяного, закованнаго и совершенно пустыннаго моря. Тамъ замерзали всякія живыя цѣли жизни. Онъ больше всего восхищался и, если бы могъ то наполнился бы любовью передъ „равновѣсіемъ“, пустотой, *tabula rasa*, въ которую, несмотря на кажущіяся и въ сущности только разъединяющія силы природы и человѣка, былъ погруженъ міръ. И самъ онъ, простая случайность, въ роковомъ

ряду, для которой даже земная персть не могла служить достаточнымъ уподобленіемъ, онъ не долженъ ожидать, что будетъ „любимъ въ обмѣнъ“. Сперва онъ находилъ хоть своеобразное наслажденіе въ этихъ мысляхъ,—въ страстномъ устремленіи впередъ и впередъ, къ какимъ бы то ни было выводамъ, путемъ суровой умственной гимнастики, подобной работѣ Эвклида. Но, мало-по-малу, подъ морознымъ дыханіемъ его теоремъ въ немъ застывала и умственная энергія и прежняя жажда истины и желаніе вывести ее отъ предложенія къ предложенію. Въ самомъ дѣлѣ, выводъ былъ уже готовъ и его можно было предвидѣть изъ предпосылокъ. То, что каждое изъ этихъ преходящихъ „проявленій“ духа (увы! и онъ самъ иногда) стремилось существовать, старалось утвердить себя, удержать свое оторванное и ничтожное Я путемъ обмана, хотя сквозь каждое движеніе его мнимаго бытія проглядывало его истинное назначеніе — смерть, — это казалось ему только дерзостью. Конечно! Всѣ эти мимолетныя проявленія лишь нарушали истинность и блаженный покой совершеннаго самосознанія, которое не могло выйти за предѣлы означеннаго собой круга, и которому иногда онъ готовъ былъ поклоняться въ фанатическомъ благоговѣніи, ощущая при этомъ странное счастье. То были минуты, казалось ему, когда онъ умиралъ въ себѣ, озаренный абстрактнымъ „вѣчнымъ свѣтомъ“, а его разумъ доби-

вался наконецъ настоящей свободы могущественнымъ усиліемъ, убѣждавшимъ его, что, такъ же, какъ природа есть только его представленіе, такъ и онъ самъ тоже лишь преходящая мысль Бога.

Или нѣтъ! Даже только зыбь и ненужное возмущеніе на поверхности единаго, бѣлаго и неподвижнаго сознанія! И разъ установлено основное начало, то все остальное, весь рядъ разсужденій вплоть до безсердечныхъ практическихъ выводовъ слѣдуетъ самъ собой. Итакъ, — скорѣе отсюда; скорѣе откинуть все личное, какъ одежду брошенную въ сторону, скорѣе идти самому навстрѣчу медленному уничтоженію, которымъ природа уравниваетъ вѣчныя горы. Вотъ тайна мира душевнаго, достоинства и истины, которые только возможны здѣсь, гдѣ въ концѣ концовъ все лишь иллюзія. Для Себастьяна, по крайней мѣрѣ, жизнь и все личное утратили всякую цѣль. Самыя живыя изъ всѣхъ конечныхъ вещей, будь то драматическій эпизодъ родной исторіи и блестящій герой, игравшій въ немъ роль, или будь то золотое искусство, создающее вокругъ насъ идеальный міръ, въ которомъ дѣйствительность познается уже дематериализованной въ передачѣ того, кто ее воспроизводитъ, — все, что служитъ для большинства могучей связью съ жизнью, все наводило его на мысль о побѣгѣ и о способахъ бѣгства въ безымянный, безформенный и безпредѣльный міръ, равно безцвѣтный повсюду. Самая характерность предметовъ,

ихъ воздѣйствіе на глазъ, на слухъ, на тонкую воспримчивость—было для него лишь мѣрой ихъ отхожденія отъ того, что есть въ дѣйствительности. Пусть же возстановится *tabula rasa* путемъ непрестаннаго стремленія къ забвенію самого себя! По временамъ рѣшительно гордый своимъ страннымъ логическимъ нигилизмомъ, онъ смотрѣлъ на такъ называемыя жизненныя дѣла, лишь какъ на вздорное и тягостное промедленіе. Готовый на жертву своимъ роскошнымъ въ возможности существованіемъ, онъ охотно пожертвовалъ бы жизнями другихъ ради голой и формальной логики отвѣтовъ на пытливые (совершенно невѣроятные для вполне здороваго ума) вопросы о такихъ сторонахъ и свойствахъ жизни, которыя были для нихъ чужды и отдаленны; онъ не думалъ, что если бы и другіе такъ же настойчиво вопрошали какъ онъ, то міръ никогда бы не дожилъ до его дней, — и что уже этотъ фактъ долгоденствія міра былъ всѣмъ возраженіемъ на его гипотезы. Свою странную вѣру парящую на высотахъ или впадающую въ фанатизмъ, въ какую-то религіозную манію и бывшую въ сущности лишь бурнымъ изъявленіемъ личной его воли, онъ вмѣнялъ всѣмъ въ обязанность, возводилъ въ принципъ, чтобы какъ можно меньше мѣшать возстановленію равновѣсія, возстановленію первичнаго сознанія, — отдыху отъ безпокойныхъ, ничтожныхъ и назойливыхъ сновъ этого міра, устроеннаго

такъ дурно или грезящагося такъ смутно,—чтобы забыть все и быть забытымъ.

Но, наконецъ, этотъ мрачный фанатизмъ утерялъ и ту прежнюю поддержку, которая вытекала изъ его гордости самой новизной сухихъ и жесткихъ разсужденій, и тогда, какъ это всегда бываетъ, фанатизмъ превратился въ черную меланхолю. Теоретическое или отвлеченное желаніе ускорить ползущій ходъ Времени стало чувствоваться теперь, какъ физическая усталость, которая заставляетъ насъ бросить на серединѣ письмо или книгу или же вдругъ поспѣшно окончить, только ради того чтобы кончить, какое-нибудь неважное дѣло. Какъ странно, что метафизическія абстракціи пріобрѣли такую власть надъ тѣмъ, кто былъ столь счастливо одаренъ для воспріятія міра чувственнаго! Это едва ли могло бы случиться безъ прибавленія физическихъ причинъ къ теченіямъ, свойственнымъ самой мысли. Моралистъ, пожалуй, сказалъ бы, что здѣсь тщеславіе и болѣзненное отвращеніе отъ всего обычнаго давало тайную силу его умственному предразсудку, который полагалъ долгъ человѣка въ отреченіи отъ всего предѣльнаго, въ пренебрежительномъ отказѣ сдѣлать что-либо конечное или быть имъ. Но кромѣ того, иногда вытекало изъ его же признаній, что тѣло, какъ это бываетъ съ сильными характерами, шло за умомъ и за волей, и что умственному недугу сопутствовала физическая болѣзнь, чахотка, которая уси-

ливалась его и сама отъ него усиливалась, — то есть все это могло быть простой физической случайностью, въ концѣ концовъ, результатомъ его тѣлеснаго сложенія и могло бы имѣть иной оборотъ, если бы другая случайность предопредѣлила ему вырасти въ горахъ, а не около моря. „Не есть ли послѣдствіе болѣзни? — такъ спрашивалъ онъ иногда самъ себя съ внезапнымъ недоувѣріемъ къ могуществу своего мышленія, — это убѣжденіе, что мое Я и все окружающее стремится къ умаленію истинно-сущаго? И эта злая тоска?“

Дневникъ и то „ужасное“ письмо къ мадемуазель ванъ-Вестерхеене, явившееся послѣднимъ шагомъ непреклоннаго хода теоретическихъ выводовъ, обращались среди любопытствовавшихъ; о нихъ высказывали различныя сужденія. Нѣкоторые полагали, что такія мнѣнія слѣдовало бы воспретить закономъ, что они опасны или могутъ стать опасны для общества. Но, быть можетъ, лучше всѣхъ сказалъ духовникъ его матери. Старецъ улыбнулся и указалъ, какъ даже вовсе неповерхостные умы не узнаютъ знакомую мысль въ другой оболочкѣ; онъ произнесъ со счастливой улыбкой (подумавъ, что истина, которая была въ философіи Себастьяна, соотвѣтственно принята въ положеніяхъ христіанской вѣры и цитируя излюбленную Себастьяномъ языческую мудрость устами св. апостола Павла): „Имъ мы живемъ и движемся и существуемъ“.

На слѣдующій день, когда Себастьянъ бѣжалъ къ морю вдоль длиннаго монотоннаго ряда вѣтряныхъ мельницъ, онъ былъ относительно спокоенъ, — дѣйствию прекраснаго утра послѣ безумія предыдущей ночи, — онъ развѣялъ или старался развѣять свое недавнее горе. Онъ хотѣлъ думать объ этомъ, какъ о бездѣлицѣ, чтобы найти возможность отдыха въ благодатномъ вліяніи природы во время долгаго пребыванія среди самыхъ дорогихъ для него мѣстъ. То былъ уединенный домъ въ пескахъ Хельдера, одно изъ старинныхъ владѣній его рода, теперь же скорѣе жилье морскихъ птицъ, почти окруженное со всѣхъ сторонъ вздымающимися приливами океана; впрочемъ тамъ сохранилось еще много старыхъ прочныхъ и милыхъ вещей, достаточно чтобы это мѣсто казалось Себастьяну лучше прекраснѣйшаго сада въ Голландіи. Здѣсь онъ могъ составить „уравненіе“ между своимъ Я и всѣмъ, что было не Я, могъ все привести въ порядокъ передъ той рѣшительной и рѣшенной перемѣной въ жизни, которую ясно подсказывали обстоятельства.

Когда онъ жилъ тамъ съ однимъ или двумя молчаливыми слугами, внезапное усиленіе вѣтра измѣнило, казалось, въ нѣсколько мрачныхъ и бурныхъ часовъ весь окружающій его міръ. Страшный вѣтеръ не мѣнялся въ продолженіе двухъ недѣль и не утрачивалъ силы. Можно было подумать что въ самомъ дѣлѣ враги гдѣ-то

прорвали плотины, — сдѣлали тотъ булавочный проколъ, какимъ можно потопить корабль Голландіи или, по крайней мѣрѣ, эту область ея, которая и была залита наводненіемъ, невиданнымъ здѣсь уже полстолѣтія. И когда нашли тамъ трупъ Себастьяна, повидимому вскорѣ послѣ смерти, нашли также и спящаго ребенка, тепло укутаннаго въ мѣха, въ верхней комнатѣ старинной башни, куда уже подступала вода; впрочемъ само зданіе было цѣло и еще хранило изобильные запасы жизненныхъ продуктовъ. Это, спасая съ великими усиліями того ребенка, какъ указали нѣкоторые признаки, Себастьянъ разстался съ жизнью.

На поиски прибыли его родители, думавшіе, что онъ рѣшился на самоубійство, и они были почти рады найти его такъ. Одинъ ученый докторъ постарался, сверхъ того, утѣшить его мать замѣчаніемъ, что онъ все равно долженъ былъ бы умереть черезъ нѣсколько лѣтъ, притомъ же медленно и мучительно отъ болѣзни появившейся тогда на свѣтѣ; той болѣзни, которую породили туманы этой страны, — воды, сошедшія, какъ онъ замѣтилъ, съ своихъ мѣстъ, „выше тверди небесной“, — и дѣйствіе ихъ на людей, ставшихъ слишкомъ изнѣженными отъ новѣйшей роскоши.

Герцогъ Карль фонъ-Розенмольдъ.

Въ бурное время года, около начала текущаго *) столѣтія, рушилось огромное дерево, стоявшее среди поросшихъ мхомъ старинныхъ развалинъ, которыя загромождали поверхность Розенмольдской поляны, и въ своемъ паденіи обнажило вмѣстѣ съ корнями останки двухъ человѣческихъ существъ. Намѣренно ли были похоронены тамъ эти два тѣла, (мужчина и женщина, какъ сказали нѣмецкіе остеологи), оставалось подлежащимъ вопросу. Казалось, скорѣе, что они были погребены тамъ какой-то катастрофой, той самой, которая и явилась причиной ихъ смерти,—быть можетъ раздавлены тѣмъ, что нѣкогда служило оградой сада, — ибо были они, несмотря на аккуратность, съ какой ихъ обнажило поднятіе почвы, сильно обезображены и беспорядочно раскинуты. Общее вниманіе было тѣмъ болѣе поглощено этимъ происшествіемъ, что народное воображеніе уже давно волновали

*) Написано въ 1887 году. Прим. перев.

преданія о зарытомъ кладѣ, о золотѣ, скрытомъ гдѣ-то въ старинныхъ развалинахъ или около нихъ, за оградой прежняго сада; то былъ лишенный кровли остовъ небольшого, но прочно построеннаго каменнаго домика, сожженнаго или разрушеннаго, вѣроятно во время войнъ начала восемнадцатаго столѣтія. Многіе приходили посмотреть на останки, простертые на мрачномъ, дикомъ „плато“, которое высилось надъ самыми высокими крышами прежней великогерцогской столицы, въ тотъ день отчетливо рисовавшейся въ глубокихъ и текучихъ сѣрыхъ тонахъ на небѣ все еще хмуромъ грядущими дождями. Положимъ, никакого клада не оказалось среди разбросанныхъ камней. Но, отчасти, преданіе подтвердилось, въ томъ смыслѣ, что на скелетахъ были найдены богатые золотые украшенія; и для нѣкоторыхъ старожиловъ вся эта находка разрѣшила наконецъ одну старинную тайну. Никогда до сихъ поръ не было точно извѣстно, что случилось съ молодымъ герцогомъ Карломъ, исчезнувшимъ съ лица земли какъ разъ сто лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда несмѣтная армія прошла черезъ эту область вслѣдствіе междунаціональнаго кризиса, однимъ изъ результатовъ котораго и было окончательное поглощеніе этой маленькой территоріи сосѣдней державой. Безпокойный, неуравновѣшенный, романтичeskій, не перешелъ ли онъ на сторону побѣдоноснаго врага и не избралъ ли прев-

ратности безвѣстной доли солдата? Кое-какія старинныя письма намекали, однако, на другой исходъ—любовныя письма, подготовлявшія тайное свиданіе, быть можетъ предшествовавшее отъѣзду молодого герцога навсегда (по обычаямъ своего государства онъ не могъ никуда отлучаться безъ крайней необходимости и не могъ, также, жениться по свободному выбору) въ какія-то иныя и чуждыя земли. Тѣ, кто до сихъ поръ еще интересовались всѣмъ этимъ, пришли, наконецъ, къ опредѣленному заключенію, и по расположенію скелетовъ имъ вполнѣ ясно представилась живая картина мрачной ночи, неожиданнаго шествія огромной арміи и двухъ влюбленныхъ, которые безумно кинулись на внезапный шумъ снаружи изъ своего счастливаго убѣжища и были застигнуты въ темнотѣ и раздавлены, никѣмъ не видимые и не услышанные подъ копытами лошадей и колесами тяжелыхъ пушекъ.

Въ началѣ восемнадцатаго вѣка, при дворѣ великаго герцога Розенмольскаго, время, казалось, неподвижно остановилось со среднихъ вѣковъ, — со дней императора Карла Пятаго, когда бракъ наслѣднаго великаго герцога съ принцессой императорскаго дома повлекъ за собой внезапный приливъ богатства, которое хлынуло въ великогерцогскую казну и было причиной пышнаго расцвѣта архитектуры въ этомъ городкѣ несоразмѣрно обширномъ съ его населеніемъ. Попрежнему уходили въ небо готическія крыши,

остроконечныя для того, чтобы сбрасывать тяжелые снѣга, — цѣлый міръ черепицы, приволье для чисто нѣмецкаго домового Ганса Кляппера, для его неуклюжихъ игръ въ долгія, сѣверныя, дремотныя ночи. Вдоль улицъ и вокругъ площадей громоздилось тамъ столько обработаннаго камня, сколько могли доставить цѣлыя каменоломни, и камень этотъ снова теперь жилъ наравнѣ съ природой, снова первобытный въ своей морщинистой, испытанной временемъ массивности, порастая въ трещинахъ травой и полевыми цвѣтами, распускающимися изъ года въ годъ съ незапамятныхъ временъ, каждое лѣто, какъ только аисты вернутся на свои вышки надъ дымовыми трубами. Снаружи все было такимъ же какъ наканунѣ Тридцатилѣтней войны, и почтенная темнозеленая плѣсень, этотъ безцѣнный перлъ архитектурныхъ эффе́ктовъ, не была нарушена ни однимъ новымъ щипцомъ. Но и внутри, жизнь человѣческая со всѣми ея мыслями, нравами, а главное съ ея этикетомъ, была далека отъ всякихъ волненій, какъ политическихъ, такъ и умственныхъ. Широко раскинутый великогерцогскій дворецъ былъ заваленъ мебелью, нужной и ненужной, но всегда затѣйливой и никогда не новой. Если бы предположить, что всѣ эти вещи, а въ особенности содержимое старыхъ, обитаемыхъ привидѣніями чердаковъ, были бы расположены въ порядкѣ и снабжены билетами, то тогда оказалось бы, что ихъ высо-

чества обладают историческимъ музеемъ, по сравненію съ которымъ знаменитый Дрезденскій „Grüne Gewölbe“ едва ли можетъ считаться славою Августа Сильнаго. Безконечное множество гербовъ, какъ признакъ чисто-нѣмецкаго тщеславія, процвѣтало повсюду, снаружи и внутри, на окнахъ и на фасадахъ домовъ, въ церквахъ, на стѣнахъ, на полу. И добрая половина всѣхъ мужскихъ обитателей столицы занимала крупныя или мелкія государственныя должности, по большей части quasi-художественнаго вѣдомства, — пѣвецъ градскаго совѣта, придворный органистъ, придворный поэтъ, и такъ далѣе, — и каждый изъ нихъ съ помощниками и замѣстителями, долженъ былъ непрерывно поддерживать сонный церемоніаль и точно отмѣчать медленное теченіе часовъ. При дворѣ въ постоянномъ кругѣ церемоній, происходившихъ даже днемъ въ заботливомъ удаленіи отъ солнца, всѣ жили, казалось, только при свѣтѣ свѣчей.

И вотъ, однажды, убѣжавшій отъ этихъ свѣчей къ бѣлому дню который лился въ самыя верхнія окна, молодой герцогъ Карлъ, наслаждаясь перерываніемъ одного изъ знаменитыхъ чердаковъ, случайно натолкнулся на старинный томъ 1486 года, напечатанный крупными буквами и съ фронтисписомъ, быть можетъ, Альбрехта Дюрера, — *Ars Versificandi*, Искусство стихосложенія, Конрада Цельтеса. Вѣнчанный поэтъ императора Фридриха Третьяго имѣлъ право

писать объ этомъ, ибо, защищая изо всѣхъ силъ древнюю нѣмецкую литературу отъ обвиненій въ варварствѣ, онъ, въ то же время, игралъ важную роль при возрожденіи въ своемъ отечествѣ знакомства съ греческой и римской поэзіей; для Карла жемчужиной, золотымъ самородкомъ въ этомъ томѣ была сафическая ода,—которой онъ заканчивался, — „Аполлону, моля, чтобы онъ пришелъ къ намъ изъ Италіи и принесъ съ собою свою лиру“ (*Ad Apollinem, ut ab Italis cum lyra ad Germanos veniat*). Богъ Солнца приходящій въ Германію изъ какихъ-то иныхъ, болѣе благодатныхъ странъ, лежащихъ за далью пасмурныхъ горъ и холмовъ, и въ ней творящій радостный день, такова всегда была мечта одержимой призраками, но по существу глубокой и нѣжной германской души. Великій Дюреръ можетъ служить тому примѣромъ или его другъ, этотъ Конрадъ Цельтесъ, настоящій нѣмецъ и въ то же время самъ похожій на проблескъ разсвѣта среди гиперборейскаго германскаго мрака,—мрака, который окружалъ его со всѣхъ сторонъ въ тѣ смутныя времена, когда страшные разбойники, подлинныя живыя черти, водились въ каждомъ нѣмецкомъ лѣскѣ. И таково же было призваніе самого Карла. Эти стихи, попавшіеся въ подходящій моментъ въ руки юноши, провели лучъ яснаго дня во внутреннее хранилище наблюденій, мечтаній и желаній, накопленныхъ имъ отъ первыхъ впечатлѣній дѣтства.

Добыть для Германіи Аполлона и его лиру! Именно это Карль хотѣлъ сдѣлать и, какъ онъ любилъ думать, уже дѣлалъ въ дѣйствительности.

Солнечный свѣтъ, та Аполлонова заря, которую юный герцогъ Карль порѣшилъ достать для своего знавшаго только свѣчи народа, явилась въ нѣсколько сомнительномъ видѣ тогдашнихъ французскихъ идеаловъ искусства и литературы, — французскій театръ, французская архитектура, французскія зеркала, — однимъ словомъ Аполлонъ прибылъ въ модномъ нарядѣ эпохи Людовика Четырнадцатаго. Но, прикасаясь къ этой въ сущности дряхлой и старческой красотѣ французскихъ образцовъ своей яркою душой, Карль давалъ новую силу тому, что заимствовалъ; въ немъ это стремленіе къ классическому идеалу, столь часто пустое и лживое, утратило свою неискренность. Престарѣлый его дѣдъ, великій герцогъ, довольно охотно предоставилъ необходимый фондъ изъ огромныхъ унаслѣдованныхъ богатствъ, которыя въ свое время должны были перейти къ юношѣ цѣликомъ, для пополненія обширнаго неоконченнаго замка „павильонами“ (въ стилѣ знаменитаго Мансара), соединявшими его разбросанныя части; въ то же время пышные цвѣты архитектурной фантазіи въ видѣ волнистыхъ мансардныхъ кровель покрыли и увѣнчали прежнія сооруженія, при чемъ новыя, легкія формы были, отчасти,

искусно высѣчены изъ тяжелыхъ глыбъ старинной, честной, „узловатой“ готической орнаментики. Лишь одинъ недостатокъ нашель Карль въ своихъ французскихъ образцахъ и былъ намѣренъ его исправить. Онъ желалъ, чтобы хотя только внутри, вмѣсто гипса былъ мраморъ и вмѣсто позолоты настоящее золото.

Было что-то въ пылкомъ и цвѣтуще-прекрасномъ юношѣ, въ живости его воображенія, обращеннаго отъ досадныхъ дѣлъ этого воинственнаго вѣка къ украшенію и ко всему радостному въ жизни, что смягчало тяжелый характеръ стараго герцога, точно физическое тепло исходящее отъ очага или отъ солнца. Онъ согласился присутствовать со всѣмъ дворомъ на представленіи „Смерти Ганнибала“ Мариво, разыгранной въ подлинникъ съ тѣмъ несовершеннымъ знаніемъ французской рѣчи, какимъ располагали поклонники новаго свѣта въ Розенмольдѣ, въ театрѣ, скопированномъ съ версальскаго и отдѣланномъ палевымъ атласомъ, съ плафономъ, окруженнымъ лѣпными украшениями и изображавшимъ самого сѣвернаго Аполлона въ дымчатыхъ, красныхъ и голубыхъ тонахъ. Безчисленныя восковыя свѣчи въ граненыхъ люстрахъ, подразумеваются сами собой. Герцогъ Карль, одѣтый по послѣдней французской модѣ, исполнялъ роль Ганнибала. Вскорѣ старый герцогъ въ совѣтѣ, погруженномъ до тѣхъ поръ въ дѣла государственныя, сталъ ограничиваться

кивкомъ головы при долгихъ обсужденіяхъ вопросовъ искусства — при разсмотрѣніи великолѣпныхъ проектовъ того или другого извѣстнаго предпринимателя, какъ израсходовать со вкусомъ казну на изошренности „рококо“ и „барокъ“. Зато, въ свою очередь, проведя всю жизнь въ общеніи съ избранниками рода чело-вѣческаго, полными достоинства въ своихъ парадныхъ одеждахъ, дѣдъ оказался полезнымъ цѣнителемъ потретовъ и судьей достигнутаго въ нихъ сходства,—эту область искусства внукъ не могъ еще особенно любить. Придворный живописецъ и помощникъ придворнаго живописца были, положимъ, довольно-таки условными исполнителями: они такъ же механически выписывали парики, кольца, кружева и застывшія улыбки, какъ заводная фигура рыцаря въ латахъ отбивала часы на башнѣ замка. Но по разнымъ полузаброшеннымъ комнатамъ дворца, въ парадныхъ спальняхъ и другихъ, висѣли работы подлинныхъ мастеровъ, такія же сохранныя, какъ рейнвейнъ, пережившій уже два поколѣнія въ великогерцогскомъ погребѣ. Юноша даже составилъ планъ пригласить ко двору извѣстнаго Антуана Куаппеля и предложить ему почести и доходы достойные принца крови. Самъ знаменитый Мансаръ положительно обѣщаль пріѣхать туда, но смерть внезапно отняла его у земной славы.

Но если бы пришлось отказаться отъ мысли до-

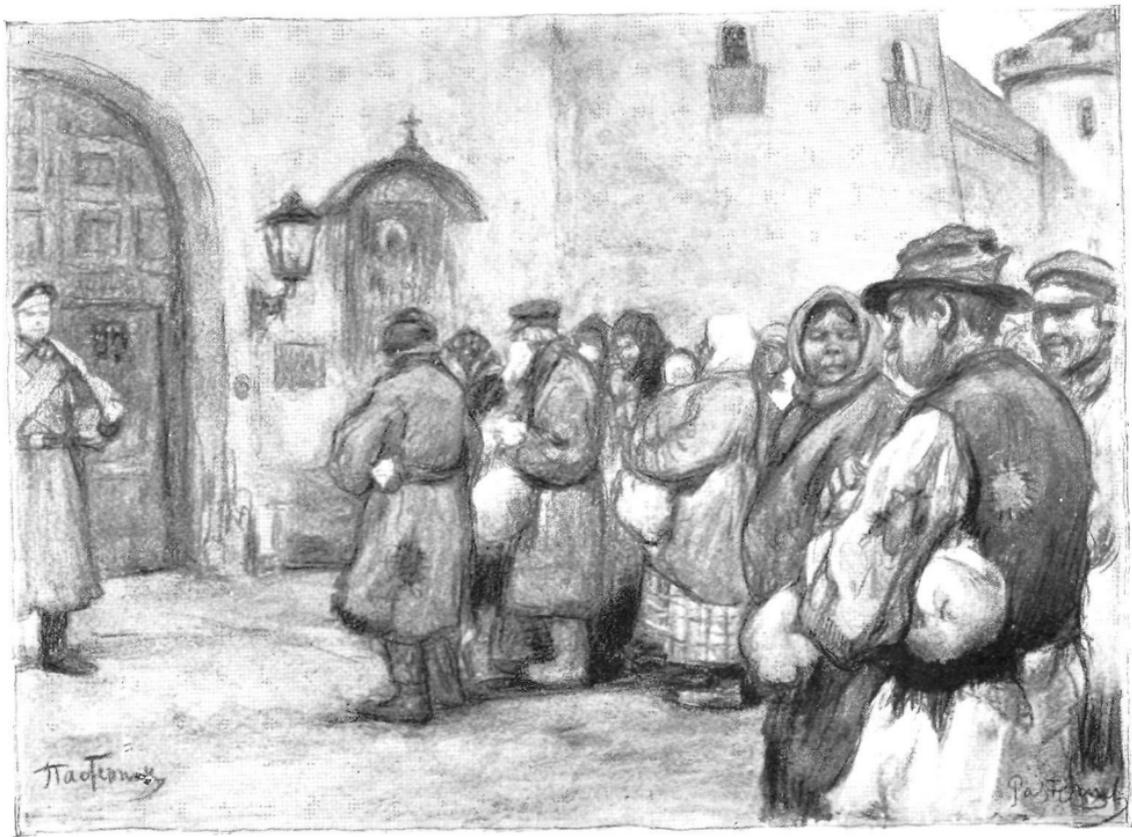
быть самихъ мастеровъ, то можно было, по крайней мѣрѣ, приобрести за соответственныя суммы ихъ произведенія. За десять тысячъ марокъ—навсегда памятный день! — подлинная работа „Урбината“ была отправлена изъ музея одного расчетливаго итальянскаго герцога въ Розенмольдъ, гдѣ ожидали съ нетерпѣніемъ конца ея долгому пути по дурнымъ нѣмецкимъ дорогамъ, сквозь пасмурныя ущелья въ невѣрную, дождливую погоду. вмѣстѣ съ привѣтственной рѣчью и одой было приготовлено возвышеніе, цѣлый тронъ въ аудіенцъ-залѣ съ драпировками великогерцогскихъ цвѣтовъ и золотыми шнурами. Наконецъ, однажды, поздно вечеромъ услышали громыханіе на замковомъ дворѣ фургона, доставившаго гостю въ полной сохранности, но, если бы нужно было признаться въ томъ самому себѣ, показалась она съ перваго взгляда нѣсколько непріятной. Подъ унылымъ портикомъ, со всѣми причудами средневѣковья, который поддерживали коричневые, престарѣлые епископы, погруженные въ ничѣмъ непрерываемое размышленіе, Наша Владычица казалась самой обыкновенной монахиней и не внушала ничего такого, о чемъ приходилось слышать. Конечно, никого не могло ни поразить, ни захватить, ни увлечь это созданіе великаго мастера; и только съ глубоко скрытымъ разочарованіемъ пришлось восхищаться имъ, чтобы отстаивать его противъ завѣдомо лишенныхъ чувства критиковъ и противъ са-

мого себя. По правдѣ же, тотъ художникъ, котораго Карлъ любилъ наиболѣе искренно, ибо въ немъ нашли себѣ выраженіе полная силъ молодость и нѣсколько плотскіе вкусы, — это былъ Рубенсъ, Рубенсъ, когда онъ достигалъ своихъ высотъ, Рубенсъ въ своихъ хорошо сохранившихся семейныхъ портретахъ, свѣжихъ, веселыхъ, остроумныхъ изображеніяхъ какой-то будто особенной молодежи, которая никогда не старится. Развѣ не привнесъ онъ тоже нѣчто изъ роскоши „обѣтованной земли“ въ эти сѣверныя страны: если не пылающее золотомъ итальянское солнце Тиціана, то хоть алое и желтое розъ и тюльпановъ, которые могутъ при заботливомъ уходѣ расти даже здѣсь, подъ хмурымъ небомъ? Скоро около этого времени при великогерцогскомъ дворѣ разнесся слухъ о какихъ-то таинственныхъ опытахъ производства фарфора — настоящая алхимія, превращавшая глину въ золото. Царство саксонскаго фарфора было рядомъ, со всѣмъ своимъ страннымъ миркомъ маленькихъ человѣчковъ, которые кажутся еще болѣе очаровательно-крохотными среди искусственныхъ фарфоровыхъ цвѣтовъ. Молодой герцогъ затѣялъ заговоръ увезти талантливаго Герра Бѣтхера изъ его укрѣпленной, точно тюрьма, резиденціи въ крѣпости Мейссенъ. Развѣ не могъ бы онъ перетащить свои котлы и станки въ Розенмольдъ и здѣсь продолжать свои изобрѣтенія? Впрочемъ великій герцогъ всему предпо-

читалъ старинный золотой сервизъ и хотѣлъ, чтобы юноша сдѣлался „виртуозомъ“ въ чемъ-нибудь не менѣе драгоцѣнномъ, чѣмъ золото, — на примѣръ, въ золотыхъ табакеркахъ.

Но, по истинѣ, въ томъ, что относится къ искусству или культурѣ, какъ и во всемъ иномъ, есть источникъ великой жажды и только малое, чѣмъ можно ее утолить. Лишь въ жизни душевной эта жажда сама по себѣ полна цѣнности, по крайней мѣрѣ для полной надежды и не знающей препятствій юности, передъ которой открытъ весь міръ. „Вы тотъ Аполлонъ, о которомъ вы намъ рассказываете, Сѣверный Аполлонъ“, такъ начали говорить ему окружающіе, пораженные его мысленнымъ устремленіемъ далеко за предѣлы ихъ предположеній, — вдохновенностью, упоеніемъ, тихимъ сіяніемъ и яркими вспышками попеременно смѣнявшимися на красивомъ лицѣ юноши, его увлекательными рѣчами, когда онъ блуждалъ, зовя съ собой всѣхъ вкушать медъ наслажденія отъ музыки къ живописи, отъ живописи къ драмѣ, равно пышнымъ по стилю, да! и можетъ быть только третьестепеннымъ по качеству. Въ то время, онъ съ упорнымъ постоянствомъ твердилъ, что центръ духовной жизни, находится во Франціи; у него была мысль самому тайно отправиться въ эту страну и тамъ познать истинныя свойства ея генія.

Между тѣмъ, въ отвѣтъ на заказы прибывали оттуда вещи болѣе перевозимыя. Что эти, такъ

текту́рѣ, къ керамикѣ, потомъ къ музыкѣ, — всего болѣе то, что для него, для его огромныхъ умственныхъ силъ, въ сущности говоря, не было вовсе литературы на родномъ языкѣ. Были книги и нѣмецкія книги, но настолько скучныя и далекія отъ настоящихъ волненій горячѣй, пестрой и разносторонней жизни, окружавшей и переполнявшей его что мы не можемъ даже вообразить. Было больше привлекательнаго въ естественномъ теченіи его одинокихъ мыслей, внушенныхъ и гармонично настроенныхъ наслажденіемъ отъ видимыхъ вокругъ вещей, чѣмъ во всѣхъ книгахъ, гдѣ онъ искалъ такъ настойчиво, перерывая ихъ отъ начала и до конца, всеразъясняющаго духовнаго свѣта, о которомъ мимолетные проблески интереса сулили то здѣсь, то тамъ ложныя обѣщанія. И, однако, онъ все еще благородно вѣрилъ, побуждая себя къ новымъ поискамъ, что гдѣ-то должна существовать литература, освобождающая сердце и умъ, хотя придворные бібліотекари и не могли сказать, гдѣ. Въ этихъ розыскахъ онъ проводилъ много дней у тѣхъ старинныхъ книжныхъ шкафовъ, гдѣ когда-то подобралъ латинскую оду Конрада Цельтеса. Неужели же нѣмецкой литературѣ суждено навсегда остаться только орудіемъ пытки для ума? Гдѣ же ты, литература освобождающая, соединенная съ волненіями самой жизни?

Могло казаться, что въ музыкѣ Германія завоевала духовную самостоятельность. Кое-гдѣ

въ сѣверно-нѣмецкихъ городахъ уже знали о существованіи молодого Себастьяна Баха. Тамъ уже прозвучали первыя ноты музыки, не перенятой изъ Франціи, но исходившей такъ же естественно, какъ ручей изъ источника, изъ вѣчно музыкальной души самой Германіи. Герцогъ Карлъ искренно любилъ музыку и самъ мелодично игралъ на скрипкѣ передъ восхищеннымъ дворомъ. Быть можетъ, той новой, творческой Германіи суждено было воздвигнуться при звукахъ музыки. Въ другихъ художественныхъ увлеченіяхъ, въ проповѣди французской драмы или архитектурнаго стиля Людовика XIV, онъ щедро тратилъ себя, помогая силой своей убѣжденности тамъ, гдѣ ихъ призывы оказывались недостаточны. И только одна музыка до сихъ поръ дѣйствительно помогала ему, унося его далеко отъ своего Я. Инстинктивно онъ все больше и больше посвящалъ себя ей. Въ своемъ рвеніи поднять и наладить придворный оркестръ, изъ котораго за отсутствіемъ числящихся въ отпуску чиновныхъ исполнителей, предпочитавшихъ пользоваться жалованьемъ на разстояніи, выпали многія партіи, совсѣмъ такъ, какъ любимыя ноты изъ разстроенныхъ клавишинъ, онъ нашелъ дѣятельную помощь со стороны помощника органиста великогерцогской капеллы. Принадлежа къ римско-католической церкви среди своихъ подданныхъ, по большей части протестантовъ, Герцогъ Карлъ, тѣмъ не менѣе, часто

пробирался за занавѣси придворной логи въ лютеранской церкви, которой онъ подарилъ массивное золотое распятіе, чтобы послушать „хоралы“, заранѣе намѣтивъ по своему вкусу ихъ исполненіе, и тамъ безотчетно наслаждался переливами одной пріятно-монотонной и, казалось, безконечной мелодіи; она, разумѣется, и не могла придти къ тому, что можно назвать концомъ, здѣсь, на землѣ. Онъ положительно чувствовалъ симпатію къ бодрому генію д-ра Мартина Лютера, къ его славнымъ пѣснопѣніямъ и тому звонкому смѣху, который разгонялъ всякую нечистую силу.

Какъ разъ тогда, нѣкоторое время, его воображеніе пылко работало надъ музыкальнымъ и драматическимъ развитіемъ идеи, внушенной старинной латинской одой Конрада Цельтеса,—гиперборейскій Аполлонъ, который въ годовомъ круговоротѣ пребываетъ нѣсколько мѣсяцевъ на сонномъ сѣверѣ, но остается все же Аполлономъ, вдохновителемъ искусствъ, музыки, поэзіи и философіи истолковывающей нашу жизнь, который даритъ свѣтъ среди обычнаго мрака, не южное солнце, конечно, но хоть мягкое сіяніе дня, склоняющагося къ вечеру, достаточно хорошее для насъ. Это должно было быть символической пьесой, полной тонкостей, намековъ, напоминачій. Его смутные замыслы встрѣтились на полпути къ цѣли со вполне реальной возможностью исполненія въ лицѣ его подданнаго и друга, по-

мощника органиста, уже задумавшаго съ оттѣнкомъ сатиры (который можно было бы устранить на самомъ представленіи) музыкальное произведеніе, посвященное герцогу Карлу, — „Бальдеръ, интермедія“. Онъ удовольствовался тѣмъ, что передѣлалъ и расширилъ роль сѣвернаго бога солнца, придавъ ей совершенно серьезный смыслъ. Но близкое, реальное и обычное было еще слишкомъ подчеркнуто и даже заслоняло собой возвышенное и идеальное. Душа музыки была только лишь передачей хотя и фантастическаго и столь замѣчательнаго существа, но которое тутъ, неподалеку. И Карлъ былъ, конечно, вѣренъ въ написанной роли, ибо еще радовалъ другихъ тѣмъ духовныиъ сіяніемъ, которое уже перестало грѣть и одушевлять его самого. Для него свѣтъ, который надо искать, былъ во Франціи, въ Италіи, скорѣе всего въ древней Греціи, среди драгоценностей безвѣстно скрывающихся тамъ въ искусствѣ, въ поэзіи, быть можетъ даже въ жизни и ожидающихъ, когда пріѣдетъ за ними Счастливый Принцъ.

Да! Туда, въ Грецію обратились его романтическія мечтанія о классической древности въ тѣ дни, когда заканчивалась опера. Въ свое время она и была поставлена съ удовлетворительнымъ успѣхомъ. Между тѣмъ у него составилось определенное намѣреніе побывать на настоящей родинѣ Музъ, откуда брали начало и всѣ эти прекрасныя итальянскія вещи, преодолевъ пре-

пятствія, мѣшавшія его отъѣзду изъ дома, и всяческія трудности доступа въ Грецію, связаннаы съ тогдашнимъ положеніемъ этой страны.

Иногда ему приходила въ голову, фантазія, что онъ долженъ въ самомъ дѣлѣ принадлежать по происхожденію къ какой-то южной расѣ, что за этимъ страннымъ безпокойствомъ кроются физическія причины, точно неясныя воспоминанія о чемъ-то происходившемъ въ прежней его жизни. Престарѣлыя чины геральдіи были засажены за работу (по истинѣ продляя свои дни этимъ неожиданнымъ пробужденіемъ интереса къ ихъ обветшалому дѣлу) въ поискахъ какого-нибудь неизвѣстнаго притока греческой, хотя бы позднѣйшей византійско-греческой крови въ родословной Розенмольдовъ. Нѣтъ! Непогрѣшимая геральдика удостовѣрила послѣ сотни изслѣдованныхъ гербовъ, что они были такого же мѣстнаго происхожденія, какъ приземистые тисы на сосѣдней полянѣ.

И по временамъ эти мечтанія о далекомъ и вѣроятно полномъ опасностей путешествіи давали крылья юношѣ для такихъ отдаленныхъ прогулокъ какихъ онъ раньше не дѣлалъ, по заповѣднымъ лѣсамъ родной Германіи. Онъ пускался въ долгія странствія, пѣшкомъ и верхомъ, днемъ и ночью, чтобы освѣжить себя лаской этихъ простыхъ картинъ, — зрѣлищемъ сокола неподвижно парящаго высоко въ воздухѣ, или бѣловатыхъ скалъ выступающихъ въ по-

слѣднихъ лучахъ заката сквозь темные дубы, или водяной мельницы сладко рокочущей у подножья холма.

Появлялись облака на его небѣ, внезапныя тучки, похожія на тѣ, которыя подѣ этой сѣверной широтой, гдѣ лѣто въ лучшемъ случаѣ только мимолетный гость, сжимають подчасъ сердце на нѣсколько краткихъ мгновеній даже среди самаго жаркаго дня. У него были припадки, когда онъ остро чувствовалъ тоску другихъ людей, — ихъ унылое шествіе сквозь жизнь и унылое разставаніе съ жизнью, пошлыя мелочи ихъ существованія и печальныя ихъ похороны, — которая, если только онъ не разсѣивалъ ее немедленно ревностными занятіями, становилась тоской его собственной. И въ такіе періоды все окружающее будто бы тоже недобро спѣшило углубить воображаемую тѣнь вокругъ него, точно въ самомъ дѣлѣ была особенная жизнь въ природѣ, точно на неприступныхъ обрывахъ и въ темныхъ оврагахъ водились эльфы, какъ говоритъ нѣмецкая поэзія, лишь иногда весело помогающіе человѣку, по большей же части мучители своихъ братьевъ-людей. Съ недавнихъ поръ эти припадки стали чаще повторяться и быть продолжительнѣе. Часто его любимыя зеркала отражали теперь усталое, блѣдное лицо. Да! люди прозаичны и жизнь ихъ пошла, — всѣ, кромѣ него самого, быть можетъ, да органиста Макса и пѣвца Фритца. Въ свою

очередь тѣ, кто постоянно встрѣчались съ нимъ, считали его немножко сумасшедшимъ, хотя и были всегда готовы восхищаться его причудами, какъ онъ это могъ наблюдать. Одинокій со своимъ одряхлѣвшимъ дѣдомъ въ этомъ узкомъ, замкнутомъ и чуждомъ міркѣ этикета, онъ чувствовалъ себя окруженнымъ льстецами и не могъ довѣриться даже искренности Макса и Фритца, которые повторяли какъ эхо одинъ другого: „Вы сами, принцъ, нашъ нѣмецкій Аполлонъ.“

И вотъ это-то желаніе испытать искренность окружающихъ и разоблачить льстецовъ, внушило ему шутку, которую онъ сыгралъ надъ дворомъ и надъ всей Европой. Въ той сложной, но всецѣло тевтонской генеалогіи, которая недавно была изслѣдована, нашлась драгоцѣнная нить родства съ императоромъ Карломъ Пятымъ, и, наведенный этимъ обстоятельствомъ, Карлъ читалъ съ большимъ увлеченіемъ все, что могъ достать о своемъ великомъ предкѣ, хотя, по правдѣ говоря, вынесъ немного въ вознагражденіе за свой трудъ. Впрочемъ, одну мысль онъ приберегъ для себя. Онъ рѣшился присутствовать при своихъ собственныхъ похоронахъ.

Что онъ могъ такимъ путемъ облегчить себѣ возможность столь желаннаго путешествія, это представилось ему почти сразу же добавочнымъ мотивомъ, а немного позже всѣ эти обдуманые доводы отошли назадъ передъ драматическимъ

герцогскомъ склепѣ, въ гробахъ, обметаемыхъ отъ пыли однажды въ годъ, въ день Всѣхъ Святыхъ, когда чины двора спускались туда и служили обѣдню для мертвыхъ среди волнъ чернаго крепа и паутины. Юноша, который съ большими голубыми глазами и полными алыми губами пришелъ съ кубкомъ въ рукахъ на пиръ жизни, боролся противъ такихъ вещей, какъ противъ удушенія. Но воспоминаніе объ этомъ было повсюду. Въ безмятежный лѣтній день до дѣвственныхъ высотъ Хейлигенберга внезапно доходилъ скрежещущій звонъ по усопшемъ изъ какой-нибудь деревушки внизу. Казалось, онъ исходилъ прямо изъ ужасной могилы, и тогда отмирала всякая радость. Часомъ позже на печальномъ пути къ дому онъ заходилъ случайно въ открытую дверь деревенской церкви, затерянной въ лабиринтѣ кладбища. Тамъ стоялъ незатѣйливый гробъ работника, у котораго въ жизни была только землянка. Врагъ гнался по пятамъ! И юный Карлъ бѣжалъ, казалось, не просто отъ смерти, но отъ убійства.

И, какъ прежде эти мысли, благодаря упругой силѣ молодости, отбрасывали его съ новой жаждой къ жизни и къ ощущеніямъ, такъ теперь, ставъ наконецъ обычными, онѣ добавляли новую цѣль для его фантастическаго опыта. Развѣ не сказалъ одинъ мудрецъ, что въ концѣ концовъ, вся горечь смерти только въ ея уборѣ. Прекрасно! Онъ испытаетъ это на дѣлѣ,

пока еще есть въ немъ, вѣроятно, преемственный интересъ къ жизни. Онъ приобрѣтетъ, по крайнѣй мѣрѣ, свободу, узнавъ этотъ мрачный „уборъ“, и услышитъ, что будутъ о немъ говорить, какъ о мертвомъ. Уже самыя приготовленія дали пріятное доказательство преданности со стороны нѣсколькихъ лицъ, которыя вошли въ его планы безъ дальнихъ вопросовъ. Не трудно ввести въ заблужденіе весь міръ относительно происходящаго съ тѣми, кто живетъ въ искусственномъ удаленіи двора, за высокими стѣнами этикета. Такъ или иначе дѣло было сдѣлано, и никто не усомнился, когда съ возвѣщеніемъ церемоніальныхъ словъ разнеслась придворная новость, что послѣ краткой болѣзни, обычной въ его родѣ, наследный великій герцогъ скончался. Поддавшись минутному сожалѣнію и вспомнивъ любовь юноши къ роскоши, тѣ, кому принадлежало завѣдываніе этимъ (дѣдъ теперь еще глубже погрузился въ полную безсознательность) поддержанные и народнымъ желаніемъ, рѣшили устроить ему похороны съ болѣе чѣмъ великогерцогскимъ траурнымъ великолѣпіемъ. Мѣсто успокоенія было отмежовано для него такъ торжественно, точно дѣло шло о разграниченіи королевства, въ великогерцогскомъ склепѣ, куда сквозь завѣшанныя паутиной окна заглядывалъ онъ, будучи ребенкомъ, изъ сада, гдѣ игралъ и видѣлъ тогда поблекшія регалии огромныхъ увѣнчанныхъ ко-

ронами гробовъ и около самыхъ старыхъ изъ нихъ лохмотья истлѣвшаго бархата. Окруженный всѣмъ сановнымъ міромъ Розенмольда, разодѣтымъ по этому случаю въ почти забытые парадные костюмы, точно для маскарада, новый гробъ тихо поплылъ изъ благоуханной капеллы, гдѣ пѣли „Requiem“, по широкимъ лѣстницамъ, отдѣланнымъ розоватымъ и желтымъ мраморомъ, въ нижнюю сѣнь. Самъ Карлъ, переодѣтый странствующимъ музыкантомъ слѣдилъ за нимъ черезъ площадь, подъ проливнымъ дождемъ, при чемъ подслушалъ, какъ старики поздравляли другъ друга, что „блаженный“ умеръ тамъ, внутри; затѣмъ онъ слушалъ панихиду собственнаго сочиненія, исполненную на большомъ органѣ весьма „бравурно“ своимъ другомъ, новымъ придворнымъ органистомъ, посвященнымъ въ тайну, а въ ту же ночь повернулъ ключъ у садовой калитки, ведущей къ склепу, и посмотрѣлъ въ щелку окна на сонныхъ юныхъ пажей въ парикахъ и богатыхъ нарядахъ, которые нѣсколько дней подрядъ должны были стоять на часахъ у смертнаго ложа ихъ покойнаго господина.

Но, спустя нѣсколько недѣль, стало извѣстно къ великому ужасу гофмаршаловъ, что „сумасшедшій герцогъ“ снова появился на свѣтъ. Дѣло могло бы дурно окончиться для юноши, если бы странная новость, разнесшаяся сперва какъ фантастическій слухъ, затѣмъ ставшая

предметомъ офіціального слѣдствія и, наконецъ, превратившаяся въ пріятный или нѣтъ, но установленный фактъ, была принята менѣе радостно дѣдомъ, правда, слишкомъ старымъ для глубокихъ огорченій, но сдѣлавшимся достаточно дряхлымъ, чтобы вообразить, будто министры могутъ завладѣть особой молодого герцога и объявить его совершеннолѣтнимъ и правителемъ. Изъ этихъ дикихъ странствованій, которыя представлялись старику, никогда не бывавшему въ пятидесяти миляхъ отъ дому, чѣмъ-то столь же отважнымъ, какъ путешествіе на луну, онъ долженъ вернуться, — вернуться „во-время“, слабо бормоталъ онъ, жаждая еще разъ почувствовать около себя молодую, яркую и возбужденную жизнь.

Самъ Карлъ теперь, когда уже все прошло и онъ насладился вполнѣ элементами комизма въ этомъ дѣлѣ, долженъ былъ быть прощенъ въ продѣлкѣ съ похоронами и въ чудовищномъ своемъ воскресеніи. И затѣмъ, будетъ ли онъ герцогомъ или нѣтъ, казалось понятнымъ, что онъ не хочетъ оставить, ни въ какомъ случаѣ, все такимъ же, какъ оно было прежде. Онъ уже никогда не будетъ такъ близокъ къ людямъ, какъ раньше, — непостояннымъ, порывистымъ гостемъ двора, — но почти такимъ, какъ если бы онъ дѣйствительно умеръ, и пустой гробъ останется для него чѣмъ-то вродѣ символическаго „коронаціоннаго происшествія“, которое пред-

сказываетъ его будущія отношенія къ своимъ подданнымъ. Изъ всѣхъ, кто повѣрилъ въ его смерть, лишь одно человѣческое существо, исключая дѣда, искренно пожалѣло о немъ; то была женщина, плакавшая при видѣ похоронной процессіи, вмѣстѣ съ которой онъ сочувственно обсуждалъ свои собственныя достоинства. До тѣхъ поръ онъ забылъ случай, представившій ей его въ роли истиннаго генія мощи и добра: какъ однажды она пріѣхала съ деревенскими продуктами на рынокъ и, стѣсненная толпой, нарушила одно изъ мелкихъ полицейскихъ правилъ, какъ чиновники уже готовились взять и оштрафовать ее или сдѣлать съ ней что-нибудь еще хуже, подъ градомъ насмѣшекъ со стороны зѣвакъ, всегда готовыхъ обидѣть цыганку, и какъ, именно въ эту минуту, стройный герцогъ Карлъ, подобный блистанію правосуднаго меча, сбѣжалъ съ дворцовой лѣстницы и велѣлъ отпустить ее съ миромъ. Она почти узнала его теперь, несмотря на переодѣваніе; въ свое время вѣсть объ его возвращеніи къ жизни была торжественно сообщена въ ея маленькую хижину, а воспоминаніе о ней преслѣдовало его не безъ удовольствія, когда онъ наслаждался своимъ путешествіемъ.

Когда былъ оконченъ первый долгій переѣздъ, похожій на бѣгство сломя голову, днемъ и ночью, онъ почувствовалъ себя въ одно лѣтнее утро согрѣтымъ уже какъ будто бы южнымъ

солнцемъ и, наконецъ, дѣйствительно на просторѣ, здѣсь, у Бергштрассе, съ богатыми равнинами Палатината на лѣвой рукѣ; направо, видимые имъ въ первый разъ виноградники уходили вверхъ къ кудрявымъ букамъ Оденвальда. Близъ Вейнхейма только одна опустѣлая башня оставалась отъ замка Виндекъ. Онъ ночевалъ тамъ въ большой выбѣленной комнатѣ для приѣзжихъ капуцинскаго монастыря.

У національныхъ рѣкъ, какъ и у національныхъ лѣсовъ есть семейное сходство. Таковы Майнъ, Ланъ, Мозель, Неккаръ, Рейнъ. Такъ, какъ представлялось удобнымъ, гдѣ пользуясь теченіемъ, а гдѣ вдоль берега, слѣдовалъ онъ по беззаботнымъ извиамъ одной изъ самыхъ красивыхъ нѣмецкихъ рѣкъ, останавливаясь на минутку въ сѣрыхъ, бѣлыхъ или красныхъ попутныхъ городкахъ, пробуя прекрасныя мѣстныя „народныя“ вина, заглядывая въ старинныя загроможденныя церкви, рассматривая ихъ убранство и испытывая органы. Три ночи онъ спалъ въ теплѣ и подъ кровомъ на сѣновалѣ, устроенномъ въ заброшенномъ монастырѣ, и, привлеченный въ сосѣдній соборъ отрывками церковной музыки, едва не былъ тамъ уличенъ. Какимъ-то чудомъ тамъ очутился самый суровый изъ вельможъ Розенмольда, который и узналъ юношу и его спутниковъ,—дѣйствительно довольно замѣтныхъ посѣтителей среди толпы крестьянъ,—и нѣсколько часовъ гнался за ними. Послѣ

неопрятныхъ улицъ городка, деревенскій воздухъ благоухаль, въ силу ли контраста или, правда, напоенный сосной. Казалось, что вдыхаешь вмѣстѣ съ нимъ образы лѣсовъ, горы и рѣкъ,—душу самой природы, но на этотъ разъ радостную, ласковую и счастливую душу! Отдаленная группа сосенъ на обрывѣ большой возвышенности будила сильное желаніе взобраться туда, — точно притягивала къ себѣ. Видомъ, которой открывался оттуда? То былъ какъ бы аванпостъ изъ какой-то дальней и волшебной земли, залогъ, дѣйствительности ея существованія. За Касселемъ воздушныя горы рисовались чернымъ силуэтомъ на пылающемъ вечернемъ небѣ, населенныя, какъ могло представиться, колдовскими существами, которыя въ этой глуши занимались своей старинной „чертовщиной“ даже до наступленія совершенной темноты. И, наконецъ, сотни церквей на улицахъ Кельна, и онъ почувствовалъ „готическій“ энтузіазмъ, всенѣмецкій энтузіазмъ передъ Рейномъ.

По всей рейнской области, вдоль и поперекъ, начинался сборъ винограда. Красныя развалины на вершинкѣ холма, бѣлыя стѣны поселковъ, бѣлыя статуи Св. Непомука на мостахъ, были отдѣльными звенящими нотами контраста между истомой расплывающагося въ солнечныхъ волнахъ пейзажа и между хмельностью его, подобной той, которою бродитъ молодое вино. Шумъ на виноградникахъ доходилъ до слуха

сквозь нѣжную дымку, мѣшаясь иногда съ рѣзкимъ звукомъ колокола, — быть можетъ заупокойнаго колокола или просто веселаго созыва работниковъ. И тамъ, у широкихъ, заросшихъ ивнякомъ излучинъ Рейна между Бингеномъ и Маннхеймомъ, гдѣ красноватые холмы уходятъ въ голубую воздушную даль, похожіе на миніатюрный райскій ландшафтъ, онъ почувствовалъ, что Франція совсѣмъ близко. Передъ нимъ лежалъ открытый и прямой путь туда. Такъ близко къ этому источнику свѣта! Но неожиданно, совпаденіе его прежнихъ намѣреній съ представившейся возможностью не подсказало ему то, въ чемъ раньше онъ былъ бы готовъ поручиться: „иди скорѣе, утоли жажду“. Значило ли это, что Франція для него уже не выдерживала сравненія съ Италіей или Греціей? Или, когда онъ ѣхалъ по нѣмецкой землѣ, къ нему пришло убѣжденіе, что: „для тебя Франція, Италія, Эллада, все здѣсь!“ Или явилась какая-то новая вѣра въ неиспытанныя духовныя силы кроткой Германіи, которая перенесла землю его идеала изъ пространства во время, изъ-за Альпъ или Рейна въ будущее, куда онъ долженъ вести другихъ? Нѣсколько зябкій отъ природы, несмотря на свою мужественную силу, онъ странствовалъ отчасти просто въ поискахъ физическаго тепла. Теперь, конечно, въ этомъ сплошномъ виноградникѣ было достаточно физическаго тепла, по крайней мѣрѣ, достаточно для германца. Не такъ же ли

было и съ отвлеченнымъ, духовнымъ тепломъ и свѣтомъ; не оказывалась ли настоящая необходимость только въ истолкователѣ — въ Аполлонѣ, который свѣтилъ бы скорѣе раскрытымъ, чѣмъ принесеннымъ откуда-то свѣтомъ? Крѣпко вѣруя, что „Просвѣщеніе—Aufklärung“ (онъ уже нашелъ имя для этого) непременно придетъ, онъ понималъ, что раньше былъ въ заблужденіи относительно того, какъ это должно совершиться. Теперь онъ началъ думать, что это можетъ произойти только путемъ обращенія пытливой мысли къ огромному накопленному матеріалу, которымъ владела Германія въ поэзіи, въ искусствѣ, въ сказкахъ, ко всему этому міру творчества, сопровождая такое обращеніе глубочайшимъ проникновеніемъ въ прошлое, въ жизнь природы и въ свое Я, — постиженіемъ всего окружающаго черезъ познаніе самого себя. Пониманіе должно быть неизбѣжнымъ первымъ шагомъ къ расширенію великаго прошлаго и скромнаго настоящаго съ помощью критики и творческой фантазіи. И тогда временно скованныя начала природы заговорятъ, какъ въ старину. Средніе вѣка въ Германіи, гдѣ въ прошломъ были такія благородныя достиженія, всегда близки къ намъ; они возстановятъ свое мистическое очарованіе, помогутъ лучше понять нашего Рафаэля. Духъ древней Эллады пробудится въ мужчинахъ и женщинахъ маленькихъ нѣмецкихъ городковъ. Различныя эпохи, самая чу-

Конечно, прошлые вѣка, разъ только удалось проникнуть до ихъ исторической души, оказались не мертвецами, но живыми и неистощимыми собесѣдниками, занимательными и поучительными для настоящаго, — герцогъ Карлъ еще не зналъ той скептической мысли, что эта историческая душа есть лишь искусственное измышленіе, великодушный даръ своего Я.

Послѣ того имъ овладѣло таинственное естество природы, зовя его: „Ко мнѣ! Раскрой меня и объясни другимъ!“ Въ одно утро онъ проснулся отъ звяканья бубенцовъ на саняхъ, внизу, на улицѣ. Ранняя зима спускалась съ горъ, блѣдный Рейнъ подъ длиннымъ мостомъ ведущимъ въ Кель, былъ вздутъ льдомъ, и въ первый разъ онъ ощутилъ близость Швейцаріи. Восторгъ передъ горами внезапно охватилъ его, и онъ устремился по долинѣ Рейна черезъ Альтъ-Брейзахъ и Базель, преодолевая тысячи затрудненій, спѣша къ одинокимъ швейцарскимъ фермамъ и деревушкамъ, еще торжественно мирнымъ и нетронутымъ иностранцами. Въ Гриндельвальдѣ, ночуя, наконецъ, въ сосѣдствѣ съ великими Альпами, онъ почувствовалъ близость гигантовъ, какихъ-то новыхъ необыкновенныхъ спутниковъ. Здѣсь можно было отдать всего себя вѣчному зову стихій въ ихъ величайшей мощи и простотѣ, — свѣтъ, воздухъ, вода и земля. Въ очень ранніе весенніе дни внезапно снялись облачныя завѣсы; Альпы были вершиной

славы природы и къ нимъ въ пространствахъ льющагося свѣта тянулась вся Европа. За ними, правѣе его пути, открывались ворота Италиіи ведущія къ Комо или Венецію, вотъ съ этого пика видно ее, Италию! Но и налѣво, въ южно-нѣмецкихъ городкахъ, въ яркости и художественной тонкости, въ изящныхъ и пышныхъ кованыхъ работахъ, напимѣръ, замѣтенъ переплескъ за Альпы итальянскаго генія. Все это явилось теперь, наконецъ, только чтобы напомнить, что въ новыхъ своихъ духовныхъ надеждахъ онъ стоялъ уже на дорогѣ къ дому. Прямо сквозь жизнь, прямо сквозь природу и человека, освѣщенный единственно только самопознаніемъ и вовсе минуя географическую Италию или Грецію, лежалъ путь въ новую Элладу, которую создастъ выступленіе родного германскаго генія. Иногда, въ эти прекрасные дни ранней весны онъ подолгу смотрѣлъ не на югъ, но къ Германіи и, казалось ему, уже различалъ проблески слабой, не совсѣмъ еще естественной зари надъ этой темной сѣверной землей. И однажды, на настоящей зарѣ прибыла новость, которая окончательно заставила его какъ можно скорѣе отправиться домой. Ему хотѣлось, затаивъ дыханіе, смотрѣть на быстрое разлитіе всепобѣждающаго разсвѣта, который казался подобнымъ духовному осіянію отчизны, когда вдругъ на глухой тропѣ, ведущей къ его высокой, поросшей буками площадкѣ, (неужели ни-

гдѣ нельзя быть въ безопасности?) слышались голоса, бранящіе плохую дорогу, слишкомъ знакомые голоса (то говорила сама скука) нѣсколько высшихъ чиновъ Розенмольда, прибывшихъ требовать назадъ своего чуть-чуть не убѣжавшаго государя.

Привезли вѣсть о кончинѣ стараго герцога! Съ истиннымъ горемъ на сердцѣ помчался онъ теперь черезъ пространства, отдѣлявшія его отъ смертнаго ложа, стараясь, впрочемъ, въ наиболѣе спокойныя промежутки схватить кое-что мимоходомъ, удовлетворяя свое любопытство въ самые случайные часы, дожидаясь сіянія зари сквозь пылающія церковныя стекла, забираясь при свѣчахъ въ старинныя ризницы, принуждая старыхъ сановниковъ карабкаться „изъ-за вида“ на какой-нибудь высокій утесъ среди лѣсистыхъ горъ. Съ одного изъ такихъ мѣстъ, и, несмотря ни на что, все-таки съ удовольствіемъ, Карлъ увидѣлъ старый Розенмольдъ, — мансарды замка, аисты на печныхъ трубахъ, зеленыя мѣдныя крыши, накаленные долгимъ, сухимъ, нѣмецкимъ лѣтомъ. О, уютность милой старой Германіи! Онъ тоже почувствовалъ ее и всѣмъ сердцемъ стремился домой.

Вѣдь тамъ была и „Золушка“. Мысль о ней преслѣдовала его во время всего путешествія и не была непріятна ему, какъ онъ замѣтилъ, изливаясь милостью на всякое существо, которое отъ него зависѣло. Уже только то, что она

кротко ожидала, покорная ему, и что за все его долгое отсутствіе точно не хотѣла покинуть того мѣста, гдѣ онъ сказалъ ей „прости“, это одно растрогало его и внезапно привело его шаткое расположеніе къ опредѣленному, практическому выводу. „Король Кофетуа“ будетъ принадлежать ей. И его великодушіе освѣтитъ какъ солнцемъ ея дикую красоту и превратитъ ее въ величіе, въ великолѣпіе королевы. Было и природное величіе въ тяжелыхъ волнахъ ея золотыхъ волосъ, скрученныхъ тѣснымъ узломъ надъ нѣсколько массивной шеей. На видъ она казалась доброй, робкой, часто грустной. Она походила на ясный лѣтній день съ синими колокольчиками и зеленой листвою, который выдался посреди дождливой недѣли и, казалось, была воплощеніемъ „Die Ruh auf dem Gipfel“, — тѣхъ мирныхъ часовъ, какіе онъ недавно проводилъ на лѣсистыхъ склонахъ и вершинахъ горъ. Одинъ іюньскій день, когда она точно соединила въ себѣ всѣ символы лѣта, принесъ рѣшеніе нашему поклоннику искусственныхъ розъ, который до тѣхъ поръ обращалъ такъ мало вниманія на все ей подобное. Великій герцогъ противъ воли, онъ хотѣлъ сдѣлать ее своей женой и успокаивалъ ее насмѣшками надъ негодованіемъ министровъ. „Прямо въ жизни!“ гласилъ его новый поэтическій кодексъ, и вотъ истинный случай, истинный „подвигъ“, въ сравненіи съ которымъ всѣ предшествовавшія его

дѣла казались ребяческой комедіей, годной только, чтобы немножко всколыхнуть глубочайшую скуку обыденной жизни. Въ сотнѣ потаенныхъ свиданій она заставила узнать равнодушнаго дотѣхъ поръ юношу искусство любви.

Герцогъ Карль дѣятельно готовился къ своему браку, пока еще тайному, но вполне законному и скоро имѣвшему быть объявленнымъ. Уже давно онъ смотрѣлъ съ любопытствомъ на странное заброшенное зданіе, старую мызу или охотничій домикъ, расположенное на полянѣ, которое внушало ему непонятное очарованіе своей уединенностью и духомъ старинной сказки. Народное воображеніе тѣшило себя разсказами о колдунѣ, который будто бы тамъ живетъ или является, объ его фантастическихъ сокровищахъ и безмѣрной старости. Видно бывало издалека, какъ въ грозовыя ночи его окна сверкали отблескомъ золотыхъ украшеній, по словамъ нѣсколькихъ деревенскихъ смѣльчаковъ. Не потому, что онъ не довѣрялъ ей, но ради любовной шалости и какъ бы для того, чтобы вкусить еще большую сладость ихъ взаимной вѣрности, герцогъ Карль, указавъ дѣвушкамъ мѣсто и время назначенной свадьбы, прибавилъ къ этому мнимое испытаніе ея преданности. Онъ разсказалъ ей исторію про древняго, костляваго и безкровнаго колдуна, къ которому она должна пойти и задать ему одинъ вопросъ, чрезвычайно важный для ея жениха. Лютый старикъ

попробуетъ отдѣлаться отъ нея ужасными угрозами и обернется или полуобернется отвратительнымъ гадомъ. Но она должна неуступать; наконецъ, чары будутъ разрушены, онъ сдастся, станетъ снова молодымъ и дастъ ей желанный отвѣтъ.

Дѣвушка во всемъ другомъ такая неприятная и все еще робко настаивавшая на тайномъ союзѣ, который не опозорилъ бы его высокое положеніе въ мірѣ, пожела-ла, только одного, — быть любимой среди той роскоши, къ которой онъ привыкъ. Герцогъ Карлъ послалъ въ старинный домикъ самыя избранныя изъ своихъ богатствъ. Уже нѣсколько дней всѣ чувствовали, что нѣчто должно случиться; кое-кому удалось видѣть ослѣпительный блескъ сокровищъ, направлявшихъ „къ дому на полянѣ“. Ужъ не готовится ли онъ на тотъ случай, если великая армія, которая вскорѣ должна будетъ пройти черезъ эту область, не оставить страну столь неприкосновенной, какъ хотѣлось бы думать?

Короткій сѣрый день казался долгимъ для тѣхъ, кто по разнымъ причинамъ нетерпѣливо ожидалъ вечера, — для недовольныхъ и встревоженныхъ придворныхъ, для подозрѣвающихъ что-то горожанъ, для герцога Карла, полного любовнымъ томленіемъ. Въ своемъ далекомъ домикѣ за холмами Гретхенъ готовилась къ испытанію. Ждали, что на ночь придутъ нѣкото-

рые важные военначальники, вожди побѣдоносной арміи, пролагающей путь черезъ сѣверную Германію безъ слишкомъ большого уваженія къ правамъ нейтральной территоріи и часто поступающей весьма сурово съ жизнью и имуществомъ ея обитателей въ поискахъ запрятанныхъ сокровищъ. Въ жестокой войнѣ это бывало только незначительнымъ эпизодомъ. Герцогъ Карлъ не сталъ дожидаться торжественнаго и блестящаго ужина, приготовленнаго для приѣма. Событія ускорили шагъ. Генералы явились въ сущности побѣдоносными завоевателями и расположились на ночлегъ въ роскошныхъ покояхъ огромнаго дворца. Армія дѣйствительно двигалась немедленно же за своими начальниками, которые (теплая и счастливая Гретхенъ была въ объятіяхъ не стараго колдуна, но юнаго возлюбленнаго) обсуждали условія окончательнаго присоединенія герцогства съ этими предателями, старыми министрами.

За тонкимъ ужиномъ герцогъ Карлъ позабылъ свою собесѣдницу, среди взрывовъ веселаго смѣха, передразнивая сонныхъ вельможъ, которые теперь принимаютъ военныхъ гостей со всей церемоніальной вѣжливостью, какъ въ какомъ-то шутовскомъ сновидѣніи. Священникъ и нѣсколько избранныхъ друзей, чтобы быть свидѣтелями брака, должны придти на мызу до наступленія ночи. Слышны, какъ думаютъ влюбленные раскаты грома. Проходятъ часы въ

ожиданіи, и нѣтъ ни священника ни его спутниковъ. Не задержала ли ихъ гроза? Герцогъ Карлъ нѣжно разубѣждаетъ дѣвушку, умоляетъ ее вѣрить ему и ждать. Но сквозь шумъ вѣтра, ставшаго бурей, сквозь раскаты грома и заглушавшая самымъ сильнымъ громомъ, ближе и ближе подходилъ ураганъ побѣдоносной арміи, подобный землетрясенію, и, когда они бросились навстрѣчу смятенію, не въ состояніи больше выносить единенія и страшной неизвѣстности, этотъ ураганъ обрушился на нихъ.

„Просвѣщеніе“, *Aufklärung*, отвѣчавшее мечтаніямъ Карла, было осуществлено другими; Лессингъ и Гердеръ, блестящіе предшественники гениальной эпохи, центромъ которой былъ Гете, входятъ по времени въ естественные предѣлы жизни Карла. Гете вполнѣ признавалъ ихъ своими предшественниками и допускалъ, что было кромѣ нихъ и множество другихъ, мечтавшихъ о новой эрѣ въ нѣмецкой литературѣ съ той страстностью, которая есть какъ бы „предчувствіе возможности“, будившихъ одинъ въ другомъ вѣру въ вѣчное существованіе поэтического идеала въ жизни человѣка, постепенно образовывавшихъ то общественное сознаніе, къ

которому и обратился наконецъ самъ Гете. Ихъ стремленія я и попытался воплотить въ портретѣ Карла.

„Суровая зима сковала Майнъ твердымъ помостомъ льда. Самыя живыя общественныя развлечения стали отъ этого еще веселѣе. Я былъ тамъ неутомимъ съ ранняго утра и, будучи легко одѣтъ, почувствовалъ себя, когда потомъ подѣхала моя мать, чтобы посмотреть на насъ, изрядно прозябшимъ. Моя мать сидѣла въ каретѣ такая величавая въ своемъ мѣховомъ плащѣ изъ краснаго бархата, застегнутомъ на груди толстымъ золотымъ шнуромъ съ кистями.

— Милая мать, — сказалъ я въ возбужденіи минуты, — дайте мнѣ ваши мѣха, я промерзъ.

Она сейчасъ же согласилась. Въ одинъ моментъ я накинулъ плащъ. Падая ниже колѣнъ, богато отдѣланный соболемъ и украшенный золотомъ, онъ шелъ ко мнѣ восхитительно. И одѣтый такъ, я сталъ весело носиться по всѣмъ направленіямъ “.

То былъ Гете, можетъ быть, пятьдесятъ лѣтъ спустя. Его мать тоже рассказала этотъ случай въ письмахъ къ Беттинѣ Brentano.

„Тамъ катался на конькахъ мой сынъ, мелкая какъ стрѣла среди другихъ. Онъ мчался по льду какъ дитя боговъ. Ничего столь красиваго уже не увидишь теперь. Я хлопала въ ладоши отъ радости. Никогда не забуду его, какъ онъ вылеталъ изъ-подъ одной арки моста и уносил-

ся подъ другую, а вѣтеръ поддерживалъ плащъ
сзади него “ .

Въ этомъ прекрасномъ образѣ, мнѣ кажется,
я вижу совершеніе *Resurgam* надъ пустымъ гро-
бомъ Карла, — вдохновенную душу самого Кар-
ла, наконецъ, дѣйственную и свободную.

**Ребенокъ
въ домѣ.**

1875

1875

Гуляя въ жаркій день, Флоріэнъ Делиль встрѣтилъ бѣднаго старика и, такъ какъ показался онъ усталымъ отъ дороги, помогъ ему нести ношу часть разстоянія. И когда этотъ человѣкъ рассказывалъ о себѣ, то случилось, что онъ назвалъ мѣстность, маленькій поселокъ вблизи отъ большого города, гдѣ Флоріэнъ прожилъ свои дѣтскіе годы, но гдѣ онъ больше никогда не бывалъ; и, кончивъ рассказъ, онъ продолжалъ свой путь, утѣшенный. А ночью, точно въ благодарность за его милосердіе, явились Флоріэну тѣ мѣста во снѣ, и сонъ этотъ замѣнилъ ему тончайшую работу памяти; съ величайшей отчетливостью представало передъ нимъ все прежнее, только было оно, какъ это часто бываетъ во снѣ, немного приподнято надъ дѣйствительностью и надъ простымъ воспоминаніемъ. Подлинный образъ тѣхъ мѣстъ, особенно же дома, въ которомъ жилъ онъ ребенкомъ,—видъ тѣхъ дверей, тѣхъ

оконъ и печей, даже запахъ, какой былъ тамъ въ воздухѣ,— не покидалъ на нѣкоторое время его сонъ; но только были краски на стѣнахъ и на полу какъ-то гармоничнѣе, только особенные, болѣе нѣжные отсвѣты и тѣни бѣжали по угламъ, по закругленіямъ комнатъ, и только казались изящнѣе скромныя рѣзныя украшенія. Онъ проснулся со вздохомъ при мысли о томъ, что почти тридцать лѣтъ легло между нимъ и тѣми мѣстами, но еще съ трепетомъ счастія отъ этого волшебнаго свѣта, который былъ тамъ на всемъ, точно улыбка. И произошло такъ, что случайный сонъ былъ именно нуженъ ему, чтобы исполнить одинъ намѣченный замыселъ: замѣтки о нѣкоторыхъ вещахъ изъ исторіи своей души,—изъ того хода внутренняго сложенія, которымъ каждый изъ насъ становится постепенно самимъ собой. Съ этимъ видѣніемъ, такимъ ласковымъ для него и свѣтлымъ, сталъ думать онъ о себѣ, какимъ былъ тогда и какъ росло тамъ его сознаніе. Лучше всего могъ онъ прослѣдить постепенное развитіе души въ этомъ полуодухотворенномъ домѣ, гдѣ суждено было ей жить, который поистинѣ сдѣлался ея неотъемлемой частью, по тому закону, что окружающіе предметы входятъ такимъ важнымъ слагаемымъ въ дѣтскую жизнь. Внѣшнее и внутреннее сплетается въ ней въ одну неразъединимую ткань,—наполовину это отън-

ки, черты и особенности домашнихъ красокъ и формъ, дерева и кирпича, наполовину же чистая душевная пряжа, которая приходитъ Богъ знаетъ откуда. Въ этомъ снѣ своемъ онъ видѣлъ домъ, садъ и ребенка, который тамъ жилъ, и такъ онъ отгадывалъ, по крайней мѣрѣ, главныя теченія вѣтровъ, игравшихъ имъ нѣкогда, такъ познавалъ онъ первый этапъ своего духовнаго путешествія.

„Старый домъ“, какъ всегда называлъ его Флоріэнъ, говоря о немъ впослѣдствіи (такъ дѣлають всѣ дѣти, которыя помнятъ переѣздъ достаточно рано, но не слишкомъ рано для того, чтобы это отмѣтило цѣлый періодъ въ ихъ жизни), былъ дѣйствительно стариннымъ домомъ. Французское происхожденіе его обитателей,—отъ Ватто, стариннаго придворнаго художника, чья кокетливая картина еще висѣла тогда въ одной изъ комнатъ,—могло объяснить то изящество и ту красивую бѣлизну, которая тамъ во всемъ преобладала; бѣлы были занавѣси, диваны, бѣлой была окраска стѣнъ, и такъ нѣжно играли на ней перемѣны свѣта и тѣни. Тѣмъ же можно было объяснить и снисхожденіе къ высокому тополю въ саду, дереву по большей части презираемому англичанами, но которое любятъ французы, замѣтившіе особенную свѣжесть въ шорохѣ его листьевъ при вѣтрѣ; малѣйшее колебаніе воздуха заставляеть ихъ журчать, какъ текущія воды.

Низкая, по старой модѣ, деревянная обшив-ка обходила вокругъ всѣхъ комнатъ и шла вверхъ по лѣстницѣ съ рѣзными перилами и темными углами; на серединѣ лѣстница приводила къ большому окну съ гнѣздомъ ласточекъ подъ карнизомъ; старая груша въ цвѣту виднѣлась сквозь него въ концѣ апрѣля на фонѣ лазури, а подъ ней такъ свѣжъ и душистъ бывалъ сокъ упавшихъ плодовъ каждую осень. На слѣдующемъ поворотѣ стоялъ шкафъ, и на глубокихъ его полкахъ хранился лучшій фарфоръ. Маленькія ангельскія головки выступали вокругъ камина въ дѣтской. А на самомъ верху дома, надъ чердакомъ, гдѣ бѣгали въ сумеркахъ бѣлыя мыши, гдѣ была неизвѣстная, безконечная страна чудесъ и дѣтскихъ сокровищъ, всякихъ стеклянныхъ бусинокъ, все еще душистыхъ флаконовъ отъ духовъ, обрывковъ цвѣтного шелка и другого хлама, — надъ всѣмъ этимъ была обнесенная рѣшеткой площадка на крышѣ, откуда открывался видъ на далекія колокольни. Ибо домъ, какъ я уже сказалъ, находился вблизи отъ большого города, откуда часто подымались надъ вьющимися флюгарками гряды клубящихся облаковъ и дыма, тронутыя солнцемъ или грозой. Но ребенокъ, о которомъ я пишу, даже любилъ туманъ изъ-за розоваго оттѣнка, который ложился отъ него на трубы, изъ-за бѣлыхъ лучей, которые лились сквозь него

въ лѣтнее утро на вышку и на мостовую внизу. Ибо ошибочно предполагать, что чувство прекраснаго у дѣтей зависитъ отъ изысканности, отъ особеннаго подбора вещей, которыя они видятъ, хотя это можетъ быть и вѣрно для большинства изъ насъ въ позднѣйшіе годы; вначалѣ мы всѣ до извѣстной степени смотримъ еще внутрь себя, и ребенокъ съ безпредѣльнымъ наслажденіемъ находитъ различныя оттѣнки своего чувства въ тѣхъ бѣлыхъ и розоватыхъ отсвѣтахъ, которые ложатся сквозь дымъ на обыкновенныя домашнія постройки и въ золотѣ одуванчиковъ, растущихъ у самыхъ стѣнъ, гдѣ все истоптано, если нѣтъ лучшихъ помощниковъ въ его поискахъ красоты.

И такъ стоялъ этотъ домъ недалеко отъ тумановъ и рокотовъ большого города, среди высокихъ садовыхъ стѣнъ, которыя одѣвались каждое лѣто золотнемъ и золотыми и темными желтофіюлями, — *Flos parietis*, какъ училъ ребенка называть ихъ его знавшій полатыни отецъ, когда онъ былъ еще съ нимъ. Часто потомъ Флоріэнъ, возстановляя основу своего усложненнаго жизнью душевнаго склада, думалъ, что тому дому онъ обязанъ многими тонами чувства, столь обычными для него впослѣдствіи, тѣмъ особеннымъ освѣщеніемъ, въ которомъ вещи наиболѣе естественно ему представлялись. Путники на дорогѣ,

висѣла клѣтка съ птицей, и мать учила его читать, удивляясь легкости, съ какой онъ учился, и живости его памяти. Благоуханіе маленькихъ цвѣтиковъ липы сѣялось на нихъ сквозь воздухъ, какъ дождь, и казалось, что все медленнѣе и медленнѣе движется время, сливаясь съ жужжаніемъ пчелъ, и, наконецъ, оно почти останавливалось послѣ іюньскаго полдня. Какъ незначительны кажутся намъ сейчасъ впечатлѣнія отъ вещей, которыя насъ окружали, насъ касались, мимо насъ мелькали въ дни ранняго дѣтства. Какъ неизгладимо, открываемъ мы послѣ, поразили они насъ; въ какихъ капризныхъ и плѣнительныхъ сочетаніяхъ запечатлѣлись они на бѣлой бумагѣ, на гладкомъ воскѣ нашихъ незапятнанныхъ душъ, точно „въ скалѣ свинецъ навѣки“, облекая въ формы и въ образы первые опыты чувства и мысли, которымъ точно особый уголъ отведенъ въ нашей памяти, которые не расстаются съ нами больше никогда, всегда тѣ же, всегда неизмѣнные.

Дѣйствительность, страсти, отголоски великаго внѣшняго міра прокрадываются къ намъ своими отдѣльными тропинками сквозь окружающую насъ стѣну привычнаго; но никогда въ послѣдствіи нельзя ихъ отдѣлить отъ той случайности, того происшествія, тѣхъ подробностей, которыми отмѣчено ихъ первое вхожденіе въ насъ. Наши воспріятія, раскрытіе

нашихъ силъ, наши многократныя испытанія,—напримѣръ различныя испытанія того, какъ является и проходитъ физическая боль,—принадлежать тому или иному, хорошо памятному уголку матеріальнаго нашего жилища: той маленькой, бѣлой комнаткѣ съ окномъ, въ которое такъ мучительно быются тяжелые цвѣты, сорванные съ дерева бурей, такъ же трепетно, такъ же порывисто и съ тѣмъ же щемлящимъ чувствомъ, какое было тогда въ тоскливое утро. И первое наше жилище становится постепенно какъ бы вещественнымъ святилищемъ и ковчегомъ нашихъ чувствъ; рядъ видимыхъ символовъ входитъ во всѣ наши мысли и страсти; мимолетные образы, голоса, незначительныя происшествія,—наклонъ, подъ которымъ лучъ солнца падаетъ утромъ на дѣтскую подушку,—все это неизбежно дѣлается звеномъ въ той великой цѣпи, къ которой мы прикованы.

Отсюда прежде всего опредѣлилось для Флоріана особенно сильное чувство родного дома,—такое властное побужденіе для всѣхъ насъ, заставляющее насъ еще больше любить жизнь, еще больше бояться смерти и ненавидѣть ее, какъ что-то чужое, неизвѣданное и вражеское; хотя, кажется, еще горше для насъ пожизненное заключеніе или вѣчное изгнаніе. Заглянуть домой хоть на минутку передъ концомъ, вотъ бѣдное ребяческое лакомство, „десертъ“, вотъ

величайшій источникъ усилій для пилигримовъ и путешественниковъ, для солдатъ въ отдаленныхъ странахъ; и если нѣтъ этой надежды, то какую силу утѣшенія пріобрѣтаетъ тогда мечта объ отдыхѣ на родномъ кладбищѣ, хотя бы тол-ко такъ,—рука объ руку въ ряду другихъ покойниковъ подъ проливными дождями, поящими землю!

а русская
безъ сомнения?

Такъ могущественъ этотъ инстинктъ, и однако случайности въродѣ тѣхъ, о какихъ я говорилъ, такъ произвольно его опредѣляютъ; сущность его рано знакома намъ, являясь нашимъ идеаломъ или типическимъ понятіемъ уютности и отдыха. Изъ многихъ возможныхъ условій именно это для меня и какъ разъ то для другого составляетъ несомнѣнное осуществленіе дорогого „своего угла“; вотъ это для насъ, англичанъ, съ плотно сдвинутыми бѣлками занавѣсами и лампой подъ абажуромъ, вотъ то, совсѣмъ другое, для кочующаго араба, который складываетъ каждое утро свою палатку или устраиваетъ ночлегъ среди обитаемыхъ призраками руинъ и въ древнихъ могилахъ.

Чувство родины у Флоріэна сдѣлалось особенно острымъ, такъ какъ на его счастье самый характеръ того дома былъ такимъ глубоко роднымъ. Послѣ многихъ странствій я пришелъ къ заключенію, что нѣкоторыя части Кента и Серрея, это настоящая родина, род-

ной ландшафтъ для англичанина,—землистая теплота желтоватыхъ песковъ подъ кустами терновника, голубоватая дымка, остающаяся послѣ дождя въ лощинахъ и между холмовъ,— это такъ ласкаетъ утомленный глазъ и никогда не встрѣчается дальше на югъ. Также думаю я, что домъ, подобный здѣсь описанному, съ точно тѣми же пропорціями зелени и красного кирпича, съ точно той же замѣтной монотонностью тихаго уклада и распорядка дней, выражаетъ, по крайней мѣрѣ для англичанина, понятіе домашней жизни.

общечеловѣкъ
русскій
свѣтъ
застѣнулъ
въ утробѣ
настала

Такимъ образомъ, общечеловѣческая черта была усилена у Флоріэна особенно роднымъ характеромъ того мѣста, гдѣ суждено было однажды затеплиться его блуждающей душѣ и которое стало какъ бы вторичной ея оболочкой и земнымъ храмомъ. Чувство гармоніи между его душой и внѣшнимъ ея окружающимъ было для него подобно иногда совершенно исполненной музыкѣ, и жизнь, которая тамъ текла, казалась чудесно покойной и насыщенной страннымъ ощущеніемъ полноты. Любовь къ уютности, къ никѣмъ неоспариваемому клочку земли подъ ногами или мѣсту ночлега, значило многое въ происхожденіи и укрѣпленіи его сознанія, и она была въ послѣдствіи спасительнымъ сдерживающимъ началомъ въ метаніяхъ его духа. Это пристальное обращеніе къ далекому дому, когда ощу-

щались тѣни вечера и когда онъ слѣдовалъ воображеніемъ за тѣмъ, что дѣлалось тамъ часъ за часомъ, объясняло ему многое въ тѣхъ исканіяхъ и сожалѣніяхъ неизвѣстно о чемъ, которыя онъ узналъ послѣ на странныхъ и одинокихъ путяхъ своихъ мыслей и чувствъ. И въ слезахъ пролитыхъ такъ далеко отъ дома было, казалось ему, подавленное предчувствіе того, чѣмъ будутъ его послѣднія слезы.

И сознаніе уютности не могло быть еще глубже, ибо миръ дѣтской души было одно съ миромъ его дома, мѣста „огражденнаго“ и „запечатлѣннаго“. Но и въ этотъ обереженный уголокъ и въ эту похожую на него душу ребенка вливались изъ широкаго окружающаго міра, точно въ окно, оставленное невзначай полуоткрытымъ, или черезъ высокую стѣну сада, два потока впечатлѣній: чувство красоты и чувство страданія; познаніе видимой, слышимой и осязаемой прелести вещей, какъ чего-то очень важнаго и захватывающаго, и рядомъ съ этимъ познаніе печали міра, которой не обойденъ никто, — взрослые, дѣти, животныя. Отсюда онъ могъ прослѣдить два главныхъ теченія съ своимъ духовномъ развитіи: ростъ почти болѣзненной чувствительности ко всякому виду страданія шель въ немъ наравнѣ съ быстрымъ раскрытіемъ способности подчиняться очарованію яркихъ красокъ и совершенныхъ формъ, — красивыя

очертанія губъ, напрімѣръ, у людей, которые ему нравились, сочетались для него въ нѣжномъ созвучіи и съ тѣмъ, что они говорили или пѣли; въ немъ рано проснулась не совсѣмъ обычная воспріимчивость, „соблазнъ ока“ какъ сказалъ Учитель, которая могла завести его однажды такъ далеко! Могъ ли онъ предвидѣть усталость на пути?

Иногда въ музыкѣ оба чувства являлись вмѣстѣ, и тогда къ удивленію старшихъ онъ плакалъ. Слезы радости тоже зналъ ребенокъ и тоже удивлялъ этимъ своихъ домашнихъ; одинъ разъ то были настоящія слезы утѣшенія послѣ напряженнаго дѣтскаго ожиданія, когда онъ встрѣчалъ вечеромъ сестренку, возвращавшуюся съ новыми розами на щекахъ изъ поѣздки туда, гдѣ былъ большой лѣсъ; она привезла ему всякія сокровища, упавшіе жолуди и черныя птичья перья, и счастье видѣть ее опять съ собой мѣшалось всю ночь съ какимъ-то близкимъ ощущеніемъ того далекаго лѣса, шума вѣтра въ немъ, качанія вѣтокъ, косо летящихъ черныхъ скворцовъ и совершенно прекрасныхъ маленькихъ чашечекъ, которыя тамъ падаютъ. Такъ оба эти первичныя воспріятія, грусти и прелести вещей, выростали въ немъ рука объ руку, и скоро впослѣдствіи увидѣлъ онъ, какъ глубоко пустили они корни въ истокахъ его жизни. Будетъ мнѣ позволено отмѣтить сперва нѣ-

которыя подробности, сопровождавшія его знакомство съ началомъ страданія въ мірѣ, — отдѣльныя случайности, которыя внезапно будили въ немъ съ полной силой то чувство, какое Гете назвалъ *Weltshmerz* и въ которомъ вся сгущенная печаль жизни ложилась на него тяжкимъ бременемъ. Въ старинной этажеркѣ лежала книга, и онъ любилъ вспоминать одну картинку изъ нея, — женщина тамъ изображалась съ руками связанными назади, платье, шляпа, волосы ея были убраны съ простотой, которая странно трогала его, точно сдѣлано было это не ею самой, но чужими руками съ какимъ-то зловѣщимъ тщаніемъ, — королева Марія-Антуанета на пути къ казни, хорошо извѣстный рисунокъ Давида, задуманный лишь для того, чтобы сдѣлать ее смѣшной. Лицо, которое было нѣкогда такимъ высокоумнымъ, научилась быть нѣмымъ и покорнымъ, но во всей безотвѣтности своей оно взывало къ людямъ о милости, о сожалѣніи; и онъ запоминалъ это, закрывая книгу какъ то, на что надо опять взглянуть, если придетъ къ нему искушеніе быть жестокимъ. И еще, никогда онъ не могъ позабыть мольбу въ маленькомъ личикѣ сестренки тамъ въ саду, подъ сиренью, когда она испугалась паука, который вползъ ей на рукавъ. Отъ этого взгляда ея, замѣченнаго имъ тогда, могъ онъ прослѣдить состраданіе, какое послѣ всегда испытывалъ къ тѣмъ,

кто боялся, хотя бы даже пустяковъ, — страданіе, дѣлавшее его на моментъ способнымъ пожертвовать собой для другого. Нервные, впечатлительные люди, у которыхъ было свое горе, окружали его тогда; и своей воспримчивостью онъ былъ отчасти обязанъ ихъ молчаливому вліянію, укрѣплявшему въ немъ признаніе, что есть люди, которымъ назначено пройти жизненный путь какъ бы „неслышными шагами“. Наиболѣе ярко могъ онъ вспомнить и возстановить во всѣхъ мельчайшихъ и незабвенныхъ подробностяхъ рыданія на лѣстницѣ, такъ горько откликнувшіяся по всему дому и навсегда врѣзавшіяся въ его душу, одной старушки, сестры отца, которая пришла извѣстить о его смерти въ далекой Индіи. Онъ помнилъ, какъ показалось ему, что это сдѣлало старую женщину точно опять ребенкомъ и какъ, неизвѣстно почему, эта мысль переполнила его сердце жалостью. И у безсловесныхъ существъ, у животныхъ, было тоже свое маленькое горе. Онъ помнилъ бѣлую ангорскую кошку съ чернымъ какъ у горноста хвостомъ и мордочкой, похожей на цвѣтокъ, которая долго болѣла и стала совсѣмъ по-человѣчески ласковой въ своей хилости, и сотни разныхъ оттѣнковъ появились въ ея мяуканьи, — какъ было ей все хуже и хуже, и не могла она даже переносить свѣтъ, и какъ наконецъ, въ одно ужасное, мучительное утро ея малень-

кая душа ушла изъ тѣла, которое было уже истерзано смертью и лишь слабо удерживало ее.

Тогда нуженъ былъ ему другой любимецъ, и, такъ какъ тамъ было много скворцовъ, которыхъ учили говорить, то для него поймали одну птицу, и онъ думалъ ходить за ней нѣжно; но всю ночь было слышно, какъ звали ее маленькіе птенцы, и какъ отзывалась имъ мать. И вотъ, съ первыми лучами свѣта, хотя не безъ борьбы съ самимъ собой, онъ спустился и отворилъ клѣтку и видѣлъ, какъ порывисто взметнула плѣнница къ своему гнѣзду. Тогда явилось чувство раскаянія, что онъ тоже былъ сообщникомъ и двигалъ по мѣрѣ своихъ силъ рычаги и пружины великаго механизма природы, такъ геніально устроеннаго, чтобы разыгрывать фуги страданія на тонкихъ нервныхъ сплетеніяхъ живыхъ существъ.

Я уже говорилъ, что малѣйшія случайности играютъ роль въ ходѣ строенія нашей души, того дома сознанія, который подобно воздушному гнѣзду складывается въ нѣчто прочное изъ летающихъ пушинокъ и соломинокъ. И такъ случилось, что, когда онъ гулялъ однажды вечеромъ, всегда запертая калитка сада была открыта и за ней большой кустъ краснаго боярышника былъ виденъ въ полномъ цвѣту, — тяжело подымались бѣловатыя кривыя вѣтки такія старыя, что было на нихъ только нѣсколько зеленыхъ листиковъ, и вѣ-

Всего добротами...
...и еще...
...и еще...
...и еще...

нецъ нѣжнаго алаго пламени выходилъ, казалось, прямо изъ сердцевины сухого дерева. Еще раньше благоуханіе доносилось до него по временамъ вмѣстѣ съ вѣтромъ черезъ стѣну, и всегда думалъ онъ, что бы такое могло быть на той сторонѣ? Теперь ему позволили взять цѣлыя пригоршни цвѣтовъ, которыхъ было столько, что наполнились всѣ старинныя фарфоровыя вазы на каминѣ, и насталь праздникъ въ дѣтской.

Былъ ли то моментъ въ развитіи его души или просто подѣйствовалъ жаркій и ароматный лѣтній воздухъ? Но только красота всего этого охватила его лихорадочно, и все время во снѣ ему чудилось, что онъ бродить по волшебнымъ дорогамъ изъ алыхъ цвѣтовъ, которые свѣжими густыми массами краснѣютъ подъ ногами и мягко заполняютъ всѣ углубленія съ обѣихъ сторонъ. И послѣ всегда, годъ за годомъ, когда появлялись цвѣты, красный боярышникъ казался ему рѣшительно самымъ краснымъ изъ всего, что есть на свѣтѣ; и божественный багрянецъ еще живой въ работахъ старыхъ венеціанскихъ мастеровъ и въ старинныхъ фламандскихъ коврахъ вызывалъ въ немъ воспоминаніе о пламени тѣхъ маленькихъ увядшихъ лепестковъ, о томъ, какъ постепенно угасало оно, когда онъ долго держалъ ихъ въ ящикахъ стариннаго шкафа. Въ первый разъ проявилась тогда страстность

его отношенія къ красивымъ предметамъ и то необъяснимое волненіе при видѣ ихъ, которое охватывало его и отъ котораго онъ почти мечталъ освободиться. Неясныя сожалѣнія и желанія мѣшались въ немъ всю ночь съ воспоминаніемъ о красныхъ цвѣтахъ и съ благоуханіемъ ихъ въ окружавшей его темнотѣ; мечты о какомъ-то неизвѣданномъ, совершенномъ обладаніи ими положили начало одной главной и по временамъ исключительной склонности, становившейся все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того какъ смѣнялись годы и какъ поля лѣса и люди снова и снова одѣвались прекраснымъ уборомъ лѣта, той любви къ красивому въ мірѣ вещей, которая сдѣлалась тираніей чувствъ надъ нимъ.

Позже онъ узналъ философовъ, которые больше всего занимали его своей оцѣнкой чувственныхъ и отвлеченныхъ началъ въ человѣческомъ познаніи и отводимыхъ имъ относительныхъ частей; въ своей умственной схемѣ онъ былъ склоненъ отводить лишь немного мѣста абстрактной идеѣ сравнительно съ ея вещественной оболочкой и проявленіями. Такія теоретическія построенія въ сущности лишь укрѣпляли то, что было инстинктивно въ его воспріятіи міра; для него всегда и во всемъ эта вещественная оболочка и эти проявленія были необходимымъ спутникомъ всякаго знанія вещей, которыхъ можно учесть и взвѣсить

въ обители мысли. Иногда онъ думалъ, что долженъ все привести къ осязанію или зрѣнію, какъ связующему звену между собой и всѣмъ, что существуетъ, чувствуетъ и живетъ; онъ искалъ въ томъ защиту настоящей жизни отъ простыхъ безцвѣтныхъ и вымышленныхъ абстракцій. И благодарно вспоминалъ онъ, что христіанство соединило такъ много, не меньше чѣмъ религія древнихъ грековъ, духовныхъ истинъ съ вещами доступными зрѣнію, снисходя такимъ образомъ къ намъ и благословляя ту нашу слабость, если это только слабость, по которой міръ чувствъ значить для насъ такъ много; эту мысль онъ любилъ, какъ часового на стражѣ своей души. И такъ все меньше и меньше думалъ онъ и заботился о душѣ иначе, какъ внѣ дѣйствительно существующаго тѣла, внѣ міра, гдѣ есть настоящія воды и настоящіе лѣса, гдѣ встрѣчаются взоры мужчинъ и женщинъ, гдѣ соединяются руки въ живомъ пожатіи. Это странно сказывалось даже въ самомъ его состраданіи, привлекая его къ тѣмъ, кто былъ несчастенъ, какой-то почти чувственной привязанностью. Онъ думалъ о Джуліэнѣ, заболѣвшемъ неизлѣчимымъ недугомъ, какъ о томъ, кого похитили въ нѣжномъ расцвѣтѣ блѣдно-янтарнаго лица и золотистыхъ какъ медь волосъ, и о Сесилѣ рано умершемъ, точно оторванномъ отъ лилій, отъ золотыхъ лѣтнихъ дней и женскихъ голосовъ;

и утѣшала его немного лишь мысль, что ребенокъ станетъ фіалкой, которая вырастетъ на укывшемъ его дернѣ. Думая о самыхъ несчастныхъ и бѣдныхъ на землѣ, онъ желалъ для нихъ не того, чего хочетъ для нихъ большинство людей, но можетъ быть прекраснѣйшихъ розъ и свободы наслаждаться столько сколько угодно, безъ всякихъ трудовыхъ заботъ, желаннымъ и яснымъ свѣтомъ новаго утра; такого утра какъ тѣ, когда видѣлъ онъ ихъ ничего незнающими объ этомъ свѣтѣ и только спѣшущими въ городъ къ ранней своей работѣ.

Такъ отдавалъ онъ себя всѣмъ этимъ вещамъ, чтобы онѣ играли на немъ, какъ на музыкальномъ инструментѣ; такъ сталъ онъ замѣчать съ углубляющеюся зоркостью и всегда съ какимъ-то волнующимъ, невыразимымъ ожиданіемъ примѣшаннымъ къ радости, смѣны года, возрастаніе или уменьшеніе дней и даже игру тѣней мѣнявшихся на гладкой стѣнѣ или на потолкѣ, запоминая, какъ свѣтъ отраженный снѣгами обрисовывалъ самые темные углы въ комнатѣ. Онъ зналъ и тѣ бурые оттѣнки въ облакахъ, которые предвѣщали дождь и ту слишкомъ суровую ясность, которая кажется въ упорномъ свѣтѣ удлиняющихся дней на порогѣ теплаго времени, будто дѣлается это лишь для того, чтобы затянуть дневной трудъ, чтобы учебники открывались раньше и закрывались позже. На-

конецъ, какъ нибудь утромъ, когда онъ лежалъ въ постели, проснувшись раньше времени, лучъ юньскаго солнца строилъ дорогу изъ золотой пыли сквозь темную комнату, и въ этомъ лучѣ были, казалось, всѣ краски, ароматы и свѣжесть утренняго сада. И вотъ уже сентябрь, и онъ идетъ по дорожкѣ усыпанной краснымъ пескомъ, чтобы посмотрѣть на корзину съ желтыми яблоками, стоящую въ старинной прохладной гостиной; это онъ помнилъ лучше всего, — какъ ужалила его оса, сидѣвшая на гниломъ яблокѣ, какъ бросился ему въ лицо румянецъ и онъ испыталъ приступъ внезапной жестокой боли. Вѣдь это тоже навело его на новыя мысли: чтобы забыться, онъ сталъ думать, какъ дѣлалъ тогда въ такихъ случаяхъ, и былъ пораженъ глубиной очарованія, или волшебства, которое являлось на моментъ въ простомъ отсутствіи боли. Особенно однажды, когда старшій мальчикъ училъ его дѣлать цвѣты изъ растопленнаго воска и когда онъ больно обжегъ себѣ руку о свѣчку, такъ, что не могъ заснуть. Онъ вспоминалъ впоследствии, какъ что-то неотвязное, бѣлый призракъ жара гдѣ-то близко около себя, который прикидалъ къ нему вплотную сквозь усыпляющій запахъ примочекъ, наложенныхъ на больное мѣсто.

И вмѣстѣ съ этимъ ощущеніемъ власти чувства надъ собой являлось къ нему тогда и

часто послѣ одна упорная мысль, мысль о томъ, каковы будутъ послѣднія впечатлѣнія его слуха и зрѣнія и какъ они застанутъ его, — аромать послѣднихъ цвѣтовъ, матовая желтизна послѣдняго утра, послѣдняя вѣсть того, что любилъ когда-то, руки, голоса; послѣдніе взоры глазъ передъ тѣмъ, какъ надо имъ закрыться навсегда, должны быть странно живыми, иначе не можетъ быть. Вѣдь умираютъ среди горячихъ слезъ, рыданій и прощальныхъ прикосновеній, среди умоляющихъ взглядовъ и такого глубокаго горя окружающихъ! Или это быть можетъ лишь тихое уплываніе всѣхъ вещей, всего великаго и малаго, тихое ухождение ихъ въ какую-то ровную даль?

Ибо рано примѣшался къ его желанію жизненной красоты страхъ смерти, — страхъ смерти, который былъ еще сильнѣе отъ этой любви къ красотѣ. До тѣхъ поръ онъ еще ни разу не смотрѣлъ въ лицо мертвымъ, какъ случилось ему позже въ парижскомъ моргѣ или на томъ необыкновенномъ кладбищѣ въ Мюнхенѣ, гдѣ всѣ усопшіе должны предстать передъ погребеніемъ въ послѣднемъ парадѣ за стеклянными окнами, среди цвѣтовъ, ладана и свѣчей, — и престарѣлые священники въ церковномъ облаченіи и юноши въ бальныхъ башмакахъ и безупречно-свѣжемъ бѣльѣ. Послѣ такихъ посѣщеній эти восковые неподвижные лица жили подолгу съ нимъ неразлучно,

и отъ нихъ тоскливымъ дѣлался самый ясный солнечный день. Правда, онъ уже слышалъ тогда о смерти отца, о томъ, какъ въ индійской стоянкѣ унесла его лихорадка, такъ что, хотя и не во время компаніи, но умеръ онъ какъ солдатъ. Но, слыша о „воскресеніи праведныхъ“, ребенокъ думалъ о немъ, какъ о комъ-то, кто все еще находится гдѣ-то въ здѣшнемъ мірѣ и какъ-то печется о немъ, — величественная, хотя, пожалуй, скорѣе страшная фигура рисовалась ему, одѣтая въ красивыя военныя вещи, вродѣ фигуры на картинкѣ изображавшей видѣніе Іисуса Навина въ библии. О томъ же, вокругъ чего такъ тихо двигались провожавшіе и послѣ такъ торжественно пѣли, думалъ онъ, какъ объ изношенной одеждѣ, кинутой въ жилищѣ, которое опустѣло. Такъ было это для него, пока не гулялъ онъ однажды съ матерью на тамошнемъ чудесномъ кладбищѣ. Въ свѣтломъ нарядѣ рѣзвился онъ среди могилъ въ тотъ лѣтній день и вдругъ въ одномъ углу наткнулся на зіявшую могилу, которая ожидала ребенка, — темный квадратъ въ свѣжей травѣ, — сырая глина громоздилась вокругъ, пригибая къ землѣ драгоценныя вѣточки цвѣтущей карликовой розы. И тогда вмѣстѣ съ знаніемъ, что и дѣти должны умирать, явился у него и ужъ больше никогда не оставлялъ его физическій ужасъ смерти, смѣшанный съ себялю-

бивымъ отвращеніемъ отъ близости какихъ-то отталкивающихъ живыхъ существъ и отъ удушающей тяжести сверху. Нѣтъ больше никакой величественной и милосердной фигуры въ красивомъ солдатскомъ уборѣ гдѣ-то въ здѣшнемъ мірѣ и покровительствующей ему! Но только немного бѣдныхъ и жалкихъ костей и надъ ними, возможно, нѣчто вродѣ фигуры, съ которой однако онъ не хотѣлъ бы встрѣтиться. Ибо, сидя въ саду подъ открытымъ окномъ, онъ услышалъ однажды, какъ говорили, что во время безъ сонницы одна больная увидѣла мертвеца сидѣвшаго рядомъ съ ней, который пришелъ звать ее отсюда; изъ этого чѣмъ-то прерваннаго разсказа онъ вывелъ ясное заключеніе, что не всѣ мертвецы на дѣлѣ переселялись на кладбище и что были они совсѣмъ не такъ неподвижны, какъ это казалось, но вели тайную, полускитальческую жизнь и въ своихъ прежнихъ домахъ, являясь совершенно открыто по ночамъ, но иногда и днемъ, пробираясь изъ комнаты въ комнату безъ особенно добрыхъ чувствъ къ тѣмъ, кто дѣлитъ съ ними прежній ихъ кровъ. Всю ночь призракъ показывался въ видѣніяхъ его тревожнаго сна и не совсѣмъ исчезалъ на утро, — странный, неудобный новый членъ семьи, отъ котораго милыя домашнія комнаты становились невѣрными, подозрительными, враждебными. За то, что такъ было, онъ могъ

почти возненавидѣть мертвыхъ, которыхъ было ему такъ жалко. Впослѣдствіи онъ сталъ думать, что тѣ несчастные, возвращающіеся къ дому призраки, „выходцы“, какихъ представляютъ себѣ всѣ люди, плачутъ и тщетно стучатся въ запертыя двери вмѣстѣ съ вѣтромъ, и тогда рыданія ихъ слышны въ вѣтрѣ, какъ внутренній и страшный напѣвъ. И все больше отдаляя и отчуждая отъ него смерть, возвращалось къ нему время отъ времени то прежнее чувство, и даже въ живомъ мелькало ему иногда ея подобіе. Во всякое время и во всякомъ мѣстѣ вдругъ вѣяло на него дыханіемъ могилы, и образъ со стиснутымъ подбородкомъ, со странной улыбкой, съ прямыми сухими ногами рисовался передъ нимъ внезапно на яркомъ коврѣ, среди веселаго общества или въ счастливейшія минуты бесѣды съ самимъ собой.

У большинства дѣтей мрачные вопросы, съ которыми связаны подобныя впечатлѣнія, если только они являются вообще, бываютъ обыкновенно навѣяны религіозными книгами, и оттого дѣти часто смотрятъ на такія книги съ тайнымъ отвращеніемъ и стараются изгнать ихъ изъ своихъ обычныхъ мыслей, какъ что-то слишкомъ тягостное. У Флоріэна эти чувства и эти сомнѣнія въ послѣднемъ выводѣ судьбы человѣка, въ согласіи между жизнью и смертью, возникли невольно, въ естествен-

номъ развитіи его души, благодаря сильной внутренней склонности къ печальнымъ тонамъ, усиленной въ послѣдствіи различными обстоятельствами. И религіозное сознаніе, система библейскихъ заветовъ, въ которыхъ былъ онъ воспитанъ, казалось ему тѣмъ, что можетъ смягчить, облагородить и возвысить, какъ бы „живой надеждой“ уже глубоко внѣдрившуюся въ немъ душевную боль. Итакъ, онъ охотно тянулся навстрѣчу религіознымъ вѣяніямъ, испытывая точно мистическую жажду всего священнаго, тѣмъ болѣе, что они исходили отъ одного благочестиваго лица, которое любило его такъ нѣжно и полагало, что столь раннее влеченіе въ ребенкѣ уже указывало на его предназначеніе къ святой жизни. Онъ сталъ любить ради нихъ самихъ церковныя свѣчи, праздники, все, что относится къ красивому обиходу алтарей, таинственность ихъ бѣлыхъ покрововъ и священныхъ сосудовъ и купелей, наполненныхъ прозрачной водой; іератическая простота и чистота всего этого сдѣлалась для него образцомъ того, что хотѣлъ бы онъ видѣть въ жизни вокругъ себя. Онъ подолгу сидѣлъ надъ картинками въ религіозныхъ книгахъ и зналъ наизусть, какъ схватилъ Іакова борющійся съ нимъ ангелъ, какимъ былъ Іаковъ въ своемъ таинственномъ снѣ и какъ были прикрѣплены колокольчики и гранаты къ краямъ Аароновыхъ одеждъ, звенѣвшіе такъ

тонко, когда онъ скользя по дерну святи-
лица. Религія уже сдѣлалась для него тѣмъ,
чѣмъ и осталась впослѣдствіи, — священнымъ
преданіемъ, конечно, но еще больше того свя-
щеннымъ идеаломъ, неземнымъ истолкованіемъ
или изображеніемъ, въ которомъ выступаетъ
яснѣе и выразительнѣе все свѣтлое и все
темное человѣческой жизни и ея обычныхъ
или особенныхъ происшествій, рожденія, смер-
ти, брака, юности, старости, слезъ, радости,
покоя, сна и бодрствованія, — или зеркаломъ,
къ которому люди могутъ обратить свой взоръ
отъ скуки и суеты жизни и увидѣтъ въ немъ
себя какъ ангеловъ, со всѣми повседневными
дѣлами, даже съ ѣдой и питьемъ, которыя то-
же становятся какими-то священными прооб-
разами, — или необходимой силой и противо-
вѣсомъ нашего обыденнаго существованія,
благодаря которой разрозненные музыкальные
аккорды, звучащіе въ немъ, связываются ме-
жду собой и соединяются въ общую, высшую
и стройную гармонію. Въ его сознаніи отгоро-
дился уголъ гдѣ поселились эти священные
образы, эти отраженія лучшихъ минутъ нашей
жизни и въ то же время ихъ высочайшіе при-
мѣры; дальнѣйшій опытъ лишь еще больше
укрѣпилъ и сохранилъ тотъ уголъ души. Ему
всегда было нужно, чтобы какія-то безплотныя
іератическія существа жили тамъ и поддер-
живали теплоту. И онъ едва могъ понять тѣхъ,

кто способны считать себя счастливыми безъ такихъ небесныхъ спутниковъ и святыхъ двойниковъ своей жизни гдѣ-то близко около себя.

Такъ постоянно въ его представленіи временное и случайное замѣнялось общимъ. Ангеловъ можно встрѣтить на дорогѣ, подѣ англійскимъ вязомъ или букомъ; простые посыльные казались иногда ангелами исполняющими небесныя порученія; глубокая тайна тяготѣла надъ обыкновенными свиданіями и разлуками; браки совершались на небесахъ; и смерть тоже, руками ангеловъ, которые тихо разъединяли душу и тѣло для назначеннаго имъ успокоенія. Всѣ поступки и происшествія повседневной жизни пріобрѣли священный оттѣнокъ и смыслъ; даже цвѣта вещей стали обременены особымъ значеніемъ и, какъ святая ткани Моисеевой кожи, были полны миромъ или покаяніемъ. Чувство, относившееся сперва лишь къ священнымъ прообразамъ, глубокая изливающаяся благодать Дома въ Виѳаніи, сдѣлалось для него постепенно тѣмъ, съ чѣмъ должно принимать наше обыденное существованіе. И одно время онъ ходилъ въ мірѣ со скрытымъ, но скорѣе пріятнымъ благоговѣйнымъ страхомъ, который навѣянь былъ постояннымъ отгадываніемъ небеснаго участія во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ жизни.

Впечатлительность, жажду вещественной красоты, странный библейскій страхъ, въ ко-

торомъ каждый намекъ о невидимыхъ силахъ былъ слышенъ ему, какъ торжественная музыка, — эти свойства ребенокъ увезъ съ собой, когда, двѣнадцати лѣтъ, его перевезли въ другое мѣсто и онъ разстался со старымъ домомъ. Онъ никогда не уѣзжалъ изъ дому раньше и многого ждалъ отъ этой перемѣны, давно мечталъ о ней и ревниво считалъ время, оставшееся до назначеннаго дня; такъ сильно желалъ онъ этого, что былъ даже невнимателенъ къ другимъ. — когда, напримѣръ, заболѣлъ Льюисъ и пришлось отложить отъѣздъ еще на два дня. Наконецъ, наступило утро, прекрасное утро, и на всемъ, даже на камняхъ и на дорожной пыли былъ бѣловатый, жемчужный отблескъ. Имъ надо было ѣхать по любимой дорогѣ, по которой онъ часто гулялъ прежде до опредѣленнаго мѣста, а въ одинъ изъ тѣхъ дней заточенія, когда былъ боленъ Льюисъ, прошелъ даже немножко дальше, побуждаемый своей сильной жаждой новыхъ мѣстъ. Они тронулись и уже успѣли немного отъѣхать, когда вспомнили, что забыли тамъ птицу въ клѣткѣ, и ему уже представилось, что она должна теперь испытывать все отчаянiе и боль и безумную тоску того, кто брошенъ другими на голодную смерть въ запертомъ домѣ. И онъ бросился за ней, самъ въ приступѣ такого же отчаяннаго горя. Но когда въ поискахъ птицы проходилъ онъ по

комнатамъ, такимъ блѣднымъ и кроткимъ въ своемъ разореніи, и когда добрался онъ, наконецъ, до той маленькой бѣлой опустѣвшей комнатки, это тронуло его такъ, будто онъ вдругъ увидѣлъ лицо умершаго, и прежняя привязанность завладѣла имъ такъ сильно, что онъ понялъ, какъ долго будетъ она жить въ немъ и какъ отнимаетъ всякую радость въ исполненіи того, чего онъ такъ страстно желалъ. И съ найденной птицей, но самъ въ агоніи тоски по дому, такъ внезапно вспыхнувшей въ немъ, покатился онъ быстро туда, въ дорогія его мечтамъ дали полей, куда уходила эта любимая деревенская дорога.

Книгоиздательство В. М. САБЛИНА.

МОСКВА,

Петровка, д. Обидиной (ходъ съ Крапивенскаго пер.).

Телефонъ 131-34.

I ОТДѢЛЪ.

Политическая библиотека.

В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учреждений. М. 1906 г. Цѣна 3 р. 75 к.

Предисловіе Максима Ковалевскаго. Переводъ подъ редакціей А. С. Яценко, съ приложеніемъ текста конституціонныхъ актовъ.

Ольстонъ. Краткій очеркъ современныхъ конституцій, съ приложеніемъ очерка конституціи Англии. М. 1905 г. Ц. 15 к.

Георгъ Мейеръ. Избирательное право, въ 2-хъ част. Историческая и общая части. Съ предисловіемъ Георга Йеллинека. М. 1905 г. Цѣна 3 руб.

Собраніе конституцій. 19 конституціонныхъ актовъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ I. Конституціи: Франціи, Германіи, Пруссіи, Швейцаріи. Декларація правъ. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ II. Конституціи: Австро-Венгерской имперіи, Австріи, Венгріи и Соединенныхъ Штатовъ. М. 1905 г. Цѣна 30 коп.

Собраніе конституцій. Выпускъ III. Конституціи: Швеціи, Норвегіи. Актъ Уніи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ IV. Конституціи: Болгаріи, Речиціи, Румыніи и Сербіи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ V. Конституціи: Австраліи, Японіи и Бельгіи. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Г. Брандесъ. Великій человекъ. (Начало и цѣль цивилизаціи.)

Лекція, читанная въ Высшей Русской школѣ въ Парижѣ. Переводъ Н. Эфроса. М. 1905 г. Цѣна 40 к.

Тардъ. Отрывки изъ исторіи будущаго. Переводъ Н. Н. Полянскаго. М. 1906 г. Ц. 40 к.

Г. Йеллинекъ. Право меньшинства. Докладъ, читанный въ юридическомъ Обществѣ, въ Вѣнѣ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 20 к.

А. А. Титовъ. Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи. Москва въ 1901 г. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Декабристы и тайныя общества въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. Слѣдствіе. Судъ. Приговоръ. Амнистія. Офіціальныя документы М. 1906 г. Цѣна 1 р.

М. Ковалевскій. Ученіе о личныхъ правахъ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 40 к.

Н. Полянскій. Свобода стачекъ. Исторія завоеванія коалиціонной свободы во Франціи. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Мильо. Тактика социализма въ рѣшеніяхъ международныхъ конгрессовъ. М. 1906 г. Цѣна 75 к.

Рѣчь Робеспьера о свободѣ печати, произнесенная въ якобинскомъ клубѣ 11 мая 1807 г. и повторенная въ Национальномъ Собраніи 2 августа того же года. М. 1906 г. Цѣна 10 к.

А. И. Герценъ. Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 50 к.

Бebelъ. Женщина и социализмъ. Полный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 193-хъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 50-ти. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Симагинъ. Отвѣтственность министровъ. М. 1906 г. Цѣна 10 коп.

Хроника социалистическаго движенія. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 35 к.

Ольшевскій. Бюрократія. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Науманъ. Демократія и императорская власть. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

К. Диль. Социализмъ, коммунизмъ и анархизмъ. Полный переводъ съ нѣм. изд. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

Рѣчи и біографіи участниковъ процесса 193-хъ и 50-ти. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Дамашке. Земельная реформа. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

П. Луи. Рабочій и государство. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Орландо. Принципы конституціоннаго права. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

- И. И. Поповъ.** Дума народныхъ надеждъ. М. 1907 г. Ц. 85 к.
- Викторъ Обнинскій.** Лѣтопись русской революціи. Выпускъ 1-ый. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Викторъ Обнинскій.** Лѣтопись русской революціи. Выпускъ 2-ой. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Петрашевцы.** Процессы Николаевской эпохи. М. 1907 г. Ц. 1 р.
- Декабристы.** Процессы Николаевской эпохи. М. 1907. Ц. 1 р.
- М. Штирнеръ.** Единственный и его достояніе. М. 1907 г. Цѣна 75 коп.
- А. А. Лопухинъ** (бывш. директоръ департамента полиціи). Изъ итоговъ служебнаго опыта. 2-ое изд. М. 1908 г. Цѣна 50 к.
- Проф. Оршанскій.** Первый шагъ (мысли о еврейскомъ вопросѣ). М. 1907 г. Цѣна 25 коп.

II ОТДѢЛЪ.

Научная бібліотека.

- Д-ръ Котикъ.** Эманация психо-физической энергіи. М. 1907 г. Цѣна 60 к. (Распродано).
- А. Риги.** Современная теорія физическихъ явленій (радіоактивность, іоны, электроны). М. 1906 г. Цѣна 80 к.
- Э. Жаваль.** Среди слѣпыхъ. Практическіе совѣты для лицъ, потерявшихъ зрѣніе. Переводъ Г. Г. Оршанскаго. М. 1905 г. Цѣна 60 к.
- В. Оствальдъ.** Школа химіи. Первая часть, переводъ Евг. Раковскаго. М. 1904 г. Цѣна 1 р.
- В. Оствальдъ.** Школа химіи. Вторая часть. М. 1905 г. Ц. 1р.
- Сельско-хозяйственный анализъ.** Составили: пр. Сельско-хозяйственнаго Института Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. Часть 1-ая. Почва. М. 1907 г. Цѣна 2 руб.
- Сельско-хозяйственный анализъ.** Составили: проф. Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. Часть 2-я. Удобреніе и кормовыя вещества. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 75 коп.
- Штарке.** Опытное ученіе о физикѣ. М. 1907 г. Цѣна 2 руб.
- Э. Ферри.** Уголовная социологія. Редакція проф. Познышева.

III ОТДѢЛЪ.

Бібліотека художественной литературы.

- Князь С. Д. Урусовъ.** Записки губернатора. М. 1907 г. 1 р. 50 к.
- Н. А. Морозовъ.** Въ началѣ жизни. (Какъ изъ меня вышелъ революціонеръ вмѣсто ученаго). М. 1908 г. Цѣна 80 коп.
- Н. А. Морозовъ.** Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. 2-ое изданіе, значительно дополненное. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Ст. Шибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VI. М. 1906 г.
Цѣна 2 р.

Содержаніе: Дѣти сатаны. De profundis.

Ст. Шибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г.
Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Заупокойная месса. Стихотворенія въ прозѣ.
Вѣчная сказка.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Повѣсти и
разказы. 2-ое изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Рабы любви. Сынъ солнца. Закхей. По ту сто-
рону океана. Отъявленный плутъ. Отецъ и сынъ. Царина Савская.
Дама изъ Тиволи. Тайное горе. Кольцо. На улицѣ. Енъ Тру. По-
чтовая лошадь. Рождественская пирушка. Сочельникъ въ горной
хижинѣ. Шкиперъ Рейерсенъ. На отмели близъ Нью-Фаундленда.
Парижскіе этюды.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-ое изд.
М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Редакторъ Линге, романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. Повѣсти и
разказы. 2-ое изд. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голосъ жизни. Маленькія приключенія: (Страхъ
смерти. Уличная революція. Въ преріи. Привидѣніе. Гастроля
Завоеватель. Викторія.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. 2-ое изд.
Повѣсти и разказы. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голодъ. У царскихъ врагъ,—драма въ 4-хъ д.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ V. 2-ое изд.
Повѣсти и разказы. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Панъ,—романъ. Вечерняя заря,—драма въ 4-хъ д.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ VI. М. 1907 г.
Цѣна 1 р.

Содержаніе: Въ сказочной странѣ—романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г.
Цѣна 1 р.

Содержаніе. Новь—романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ VIII. М. 1907 г.
Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Фантазеръ. Въ странѣ полумѣсяца.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ IX. М. 1907 г.
Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Загадки и тайны.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Драмы: Пеллеасъ и Мелизанда. Смерть Тентажиля. Алладина и Паломидъ. Семь принцессъ. Сестра Беатриса. Монна Ванна. Жуазель.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Сокровище смиренныхъ. Мудрость и Судьба.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сокровенный храмъ. Правосудіе. Эволюція тайны. Царство матеріи. Прошлое. Счастье. Будущее. Жизнь пчелъ.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Разумъ цвѣтовъ. Двойной садъ.

Морисъ Метерлинкъ. Слѣпые, драма. Переводъ В. М. Саблина. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянецъ. М. 1905 г. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинъ. Вторженіе, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянецъ. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Внутри, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянецъ. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Двѣнадцать пѣсенъ. Переводъ Георгія Чулкова. Обложка, рисунки, заставки работы Дудлэ. Нумерованные экземпляры 5 р., нумерованные—3 р.

Ст. Шибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Съ предисловіемъ автора и его портретомъ. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Поэмы (Аметисты. Въ долинѣ слезъ. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Introibo. Рапсодія 1. Eripsychidion. Рапсодія 2. Свѣтлыя ночи. Рапсодія 3. У моря). Cupio Dissolvi.

Ст. Шибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ II. Съ предисловіемъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сыны земли (Малярія. Сумерки. Ultima Thule).

Ст. Шибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. III. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Homo Sapiens.

Ст. Шибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. IV. Съ критической статьей автора „О драмѣ и сценѣ“. М. 1905 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Драмы (Пляска любви и смерти. Золотое руно. Счастье. Мать. Гости. Снѣгъ).

Ст. Шибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. V. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Критика (Къ психологіи индивидуума: Шопенъ и Ницше. Ола Гансонъ. Путями души. Вступленіе. Афоризмы и Прелюдіи. Эдвардъ Мунхъ. Густавъ Вигеландъ. Шопенъ. Пламенный. Памяти Юлія Словацкаго. Съ Куявскихъ полей).

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. 1-ый. М. 1907 г. Цѣна 2 р.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. 2-ой. М. 1907 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи (Итоги художественной литературы въ XIX вѣкѣ.) 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи. Часть вторая. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Люблинскій. Итоги современнаго искусства и литературы. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ I, съ портретомъ автора и критической статьей Г. Брандеса. М. 1906 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Сказка, драма.—Смерть, новелла.—Мгновенія жизни, драма.—Литература, комедія.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изд. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Завѣшаніе, драма.—Поручикъ Густель, новелла.—Анатоль, діалогі.—Роковой вопросъ. Рождественскій подарокъ. Эпизодъ. Сувениръ. Прощальный ужинъ. Агонія. Утро Анатоля передъ свадьбой. Жена философа. Послѣднее свиданіе. Бенефисъ. Цвѣты. Мертвые молчатъ.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. III. 2-е изданіе М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Трилогія: Парацельсъ. Подруга. Зеленый пугай.—Покрывало Беатриче.—Одинокой тропой.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Берта Гарланъ. Храбрый Касьянъ. Канунъ Нового года. Общая добыча.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Забава, драма.—Интермеццо, драма.—Разсказы.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. 6-ой. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Хороводъ. Новеллы. Крикъ жизни. Маріонетки.

Артуръ Шницлеръ. Забава, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1899 г. Цѣна 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Общая добыча (Пощечина), драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ Н. Е. Эфроса. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. I. Драмы, съ портретомъ и предисловіемъ автора. 2-е изданіе. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Принцесса Малень. Вторженіе смерти. Аглавена и Селизета. Слѣпые. Аріана и Синяя Борода. Intérieur.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, т. X. М. 1908.

Цѣна 1 р.

Содержаніе: Драма жизни. Царица Тамара.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. 2-ое изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки и рассказы.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е издание. М. 1907 г. Цѣна въ переплетѣ 2 р., безъ переплета—1 р. 50 к.

Содержаніе: Портретъ Доріана Грея, романъ.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. 2-ое изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки. Стихотворенія въ прозѣ. Саломея. De profundis (тюрьма).

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: О социализмѣ. Герцогиня Падуанская. **Вѣрѣ леди Уайндермеръ.**

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, переводъ съ польскаго В. Ту-чапской. 2-е издание. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: **Отрывки.** Гимнъ Аполлону. Триумфъ. Двойная смерть. Заколдованная княжна. Карьера попугая. Гробы. Дождь. Недоразумѣніе. Гордость. Изъ афоризмовъ. Ледяная вершина. Монархъ. Кукла. Изъ воспоминаній художника. Къ небу. **Стихотворенія въ прозѣ.** Воспоминаніе. Судъ. Тѣнь. Любовь. Роза. На Везувіѣ. Черный мотылекъ. Надъ потокомъ. Счастье. Журавли. Ель. Къ женщинѣ. Тяжелое будущее. Къ смерти. За стеклянной стѣной. Одна изъ сказокъ. **Бездна.**

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія. Переводъ А. Торскаго. М. 1907 г. Цѣна 1 руб. (Конфисковано).

Содержаніе: Революція—драма.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Содержаніе: На горныхъ уступахъ.

О. Мирбо. Собраніе сочиненій. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Садъ пытокъ—романъ.

О. Мирбо. Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе. Себастьянъ Рокъ.

О. Мирбо. Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Дневникъ горничной.

Анатоль Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Таисъ-Клю.

Анатоль Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Господинъ Бержере въ Парижѣ.

Анатоль Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Красная лилія.

Анатоль Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Валтасаръ.

Анатоль Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Критическій очеркъ Г. Брандеса. Садъ Эпикура.

Германъ Зудерманъ. Да здравствуетъ жизнь!— Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ, съ разрѣшенія автора, В. М. Саблина. 2-е изд. М. 1902 г. Цѣна 75 к.

Гергартъ Гауптманъ. Эльга, переводъ В. М. Саблина. Ц. 75 к.

Гергартъ Гауптманъ. Красный пѣтухъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 60 к.

Максъ Гальбе. Потокъ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, литографированное изданіе для театровъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Генрикъ Ибсенъ. Женщина съ моря, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 40 к.

Э. Лабишъ и Делакуръ. Копилка, комедія - шутка въ 5-ти дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1902 г. Цѣна 40 к.

Роде. Гауптманъ и Ницше. Критическій очеркъ. М. 1903 г. Ц. 40 к.

Поль Эрвье. Пессимизмъ и современный театръ. Критическій очеркъ. М. 1902 г. Цѣна 30 к.

Треплевъ. Фактъ и возможность. Этюдъ о М. Горькомъ, съ портретомъ М. Горькаго. М. 1904 г. Цѣна 30 к.

Треплевъ. Молодое сознание, этюдъ о Вл. Г. Короленко, съ портретомъ В. Г. Короленко. М. 1904 г. Цѣна 40 к.

Треплевъ. Три этюда. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Содержаніе: Радость земли. Механизмъ. Бѣгство отъ земли.

Георгій Чулковъ. Кремнистый путь, стихотворенія и поэмы М. 1904 г. Цѣна 1 р.

С. Выспанскій. Варшавянка,— драма. Переводъ В. А. Высоцкаго. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Э. Кей. Вѣкъ ребенка. Первый полный переводъ Е. К.—М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Э. Кей. Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Э. Кей. Любовь и бракъ. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Танъ. Мужики въ Государственной Думѣ. М. 1907 г. Цѣна 10 к.

Танъ. На тракту,—повѣсть. М. 1907 г. Цѣна 10 к.

Танъ. Красное и черное. Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Опять на родинѣ. Христось на землѣ, фантазія.

Сонъ тайнаго совѣтника. На тракту, очерки изъ жизни петербургскихъ рабочихъ. Дни свободы, повѣсть изъ московскихъ событій.

По губерніи безпокойной. Крестьянскій союзъ. Первый крестьянскій съездъ въ Москвѣ. Совѣщаніе въ Гельсингфорсѣ. Мужики

въ Думѣ. Долго ли? Легенда о счастливомъ островѣ.

Берентъ. Гнилушки,—романъ. М. 1907 г. Цѣна 2 р.

Ригеръ-Налковская. Женщины—романъ. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Печатаются и скоро поступать въ продажу:

Пшибышевскій.

Полное собраніе сочиненій,
т. VIII.

О. Мирбо. На автомобилѣ.

Стриндбергъ.

Пьесы.

Сизеранъ.

Англійская живопись.

IV ОТДѢЛЪ.

ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Бр. Гриммъ. Сказки и легенды, въ переводѣ А. Федорова-Давыдова. 2-е изданіе Уч. К. М. Н. П. одобрено въ средн. и низш. уч. зав. Тт. 1-ый и 2-ой. Цѣна за два тома 3 руб., въ коленкор. пер. 4 руб.

Японскія сказки.

Переводъ В. Ф. Коршъ. М.
1906 г. Ц. 40 к.

С. Лагерлефъ.

Легенды о Христѣ. Ц. 2 р.

С. Лагерлефъ.

Сказки и легенды. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Сетонъ-Томпсонъ.

Мои дикіе знакомые. Ц. 2 р.

Э. Сетонъ-Томпсонъ.

Животныя герои. Ц. 2 р.

Э. Сетонъ-Томпсонъ.

По слѣдамъ оленя. Ц. 75 к.

Лонгъ.

Младшій братецъ медвѣдя.
Ц. 1 р. 75 к.

Перри-Робинзонъ.

Черный медвѣдь. Цѣна 1 р.
75 к.

Р. Киплингъ.

Вотъ такъ сказки! Ц. 2 р.

Р. Киплингъ.

Джунгли. въ 2-хъ томахъ.
По 1 р. 50 к.

Г. Кеннеди.

Индійскія сказки. Ц. 2 р.

Макманусъ.

Ирландскія сказки. Ц. 1 р.
25 к.

Волховской.

Дюжина сказокъ. Ц. 1 р.
25 к.

Н. Готорнъ.

Книга чудесъ. Ц. 1 р.